

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32](06)
ББК 60+87я437
П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Д. В. Маковская, канд. полит. наук

Редакционная коллегия:

Авдонин В. С., д-р политических наук (Москва); Алиев А. А.-Г., д-р ист. наук (Москва); Аликберов А. К., канд. ист. наук (Москва); Андросов В. П., д-р ист. наук, профессор (Москва); Бармина Е. А., канд. филол. наук, доцент (Севастополь); Белоглазов Р. Н., канд. ист. наук (Севастополь); Гарас Л. Н., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Дмитриев В. В., канд. ист. наук, доцент (Севастополь); Ефременко Д. В., д-р политических наук (Москва); Жиртуева Н. С., д-р филос. наук, доцент (Севастополь); Зайцев И. В., д-р ист. наук, доцент (Москва); Ирхин А. А., д-р полит. наук, доцент (Севастополь); Кабаченко А. П., канд. филос. наук, доцент (Севастополь); Козлов М. Н., д-р ист. наук, доцент – редактор истор. рубрики (Севастополь); Миронов А. В., д-р филос. наук, доцент – редактор филос. рубрики (Севастополь); Наумкин В. В., д-р ист. наук, профессор, академик РАН (Москва); Скворцов Л. Д., д-р филос. наук, профессор (Москва); Скребец Е. В., д-р полит. наук, доцент – редактор полит. рубрики (Севастополь); Чихарев И. А., канд. полит. наук, доцент (Севастополь); Шаронова В. Г., канд. ист. наук (Москва).

Editor-in-chief

Maksimova E.N., Doctor of Political Sciences, Docent

Executive secretary

Makovskaya D.V., Candidate of Political Sciences

Editorial Board:

Avdonin V.S., Doctor of Political Sciences (Moscow); Aliev A.A.G., Doctor of Historical Sciences (Moscow); Alikberov A.K., Candidate of Historical Sciences (Moscow); Androsov V.P., Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow); Barmina E.A., Candidate of Philological Sciences, Docent (Sevastopol); Beloglazov R.N., Candidate of Historical Sciences (Sevastopol); Garas L.N., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Dmitriev V.V., Candidate of Historical Sciences, Docent (Sevastopol); Efremenko D.V., Doctor of Political Sciences (Moscow); Zhirtueva N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Zaytsev I.V., Doctor of Historical Sciences, Docent (Moscow); Irkhin A.A., Doctor of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Kabachenko A.P., Candidate of Philosophical Sciences, Docent (Sevastopol); Kozlov M.N., Doctor of Historical Sciences, Docent – Editor of Historical Section (Sevastopol); Mironov A.V., Doctor of Philosophical Sciences, Docent – Editor of Philosophical Section (Sevastopol); Naumkin V.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Skvortsov L.D., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Moscow); Skrebets E.V., Doctor of Political Sciences, Docent – Editor of Political Section (Sevastopol); Chikharev I.A., Candidate of Political Sciences, Docent (Sevastopol); Sharonova V.G., Candidate of Historical Sciences (Moscow)

П18 Парадигмы истории и общественного развития [Текст] : сб. науч. тр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВО «Севастоп. гос. ун-т» ; под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; редкол.: В. С. Авдонин [и др.]. — Вып. 14. — Севастополь : СевГУ, 2019. — 62 с. — ISSN 2500-4190.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим и политическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой. Сборник выходит 4 раза в год. Издается с января 2016 г. Сборник зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN (ISSN: 2500-4190), Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-64133 от 25 декабря 2015 г.), индексируется в библиографической базе данных научных публикаций российских учёных РИНЦ.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Коваленко В. В. Приобретение Ахтиара.....	5
Козлов М. Н., Шендрикова С. П. К вопросу о причинах гибели князя Игоря Рюриковича: факты против мифов	12

Философские науки

Чугунов С. В. Проблема культуры в русской философии начала XX в	17
Жиртуева Н. С. Традиции йоги о природе эгоцентрического сознания, страстях и методах борьбы с ними.	22
Ткаченко Р. В. Анализ идеи прогресса в контексте современной футурологии.	28
Миронов А. В. Роль «святых мест» в духовной культуре этноса (на примере произведений русских писателей конца XIX – начала XX вв.)	32

Политические науки

Гарас Л. Н. Сетевизация общества в политической проекции	38
Максимова Е. Н. Развитие системной методологии в политической науке: процедурный аспект	43
Чемшист А. А. Севастополь – форпост южных рубежей России.....	47
Скребец Е. В. Имперское развитие России в концепции Ф. Тютчева.....	52

Рецензия

Шахин Ю. В. Новый взгляд на рабочий класс и государство в Югославии (Рецензия на монографию: Unkovski-Korica, V. The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment / V. Unkovski-Korica. – L. – N.-Y.: I. B.Tauris & Co. Ltd, 2016. – X, 294 p.)	57
---	----

CONTENTS

Historical Studies

Kovalenko V.V. Acquiring of Akhtiar	5
---	---

Kozlov M. N., Shendrikova S. P. On the Causes of the Death of Prince Igor Rurikovich: Facts Against Myths	12
---	----

Philosophical Studies

Chugunov S. V. The Problem of Culture in Russian Philosophy of the Early 20th Century	17
---	----

Zhirtueva N. S. Yoga's traditions about the nature of self-centered consciousness, passions and methods of struggle with them	22
---	----

Tkachenko R. V. The Notion of Progress: an Analysis within the Context of Contemporary Futures Studies	28
--	----

Mironov A.V. The Role of "Holy Places" in the Spiritual Culture of an Ethnic Group (on the Material of Works of Russian Writers of the Late 19th - Early 20th Centuries)	40
--	----

Political Studies

Garas L. N. Networking of Society in Political Projection	38
---	----

Maksimova E. N. Development of System Methodology in Political Science: Procedural Aspect	43
---	----

Chemshit A. A. Sevastopol – the Outpost of the Southern Borders of Russia	47
---	----

Skrebets E.V. Imperial Development of Russia in the Concept of F. Tyutchev	52
--	----

Review

Shakhin Y.V. A New View at the Working Class and State in Yugoslavia (Rev.: Unkovski-Korica, V. The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment / V. Unkovski-Korica. – L. – N.-Y., 2016. – X, 294 p.)	57
--	----

УДК 355.49(262.52.04-17)''1768-1783''

В статье описываются события 1771-1783 годов, связанные с исследованием Ахтиарской гавани, первыми зимовками в ней кораблей создаваемого на Чёрном море военного флота, началом строительства порта на берегу Ахтиарского залива. Приводятся имена тех, кто был причастен к рождению южного форпоста России – Севастополя.

Ключевые слова: Екатерина II, Григорий Александрович Потёмкин, Александр Васильевич Суворов, Петр Александрович Румянцев, Федот Алексеевич Клокачев, Фома Фомич (Томас) Мекензи, Дмитрий Андреевич Доможиров, Иван Максимович Одинцов, Ахтиар, Севастополь.

В. В. Коваленко, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: cowlalenco.vitalij@yandex.ru

ПРИБРЕТЕНИЕ АХТИАРА

В ходе русско-турецкой войны 1768-1774 годов на Дону под руководством контр-адмирала Алексея Наумовича Сенявина была создана военная флотилия. Именованная вначале Донской, а затем Азовской, к весне 1771 года она насчитывала 5 плавучих батарей – прамов, 12 практически плоскодонных «новоизобретённых кораблей», имевших на борту от 12 до 20 пушек среднего калибра, 60 мелких вооружённых судов [4, с. 13]. При активном участии флотилии русские войска 21 июня 1771 года взяли крепости Керчь и Еникале. Для российского флота был открыт путь в Чёрное море.

Флотилия А. Н. Сенявина, получившего к этому времени чин вице-адмирала, перебазировалась из Таганрога в Керчь. Её главной задачей стала охрана побережья полуострова с целью недопущения высадки турецких десантов. Для этого выделили три отряда кораблей, каждому из которых определили район крейсирования. Возглавили их контр-адмирал Алексей Филиппович Баранов, капитаны 2 ранга Яков Филиппович Сухотин и голландец на русской службе Ян Генрих Кинсберген. Местом для стоянки и ремонта судов последний избрал Балаклавскую бухту.

19 мая 1772 года Россия и Турция подписали перемирие. 1 ноября с ханом Сахиб II Гераем был заключён договор, согласно которому Крым объявлялся независимым от султана и находящимся под покровительством России. В этом же 1772 году премьер-майор Степан Данилович Бурнашев, командир корпуса егерей, дислоцированного в крымских горах [3, с. 45], снял и описал «Оккуратный план положению Алхтарской гавани, с лежащими при оной древними городами Алхтаром и Херсоном, с показанием расположенных от рос. армии постов» [18].

Турция настойчиво добивалась отказа России от покровительства над Крымским ханством. Не добившись желаемого, она возобновила в марте 1773 года военные действия. Активное участие в них принял российский флот на Чёрном море. Утром 23 июня отряд, в который входили «новоизобретённые корабли» «Таганрог» и «Корон», столкнулся близ Балаклавы с турецкой эскадрой, состоявшей из трёх 52-х пушечных кораблей и 24-х пушечной шебеки [8, с. 440]. Несмотря на явное неравенство в силах, командир отряда Ян Кинсберген приказал атаковать противника. Во время боя, продолжавшегося шесть часов, русские моряки причинили большие повреждения турецким кораблям, вынудив их ретироваться.

Осенью 1773 года в Балаклавскую бухту вошли для ремонта суда «Морея», «Модон» и «Новопавловск». Командир отряда Я. Кинсберген, к этому времени уже капитан 1 ранга, направил, согласно инструкции для судовых начальников, описную партию с корабля «Модон» в соседнюю бухту [4, с. 37-38]. Командир партии, штурман прапорщичьего ранга Иван Батурич, произвёл съёмку берегов обширной «Ахтырской гавани». Названа так она была по имени татарской деревушки, состоявшей из девяти мазанок и находившейся на северной стороне бухты, ближе к её устью.

Виктор Филиппович Головачёв, автор первого фундаментального труда по истории Севастополя, назвал карту Ивана Батурина «замечательной». Он отметил «большую аккуратность ее составителя, который глубину по всему заливу тщательно обозначил в футах, и при том ее проставил всюду там, где она была нужнее для приходящих судов... тогда как, на всех позднейших промерных картах этого же залива, она обозначена только в саженьях, и, следовательно, уже с меньшей точностью» [4, с.37]. На

карте отчетливо обозначены стены и башни Инкерманской крепости, строения, которые находились в ней, а также в городе близ цитадели и предместье. Среди зданий отмечены греческие церкви Св. Георгия Победоносца, Св. Дмитрия, Св. Сергия, Вознесения Господня, Св. География, а также две мечети. В аккуратном масштабе нанесены все пещеры и горы – в профилях и в плане [4, с. 38].

По условиям Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года к России отошли бывшие турецкие крепости Азов, Керчь, Еникале, Кинбурн и земли между Днепром и Бугом. Артикул 6 трактата провозглашал народы Крымского ханства вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но в духовных вопросах остающимися в ведении султана как верховного халифа [24, с. 26-27]. Российская и Османская империи по-прежнему имели возможность активно влиять на положение дел в Крыму, где развернулась борьба между протурецкими и пророссийскими кругами. В 1776 году Россия смогла утвердить на ханском троне своего ставленника Шагин Герая. Проводимые им реформы вызвали недовольство значительной части крымского населения, активно подогреваемое Константинополем.

Остро встал вопрос о создании на полуострове военно-морской базы, опираясь на которую Россия могла эффективно противодействовать попыткам Османской империи восстановить контроль над Крымом. В начале осени 1777 года в Ахтиарскую бухту зашёл посыльный бот «Курьер». Командир его, мичман Николай Сорокин, получил от нового командующего Азовской флотилией контр-адмирала Федота Алексеевича Клокачева задание провести опись Ахтиарской гавани. Вечером 4 сентября бот, сорванный с якоря сильным шквалом, был выброшен на камни и разбит. Погибли при катастрофе подштурман Александр Лукьянов и 22 нижних чинов. Командир, распорядившийся очень хорошо, был оправдан [21, с. 24].

Несмотря на гибель судна, мичману Николаю Сорокину удалось выполнить поставленную перед ним задачу и представить контр-адмиралу Ф. А. Клокачеву карту Ахтиарской гавани. 5 декабря 1777 года Федот Алексеевич отправил её главному начальнику Морского ведомства, вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Ивану Григорьевичу Чернышеву. В сопроводительном письме Клокачев дал характеристику «Ахъярскому (Ахтиарскому) заливу и в нём с гаванью Ходалитасы» как «лучшему в Крыму к содержанию судов» [8, с. 526].

В марте 1778 года командование русскими войсками в Крыму принял генерал-поручик Александр Васильевич Суворов. Наряду с прочими, перед ним стояла задача не допустить высадки турецких десантов на полуострове. Особое внимание Суворов уделил Ахтиарскому заливу, в котором с декабря 1777 года находился отряд из 7 крупных и многих мелких турецких судов [22, с. 43]. Оценив обстановку, Александр Васильевич отправил письмо Малороссийскому генерал-губернатору Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, в котором предупреждал об опасности турецкого десанта в Крыму [22, с. 66-67].

Первым по вероятности пунктом высадки неприятеля Суворов назвал район Ахтиара. Турецкие военнослужащие со стоявших в здешней гавани судов свободно сходили на берег для пополнения запасов пресной воды и продовольствия, добываемого у местных жителей. К очередному рапорту, направленному на имя П. А. Румянцева, Суворов приложил обращение от депутатов Крымского ханства с жалобой на обиды и угрозы населению со стороны турок и с просьбой о защите, а также перевод письма от них же к командующему турецким флотом Гаджи-Мегмет-аге с выражением возмущения по поводу недопустимого поведения его подчинённых по отношению к местным жителям [5, с. 493-496].

7 июня 1778 года в стычке с турками был убит один из двух донских казаков, сменившихся с поста, находившегося у руин Херсона (Херсонеса). Суворов немедленно отправил письмо к Гаджи-Мегмет-аге с требованием найти и наказать убийц, а также запретить впредь сход с кораблей вооруженным людям. В ответном письме турецкий адмирал заверил в дружбе, пообещал строго наказать виновных, запросив при этом их приметы. Суворов отправил второе послание, сообщив приметы убийц по показанию товарища убитого казака и вновь потребовал отыскать виновных и достойно их наказать [22, с. 68-69].

Не получив на этот раз ответа, Суворов решил принудить турецкий флот покинуть Ахтиарскую гавань, не применяя оружие. Сравнительно узкий выход из неё подсказал план действий. В рапорте П. А. Румянцеву генерал-поручик доложил: «Сего месяца на 15-е число по 3 батальона дружелюбно расположились с обеих сторон Инкерманской (Ахтиарской) гавани с приличною артиллериею и конницею и при резервах вступили в работу набережных ее укреплений» [5, с. 490]. Суворов также отправил письмо в Керчь к капитану бригадирского ранга Александру Ивановичу фон Крузу с просьбой обеспечить крейсерство судов Азовской флотилии до Балаклавы и Козлова (ныне Евпатория – В.К.) [8, с. 547].

Утром 15 июня турецкий адмирал отправил письмо Суворову с просьбой сообщить о причинах постройки укреплений [5, с. 491]. В пространном ответном письме Александр Васильевич заверил Гаджи-Мегмет-агу в дружбе и желании сохранить мир, выразив надежду на то, что виновные в убийстве казака будут всё-таки найдены и наказаны, а сход на берег вооружённым людям запрещен [5, с. 491 - 492]. Турецкий адмирал, убедившись в том, что через короткое время его флот будет заперт как в мышеловке, 17 июня приказал своим судам покинуть Ахтиарскую гавань.

После ухода турецкой эскадры Суворов продолжил возведение фортификационных сооружений. Были созданы пятиугольные батареи на мысах у входа в Ахтиарский залив с северной и южной стороны, четырёхугольный редут позади первой и шанец в тылу второй. На северном берегу была возведена и другая батарея, расположенная несколько восточнее первой. Неподалеку от устья реки Бельбек поставили четырёхугольный редут [23, с. 512]. В ахтиарских укреплениях были размещены два батальона мушкетёр [5, с. 553]. 18 сентября 1778 года в рапорте П. А. Румянцеву Суворов доложил расписание расквартирования русских войск в Крыму на осенне-зимний период. При Ахтиарской и Балаклавской гаванях, устье реки Бельбек и в Инкермане оставался, «как расположился» ранее, Рязский пехотный полк [5, с. 717].

10 марта 1779 года полномочные представители Российской и Османской империй подписали в султанском дворце Айналы Кавак «Изыяснительную конвенцию», известную как «Айналы-Кавакская» или «Константинопольская». В ней подтверждались основные положения Кучук-Кайнарджийского трактата и конкретизировались спорные вопросы, связанные со статусом Крыма. Российская сторона согласилась на то, чтобы ханы по избранию и возведении их на трон «целым обществом народа своего», присылали к султану депутатов с «торжественным признанием» в его особе «верховного Калифейства Магометанской веры, а по тому и с прошением духовного его благословенья».

Османская империя со своей стороны обязалась не претендовать под предлогом «духовной связи и влияния» на гражданскую и политическую власть крымских ханов, а также давать им «благословенную грамоту» без «осложнения и отговорок» [10, с. 801]. Россия обещала вывести все свои войска из Крыма и Тамани в три месяца, а из Кубани, «по причине отдаленности», в три месяца и двадцать дней от дня подписания конвенции, и «не вводить их туда вновь ни под каким видом». Такие же обязательства взяла на себя Османская империя, которая, после получения известия о выводе русских войск, соглашалась признать Шагин Герая ханом и снабдить его «благословительными грамотами» [10, с. 802]. К середине 1779 года русские войска покинули Крым, оставив 6-тысячный гарнизон в Еникале и Керчи.

Ратификация Айналы-Кавакской конвенции не привела к прекращению противоборства Турции и России за влияние на Крым, где политика Шагин Герая вызвала массовое недовольство населения. Предотвращение вмешательства с турецкой стороны требовало укрепления российского флота на Чёрном море, нуждавшегося в базе для строительства и размещения больших военных кораблей. 18 июня 1778 года Екатерина II направила Потемкину предписание: «Желаем, чтоб вы с графом Чернышевым постановили о месте удобном, по соображению выгод морских и сухопутных, хотя бы оное выше или же и на Днепре было, а потом приступили и к распоряжениям о строениях, представляя каждый по зависящей от него части оным планы и сметы. Место сие повелеваем именовать Херсон» [1, с. 110-111].

26 мая 1779 года в новом городе был заложен первый линейный корабль для российского флота на Чёрном море [8, с. 716]. До конца года сюда были переведены семь военных судов из состава Азовской флотилии. Вскоре, однако, проявились слабые места Херсона как базы корабельного флота – значительная удаленность от моря и мелководье устья Днепра, затруднявшее проход больших судов. Для проводки их приходилось использовать парные понтоны – камели, использовавшиеся для уменьшения осадки. К тому же Турция, имевшая в устье Днепро-Бугского лимана (далее Лиман – В. К.) мощную крепость Очаков, в любое время могла блокировать выход русского флота в Чёрное море.

Гораздо более удобным для базирования флота был глубоководный и незамерзающий Ахтиарский залив, после Кучук-Кайнарджийского мира находившийся на территории формально независимого Крымского ханства. Правитель его Шагин Герай понимал, что здешняя гавань будет использоваться либо Турцией, поддерживавшей его противников, либо Россией, стремящейся пресечь турецкое вмешательство в крымские дела. 14 июня 1782 года П. П. Веселицкий, российский посланник в Крыму, направил из Керчи донесение на имя Екатерины II, в котором сообщил о своей беседе с ханом. Шагин Герай просил сообщить императрице «сколь ему прискорбно, что Ново-Херсонская гавань неудобна к содержанию в оной флота, который льдом и червями, в тамошней воде избилующими, подвергается безвременной порче» [5, с. 612].

Затем хан отметил преимущества перед Ахтиарской гавани «древнего Херсона», в которой «ни червей нет, ниже когда замерзает, а сверх того, всеми ветрами в оную входить и, по желанию, выходить можно... Если вашему императорскому величеству благоугодно повелеть оную занять флотом, охотно уступает, признавая принятие оной за высочайшую себе милость, ибо подобной гавани не только у здешнего полуострова, но и на всем Чёрном море другой не найдётся, где бы флот лучше сохранён, и служащие на оном удобнее и спокойнее помещены быть могли» [5, с. 612]. За уступку гавани хан просил императрицу простить казённые долги в сумме до 60 тысяч рублей и пожаловать ему лично 300 тысяч рублей [5, с. 612]. Императрица отнеслась к предложению хана об Ахтиарской гавани как к «недоразумению», заявив в письме к Потёмкину от 8 октября 1782 года, «надо будет – займём и без них» [6, с. 153-154]. Что же касается князя, озабоченного поиском места, наилучшего для размещения флота, надобность эта давно была очевидной.

Примерно в это время в Ахтиарской гавани оказался новейший российский фрегат «Двенадцатый». Возможно, он попал туда случайно, «загнанный бурей в один из заливов, составлявших гавани древнего Херсонеса» [2, с. 8]. Не исключено, что командиром фрегата (в мае 1783 года переименованного в «Стрела») совершенно случайно оказался опытный гидрограф капитан-лейтенант Дмитрий Доможиров, в 1778 – 1779 годах осуществивший опись северной части Белого моря [7, с. 89]. В 1782 году он был откомандирован в Таганрог, где принял командование спущенным на воду в конце августа фрегатом, на котором отправился к крымским берегам. Исследовав Ахтиарский залив, Доможиров пришёл к выводу, что он «обширный и лучше закрытый от ветров, гораздо удобнее для помещения большого флота; сделал подробное описание всего порта, показал его выгоды, и тем подал мысль Князю Потемкину-Таврическому перевести туда из Херсона Черноморский корабельный флот» [2, с. 8].

То, что донесение Доможирова не затерялось, как часто бывало, но оперативно попало к Светлейшему князю, может быть свидетельством того, что командир фрегата оказался в Ахтиарской гавани отнюдь не по воле случая, но выполняя задание высокого начальства. Вскоре был отдан приказ о переводе в неё двух наиболее исправных кораблей из Херсона под общим командованием капитана 1-го ранга Ивана Максимовича Одинцова [16]. 17-го ноября в Ахтиарскую бухту вошли фрегаты 8-й и 11-й (в мае 1783 года переименованные в «Осторожный» и «Храбрый»), которыми командовали капитан-лейтенанты Степан Юрасов и Иван Щербачёв. Это были первые российские военные суда, оставшиеся на зимовку в Ахтиарском заливе [4, с. 66].

14 декабря 1782 года Екатерина II подписала рескрипт на имя князя Г. Потемкина, в котором объявила свою волю на присоединение Крыма в случае неблагоприятного для России развития событий, как на самом полуострове, так и вокруг него. До принятия окончательного решения в качестве первоочередной задачи предписывалось «удержание во владении нашем Ахт-Ярской гавани» [19, с. 224]. Императрица особо отметила, что «присвоение сей гавани поставляем мы выше всякого сомнения или спора с чьей бы то стороны ни было», ибо «приобретение это» позволит «с лучшей удобностью бдеть за сохранением спокойствия» на полуострове [19, с. 224]. Таким образом, вопрос о принадлежности Ахтиарской гавани был решён в столице за несколько месяцев до включения всей территории Крымского ханства в состав Российской империи.

11 января 1783 года командующим флотом, заводимым на Черном и Азовском морях, был назначен вице-адмирал Федот Алексеевич Клокачев [15]. 24 января последовал ордер Потёмкина, предписывавший ему как можно скорее прибыть к месту назначения, отобрать суда, которые могут выйти в море и, снабдив их всем необходимым к плаванью, идти из Керчи в Ахтиарскую гавань, «где командующий войсками в Крыму господин генерал-поручик и кавалер граф Де-Бальмен сильной учинил отряд как ради охранения, так и для производства тамошних укреплений». Суда, непригодные к боевым действиям, следовало отправить в Херсон «для обращения в транспортные» и использования для доставки провизии и амуниции [17]. По получении подробных указаний вице-адмирал Ф. А. Клокачев 4 февраля 1783 года выехал из Петербурга для принятия дел и вступления в должность. В апреле он прибыл в Керчь, где находились 11 судов Азовской флотилии [8, с. 603].

К этому времени по распоряжению Одинцова были проведены промеры глубин, описаны берега и составлена карта Ахтиарской гавани, представленная начальнику херсонского порта генерал-цехмейстеру Ивану Абрамовичу Ганнибалу [4, с. 68]. Привычных нам названий бухт, вдающихся в залив, на карте нет, поскольку они появились позже. Первое время использовали татарские: Чабан-лиман («Пастушья бухта»), Кади-лиман («Залив судьбы») и другие [12, с. 34]. Постепенно эти названия сменились русскими. Чабан-лиман стал именоваться Южной бухтой, самая большая бухта залива – Северной. Кади-лиман, где складывались порох и снаряды, назвали Артиллерийской бухтой. За местом, где зимой 1782-1783 гг. килевались фрегаты, закрепилось название Килебухта. Следующая

за ней к западу, где самые большие суда могли плотно подходить к берегу, получила название Корабельной. Ещё западнее, за Южной и Артиллерийской, там, где был устроен карантин, Карантинной бухтой и так далее [4, с. 72].

В донесении, приложенном к карте, И. М. Одинцов указал, что в гавани «как военных кораблей, так и прочих судов без всякой нужды до 50 и больше установиться может... С начала пребывания моего в ахтиарской бухте прошлого 1782 года с 17-го ноября, по 7-е марта 1783 года, порученной мне эскадры фрегаты стоят на одних якорях посредине самой бухты; при перемене якорей канаты всегда бывают целы, потому что грунт ил мягкий; при всех бывающих крепких ветрах волнения никакого не бывает, кроме вестового, от которого при ветре не малое волнение; а по утихании - зыбь, но безвредна. В разных местах опущены с грузом доски, также и фрегаты осматриваемы при кренговании; однако, червь нигде не присмотрен» [4, с. 68-69].

И. М. Одинцов отметил, что возле гавани растёт мелкой дубняк, осокорь (вид тополя – В. К.) и можжевельник. На северном берегу, верстах в 20 в направлении к Бахчисараю, есть леса дубовые и сосновые. Что касается пресной воды, то ключей и колодцев по балкам или лощинам вполне достаточно [4, с. 68-69]. На представленной карте отмечено удобное место для постройки казарм, помещений для офицеров и магазинов (складских зданий – В. К.). Пока же команды фрегатов размещались в построенных на берегу гавани казармах, числом до 8-ми. В устье реки Акерманки (ныне р. Чёрная – В. К.), близ старинного, ныне пустого города Акермана (Инкерман – В. К.) в опустевшей деревне с общим числом домов до 25 расположился гренадёрский батальон [4, с. 69]. Через несколько дней после объявления Манифеста от 8 апреля 1783 года к Ахтиарской гавани подошли Копорский и Днепровский полки, части полевой артиллерии [13].

2 мая 1783 года в Ахтиарскую гавань прибыл из Керчи отряд из 5 фрегатов и 8 других судов Азовской флотилии под командованием вице-адмирала Ф. А. Клокачева. Через два дня он направил донесение Г. А. Потёмкину, в котором сообщил, что в «сей гавани нашел отправленные в прошлом 1782 году из Херсона два военных фрегата под командой флота капитана 1 ранга Одинцова, которые и принял под свою команду» [9, с. 6]. Федот Алексеевич подробно осмотрел Ахтиарскую бухту и поручил капитан-лейтенанту Ивану Берсеневу выверить сделанные ранее промеры и с возможной точностью нанести на карту ее берега. Карта эта была представлена в Адмиралтейств-коллегию и послужила руководством для последующих соображений по устройству здесь военного порта [4, с. 72].

6 мая Клокачев доложил в Петербург графу Захару Григорьевичу Чернышеву: «При сем непримину я Вашему Сиятельству донести, что при самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошею её с моря положением, вошедши и осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной гавани – положением, величиной, глубиной. Можно в ней иметь флот до 100 военных судов. Ко всему тому же природа такие устроила лиманы, что сами по себе отделены на разные гавани, то есть – военную и купеческую» [14].

8 мая 1783 года вице-адмирал Клокачев убыл в Херсон. Командование отрядом кораблей, оставшихся зимовать в Ахтиарской бухте, принял контр-адмирал Томас (Фома Фомич) Мекензи (в отечественной литературе также именуется Макензи). После окончания Морского корпуса он служил на Балтийском и Белом морях. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 годов участвовал в Архипелагской экспедиции. Командовал одним из брандеров, атаковавших турецкий флот в Чесменской бухте в ночь с 25 на 26 июня 1770 года, за что удостоен ордена Святого Георгия 4-го класса.

В феврале 1773 года Мекензи был произведён в капитан-лейтенанты, в декабре 1775 года в капитаны 2-го ранга, в июне 1782 года – в капитаны генерал-майорского ранга. Указом Екатерины II от 12 января 1783 года произведён в контр-адмиралы, в марте этого же года принял командование Азовской флотилией [11, с. 300-301]. 12 мая контр-адмирал Мекензи направил донесение в адмиралтейств-коллегию, в котором доложил, что вице-адмирал Клокачев «отправясь из Ахтиарской гавани сухим путём в Херсон», «все состоящие здесь суда препоручил под мой флаг» [9, с. 8]. Шотландец по происхождению, адмирал российского флота Фома Фомич Мекензи вошёл в историю «в качестве строителя порта» [11, с. 301], именовавшегося первоначально Ахтиарским или Ахтиаром [9, с. 12].

В 1783 году должность флаг-офицера и адъютанта при адмирале занимал лейтенант Дмитрий Сенявин, впоследствии видный флотоводец и государственный деятель. В своих «Записках» [20] он с легким юмором изложил распоряжение Мекензи, положившее начало основанию нового российского города: «Перед обедом, когда командиры все собрались, адмирал при объявлении им приказания главнокомандующего говорил: «Господа, здесь мы будем зимовать. Старайтесь каждый для себя что-нибудь выстроить, я буду помогать вам лесом, сколько можно уделить, прочее сами знаете, так и

делайте; более ничего; идемте кушать. Капитаны ему поклонились и смекнули, что речь говорена кратко, ясно и обстоятельно. Сели за стол, обедали хорошо, стали веселы, а ввечеру допили, на шканцах танцевали... Около полуночи все разъехались и бал кончился» [20, с. 122].

Уместно назвать командиров судов, командам которых пришлось непосредственно возводить первые здания города: капитаны 1 ранга Иван Одинцов (державший брейд-вымпел на фрегате «Осторожный») и Панайот Алексиано (фрегат «Перун»), капитан 2 ранга Алексей Тверитинов (фрегат «Крым»), капитан-лейтенанты Александр Симанский (корабль «Хотин»), Фома Прокофьев (корабль «Азов»), Иван Щербаков (фрегат «Осторожный»), Степан Юрасов (фрегат «Храбрый»), Иван Берсенов (фрегат «Победа»), Дмитрий Доможиров (фрегат «Стрела»), Александр Бабушкин (фрегат «Лёгкий»), Анисифор Оболянинов (фрегат «Почтальон»), лейтенанты Пётр Овсянников (фрегат «Скорый»), Пётр Заостровский (фрегат «Вестник»), Михаил Нелединский (транспорт «Св. Николай»), Василий Арцыбашев (шхуны и малые транспорты) [4, с. 83. Имена офицеров уточнены по «Общему морскому списку»].

«На другой день командиры судов принялись за дело. Сперва каждый назначил себе место, куда поставить свое судно на зимовку, там и начал делать пристань и строить прежде всего баню как вещь (считалась в то время) необходимую. Потом начали строить для себя небольшие домики и казармы для людей; все эти строения делали из плетня, обмазывали глиной, белили известью, крыли камышом на манер малороссийских хат» [20, с. 122-123]. Командиры судов и офицеры строили для себя дома вдоль берега Южной бухты, а женатые матросы на северной оконечности хребта, идущего вдоль неё, там, где ныне находится памятник Казарскому. Для перевозки грузов, прежде всего тесаных камней с окрестных развалин, использовались четыре большие лодки, обнаруженные близ древнего Херсонеса. Вскоре прибыли два галиота и три казачьи лодки из Таганрога, нагруженные разными вещами для исправления судов и первоначального берегового обзаведения [20, с. 122].

Первые каменные здания нового порта были заложены 3-го июня 1783 года. «В Балаклаве отыскивали несколько греков, знающих хорошо строить порядочные здания из тамошнего камня и плитняка. Назначив места под строения, доставив туда надобное количество всякого рода вещей и материалов, адмирал 3-го числа июня месяца заложил четыре здания. Первое, часовню во имя Николая чудотворца, на том самом месте, где и ныне церковь морская существует. Другое, дом для себя; третье, пристань очень хорошую против дома своего; четвёртое, кузницу в адмиралтействе» [20, с. 123-124]. Для возведения первых зданий было выбрано место на косогоре западной стороны Южной бухты близ впадения её в Северную.

Здания строились быстро. «Часовня была освящена 6-го августа, кузница готова в три недели, пристань сделана с небольшим в месяц, а в дом перешёл адмирал и дал бал на новоселии 1-го ноября. Вот откуда начало города Севастополя. Между тем сделаны хорошие два тротуара, один от пристани до крыльца дома адмиральского, а другой от дома до часовни, и обсажены в четыре ряда фруктовыми деревьями. Выстроено 6 красных лавок с жилыми наверху покоями, один изрядный трактир, несколько лавок маркитантских, 3 капитанские дома, несколько магазинов (магазинов – В. К.) и шлюпочный сарай в адмиралтействе; все сии строения каменные или дощатые. Бухта Херсонская отделена для карантина. Инженеры и артиллеристы устроили батарею на мысах при входе в гавань» [20, с. 124].

Несмотря на предпринятый карантин, новый порт не миновала свирепствовавшая в это время эпидемия, унесшая сотни жизней в местах базирования Черноморского флота. В ведомости «о числе умерших заразою с 1 мая по 1 октября 1783 года» указано, что в Ахтиарской гавани с 7 по 28 сентября умерло 39 человек [8, с. 22]. Не пощадила болезнь и вице-адмирала Ф. А. Клокачева, скончавшегося 27 октября в Херсоне. Через месяц Главным командиром Черноморского флота был назначен вице-адмирал Яков Филиппович Сухотин, решительные меры которого остановили распространение эпидемии.

Среди множества забот Фома Фомич Мекензи не забывал и об организации досуга. Для «благородного собрания» он назначил большой пустой склад, где три раза в неделю собирались офицеры. Другими занятиями, одновременно способствующими улучшению снабжения продовольствием, стали охота и рыбная ловля: «В свободное время занимались разными охотами, имели хороших борзых собак... итак, день в поле, другой с ружьем за дичью или ловили рыбу неводом, удили наметом и острогою. На последние два средства потребна ловкость и искусство, а так как Севастополь издавна не был никем обитаем, то заливы его сделались наилучшим убежищем рыбам и плавающим птицам, которых мы нашли в невероятном множестве» [20, с. 124].

20 ноября контр-адмирал Мекензи направил рапорт в адмиралтейств-коллегию, которым доложил о том, что постройка «для житья штаб и обер-офицерам светлиц, а нижним чинам казарм и к поклаже матерьялов, припасов и провиантов магазины некоторые приходят к окончанию, а другие начинаются,

для которых лесов материалов весьма мало, а других и совсем нет, и одним словом во всём при здешнем порте крайний недостаток» [8, с. 23]. Фома Фомич и далее сетовал начальству на недостатку материалов как для строительства, так и для ремонта судов. Тем не менее, новый город к весне 1784 года «довольно уже образовался, все строения оштукатурены, выбелены, хорошо подкрашены палевой или серой краской, крыши на всех черепичные, и все это вместе на покатости берега делало вид очень хороший» [20, с. 124].

Список литературы

1. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического [в 3-х т.] / ред. Н. Ф. Дубровин. – СПб., 1893-1895. – Т. 1 : 1774-1788 гг. – 1893. – [4], XVI, 378 с.
2. Броневский, В. Б. Обзорение Южного берега Тавриды. В 1815 году / В. Б. Броневский. – Тула : Тип. Губерн. Правления, 1822. – [6], 192 с.
3. Бурнашев, С. Н. Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 г. : с приложением карт, портретов и факсимиле / С. Н. Бурнашев. – СПб., 1901. – [4], IV, 64 с.
4. Головачов, В. Ф. История Севастополя как русского порта / В. Ф. Головачов. – СПб.: Тип. Депта Уделов, 1872. – [2], III, [3], IV, 260 с.
5. Дубровин, Н. Ф. Присоединение Крыма к России : Рескрипты, письма, реляции и до-несения : [В 4-х т.] / Н. Дубровин. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1885-1889. Т. 2 : 1778 г. – 1885. – XX, 924 с.
6. Екатерина II и Г. А. Потемкин : Лич. переписка, 1769-1791 / Изд. В. С. Лопатин. – М. : Наука, 1997. – 989, [1] с.
7. Коваленко, В. В. Дмитрий Андреевич Доможиров – капитан над Севастопольским портом // Парадигмы истории и общественного развития. – 2017. – Вып. 6-7. – С. 89-95.
8. Материалы для истории русского флота : [В 17-ти т.]. – СПб. : Тип. мор. м-ва, 1865-1904. Ч. 6. – СПб. : Тип. мор. м-ва, 1877. – [1], IV, 771 с.
9. Материалы для истории русского флота : [В 17-ти т.]. – СПб. : Тип. мор. м-ва, 1865-1904. Ч. 15. – СПб. : Тип. мор. м-ва, 1896. – 596 с.
10. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: Собрание первое. – Т. 20 : 1800 - 1801. – 1830. – № 14.851. – С. 800-805.
11. Общий Морской список : Ч. IV : Царствование Екатерины II. К-С. – СПб.: Типография В. Демакова, 1890. – 712 с.
12. Отрывки из записок севастопольского старожила / Сообщение А.З. // Морской сборник, 1852. – Т. 7. – № 1. – С. 33- 47.
13. РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 37. Л. 8- 10.
14. РГА ВМФ. Ф. 172, Оп. 1. Д. 37. Л. 11.
15. РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 37. Л. 25.
16. РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 963. Л. 75.
17. РГА ВМФ, Ф. 315. Оп. 1. Д. 963. Л. 83-84.
18. РГАДА Ф. 192. Оп. 1 ф. 192, оп. 1, Таврическая губ., №. 15.
19. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 27: – С. Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1880. – LXII, 600, [1] с.
20. Сенявин, Д. Н. Записки адмирала Д. Н. Сенявина // Гончаров В. Адмирал Сенявин. Библиографический очерк с приложением записок адмирала Д. Н. Сенявина. – М.; Л., 1945. – С. 99-143.
21. Соколов, А. П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота 1713-1853 / А. П. Соколов. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1855. – 393 с.
22. Суворов А. В. Сборник документов / Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. 2. – М.: Воениздат, 1951. – XXIV, 688 с.
23. Тимченко-Рубан, Г. И. Суворов и инженерное дело // Инженерный журнал. 1913. – №4. Отдел неоф. – С. 493-511.
24. Трактат, заключённый при деревне Кучук-Кайнарджи, на правом берегу Дуная, 10 июля 1774 года // Договоры России с Востоком политические и торговые / Собрал и издал Т. Юзефович. – Санкт-Петербург : Типография О. М. Бакста, 1869. – [4], XXIV, 296 с. – С. 24-41.

Статья поступила в редакцию 15.08.2019

Kovalenko, V.V. Acquiring of Akhtiar

The article describes the events of 1771-1783 related to the exploration of Akhtiar Harbour, first winters spent there by the Black Sea military fleet, beginning of the construction of a port on the banks of the Gulf of Akhtiar. The author enumerates persons who contributed to the emergence of the southern outpost of Russia - Sevastopol.

Key words: Catherine II, Grigory Potemkin, Alexander Suvorov, Pyotr Rumyantsev, Fedot Klokachev, Thomas Mackenzie, Dmitry Domozhnikov, Ivan Odintsov, Akhtiar, Sevastopol.

УДК 929 Игорь(470)

Основная цель данного исследования – выявить причины гибели древнерусского князя Игоря Рюриковича. Используя ряд отечественных и зарубежных источников, авторы смогли опровергнуть представленную еще в Повести временных лет, и господствующую вплоть до нашего времени в исторической науке гипотезу о том, что единственной причиной гибели князя Игоря стала алчность. Скрупулезный анализ памятников древнерусской письменности, сообщений иностранных авторов и данных археологических исследований позволил авторам прийти к выводу, о том, что князь Игорь погиб в результате заговора, в котором приняли активное участие не только древляне–сепаратисты, но и киевские служители языческого культа, а также славянская часть дружины великого князя.

Ключевые слова: полюдь, древляне, поляне, варяги, служители языческого культа, религиозная политика, христианская община.

М. Н. Козлов, доцент, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

С. П. Шендрикова, профессор, д-р ист. наук

Гуманитарно–педагогическая академия в г. Ялта (филиал)

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ГИБЕЛИ КНЯЗЯ ИГОРЯ РЮРИКОВИЧА: ФАКТЫ ПРОТИВ МИФОВ

Дошедшие до нашего времени письменные источники и данные археологии, свидетельствуют о том, что гибель князя Игоря стала следствием его религиозной политики, а также заговора славянской части его дружины. Скрупулезный анализ причин гибели князя Игоря Рюриковича поможет нам более детально изучить многие аспекты социально–экономической и религиозной жизни Древней Руси середины X в.

В большинстве отечественных исследований, посвященных теме правления князя Игоря, уточняются различные детали военных походов на непокорные восточнославянские племенные союзы, Византию и Закавказье или проводится анализ мирного договора 944 года с византийцами. Между тем, такой важный исторический эпизод, как гибель князя Игоря, в данных трудах практически не затрагивается [12, с. 62–65], [1, с. 204–238], [14, с. 8-12], [5, с. 16-22], [10, с. 262-271].

Отечественные исследователи, начиная с дореволюционной эпохи и вплоть до нашего времени, некритично восприняли отрывок из «Повести временных лет», в котором описывается убийство мужа княгини Ольги и просто пересказали его в своих исторических трудах [24, с. 29-29], [7, с. 99-100], [22, с. 142-143], [27, с. 260-265], [6, с. 27-28].

Впервые под сомнение летописный рассказ о гибели князя Игоря поставили советские исследователи Б. А. Рыбаков и О. М. Рапов. Они отметили очевидную связь между усилением христианской общины в Киеве в эпоху правления князя Игоря и падением его авторитета в славянской части дружины [21, с. 142-143], [19, с. 142-143].

На неправдоподобность летописного рассказа об убийстве Игоря указывает и современный отечественный исследователь И. В. Бочарников. Он, в частности, заметил, что сбор дани с древлян представлял собой лишь начальный этап сбора полюдь (длившееся приблизительно полгода) и отпустить дружину после сбора дани с древлян в Киев он сам никак не мог [3, с. 16].

Таким образом, можно прийти к выводу, что, несмотря на значительный интерес отечественных исследователей к эпохе правления князя Игоря, собственно причины гибели князя Игоря до сих пор однозначно не установлены. Выявить причины гибели древнерусского князя Игоря Рюриковича – основная цель данной статьи.

Несмотря на тот факт, что киевский князь Игорь Рюрикович упоминается в целом ряде, как отечественных, так и зарубежных письменных источников, многие детали его правления нам не известны. В древнерусских летописях сравнительно неплохо описан лишь начальный период его пребывания на великокняжеском престоле. Новгородская первая летопись, например, упоминает военные походы князя Игоря на древлян и уличей, совершенные им сразу после прихода его к власти: «Игорь же съдѣше в Киевѣ княжа, и воюя на Древляны и на Угличъ. И бѣ у него воевода, именемъ Свъндельдъ; и примучы Угльчъ, възложи на ня дань, и сделает видъ Свъньделду. И не вдадѣшется единъ градъ, именемъ Пересъчень; и съде у его три лѣта, и едва взя. И быша съдѣше Угличъ по Днѣпру вънизъ, и посемъ приидоша пределы Бѣгъ и Днѣстръ, и съдоша там» [16, с. 6].

«Повесть временных лет» дополняет сообщение предыдущего летописи данными о войне князя Игоря в 920 году с древлянами: «Иде Игорь на древляны, и победивъ а, и возложи на ня дань болши Олговы» [15, с. 21]. В летописи В. Татищева упоминается блестящая победа Игоря над печенегами [24, с. 22].

Далее вплоть до 941 года (т.е. в течение почти двадцати лет) летописцы ничего не сообщают о жизни Киевской Руси, иногда прерывая очередь «пустых лет» рассказами о событиях из жизни других народов.

Летописи снова вспоминают о князе Игоре только в 941 году в связи с его первым походом на Византию. В конце же летописного рассказа о правлении Игоря помещена легенда о его гибели от рук сепаратистов–древлян, якобы возмущенных жестокостью и алчностью киевского князя.

Возможно, что объяснение такой потери интереса авторов древнерусских летописей к отечественной истории можно найти в тексте клятвы мирного договора князя Игоря с византийцами. Согласно данному источнику руссы клялись не Велесом и Перуном, а христианским Богом и Перуном: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святого Ильѣ въ сборной церкви, и подлежащемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею, хранити все, еже есть написано на ней, не преступити от него ничто же; а иже преступитъ се от страны нашея, ли князь ли инъ кто, ли крещень или некрещень, да не имуть помощи от Бога, и да будетъ рабъ въ весь вѣкъ в будущий, и да заколенъ будетъ своимъ оружиемъ. А некрещеная Русь полагають щиты своя и мечъ своѣ наги, обручъ и прочаа оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатьи сей, хранити от Игоря и от всѣхъ бояръ и от всѣхъ людей от страны Руския въ прочая лѣта и воину. Аще ли же кто от князь или от людей русских, ли хрестеянъ, или не хрестеянъ, преступитъ се, еже есть писано на харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружиемъ умрети, и да будетъ клять от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву» [15, с. 26].

Данный факт наводит на мысль, что в период так называемых «пустых лет» имело место вооруженное противостояние между князем Игорем и волхвами – жрецами бога Велеса, закончившееся отстранением волхвов от власти. Вероятно, в христианах Игорь видел своих союзников в борьбе со жрецами [8, с. 165].

Христиане выступают в тексте договора как равноправная с язычниками сторона. В источнике упоминается христианская церковь во имя святого Ильи и не просто церковь, а «соборная», то есть в Киеве существовали и другие церкви. Вместе с тем из текста клятвы полностью исчезает упоминание языческого божества Велеса, а это значит, что культ Велеса больше не был государственным культом, и, как следствие, жрецы этого божества – волхвы были отстранены от центральной власти.

В научном трактате одного из арабских ученых конца XI – начала XII вв. Аль-Марвази сообщается о принятии восточными славянами христианства именно в период княжения князя Игоря [13, с. 380].

Согласно данным археологии господствующей формой погребения покойников уже в середине X в. стало трупоположение. Так, в исследованных киевских курганах, относящихся к указанному периоду, соотношение захороненных по обряду кремации, к тем, которые были положены в могилы, составляют примерно 14 против 117 [2, с. 89]. Несмотря на то, что встречаются и явно языческие ингумационные захоронения с богатым погребальным инвентарем, женщинами–рабынями, оружием и т.д., значительное число захоронений оказались безынвентарными, а скелеты были расположены головой к востоку, что соответствует христианской обрядности.

Судя по названию церкви, основой христианской общины в Киеве стали дружинники князя (Илья – христианский прототип Перуна). Автор «Повести временных лет» посчитал необходимым сообщить, что христиан особенно много было именно среди наемников – варягов (мнози бо бѣша варязи хрестеяни) [15, с.26].

Таким образом, можно предположить, что князь Игорь, опираясь на христианскую общину Киева, и варягов–наемников осуществил в Киеве государственный переворот, отстранив от власти волхвов – служителей бога Велеса. Подробности событий, произошедших между 920 и 941 годами, нам неизвестны, поскольку, вероятно, были кем-то вычеркнуты из летописей. Можно лишь предположить, что победа князя Игоря не была легкой, если противостояние жрецов Велеса и князя продлилось более двадцати лет. Исключительные права данные Свенельду (дань из двух племенных союзов – уличей и древлян) и его варягам, вызвавшие зависть даже у личной дружины Игоря, выглядят как плата князя Игоря за поддержку в борьбе с волхвами.

После отстранения от власти жрецов пребывания князя в своей столице должно было быть достаточно комфортным. В «Повести временных лет» под 945 годом сообщается о существовании в Киеве уже двух княжеских дворцов – одного в центре тогдашнего Киева, другого – за пределами старого города: «Град же бе Киев, идеже ныне двор Гордаты и Никифоров, а двор княж бѣше в городе, идеже ныне двор Воротиславль и Чудин, а перевесище бе вне градом, и бе вне градом двор второй, идеже есть двор за святой Богородицы; над горой двор теремный, бе бо ту терем каменъ» [15, с. 27]. Согласно данным летописца Нестора предшественники князя Игоря Аскольд и Дир жили вообще за пределами тогдашнего Киева – в урочище Угорском. Скорее всего, там-же проживал и Олег Вещий (по крайней мере, никаких следов княжеского дворца в пределах Киева начала X в. археологи до сих пор не обнаружили).

По данным археологии именно на период княжения князя Игоря приходится строительство монументального дворца в центре тогдашнего Киева. Дворец этот был открыт археологической экспедицией 1970–1972 гг. Дом был украшен фресковой росписью желтого, красного, зеленого, синего и другого тонов. Сооружение имело сложный разветвленный план. Находки 1971–1972 гг.: фресковая роспись, поливные керамические плитки, шиферные резные архитектурные детали, куски мрамора – убеждают в том, что дом был богато украшен. Не исключено, что здание было двухэтажным, об этом, в частности, свидетельствует мощный слой завала, в котором были обнаружены большие камни с остатками облицовочной плитки и фрагменты массивных колонн. Исследователи отождествляют данные сооружения с упомянутым в летописной статье 945 г. дворцом княгини Ольги [25, с. 28–29].

В заключительной части летописного рассказа о правлении князя Игоря сообщаются подробности его гибели: «В л'ѣто 6453 рекоша дружина Игоревѣ: «Отроки Св'яньльжи изод'ѣлися сѹть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы» послуша ихъ Игорьъ, иде в Деревѣ в дань, и примышляше къ первой дани, насилѣше имъ и мужи его. Возьмавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въепять, размысливъ, рече дружине своей: «Ид'ѣте съ данью домови, а я возвращаюся, похожу и еще». Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возвратися, желая больша им'ѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадитъ волкъ в овц'ѣ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его: тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубитъ» послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорьъ, и вышедше изъ града Изькорьст'ѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорьъ, и естъ могила его у Искорьст'ѣня града в Дерев'ѣхъ и до сего дне» [15, с. 26–27].

Автор «Повести временных лет» указывает на жадность как единственную причину гибели князя Игоря. Жадность и жестокость князя и его дружинников и особенно варягов – наемников не вызывает никаких сомнений. Достаточно вспомнить зверства, учиненные воинами Игоря во время походов на Византию, красочно описаны в византийских хрониках.

Вместе с тем, существуют подозрения в том, что алчность Игоря ни была единственной причиной его гибели. Так, вызывают недоумение некоторые детали летописного рассказа. В «Повести временных лет», например, мы находим любопытную фразу: «Пусти князь дружину свою». После нескольких сборов дани, обычно сопровождаемых грабежами и убийствами, князь сам отпустить свою дружину просто не мог. Это было верным самоубийством. Скорее всего, не князь отпустил дружину, а дружина покинула князя. Да и сам факт сбора полюдья в одной и той же местности в третий раз неправдоподобный. Во время сбора дани дружинники забирали в подвластных им землях все, что могли найти. Никакой регламентации этих поборов не было. Летописец утверждает, что уже первый сбор полюдья Свенельдом сопровождался насилием и жестокостью. Повторный же его сбор в одной и той же местности в том же сезоне был делом невиданным и естественно вызвал раздражение у древлян. Сообщение летописца о попытке князя Игоря собирать полюдье в третий раз, скорее всего, понадобилось автору летописи, чтобы скрыть факт измены дружины Игоря. Стремясь затушевать данный факт, летописец и сообщает о том, что сам князь отпустил свою дружину домой.

Интересно, что согласно «Повести временных лет», именно по требованию своей дружины князь Игорь и совершил свой поход за данью в древлянскую землю после сбора там полюдья дружиной Свенельда. Таким образом, напрашивается мысль, что дружинники князя заманили своего князя в ловушку, а затем покинули после приговора веча.

Почему большая часть личной дружины, обычно преданная своему князю, вдруг оставляет своего правителя в трудный момент? Причину этого некоторые исследователи видят в подписании Игорем неудачного договора с византийцами. В частности, указывают на тот факт, что в тексте этого договора нет упоминания уплаты византийцами дани крупным городам, а также сумма, выплаченная русской дружине греками, оказалась намного меньше той, что получил в свое время князь Олег [23, с. 79–80].

Возможно, что причины измены дружины лежат еще глубже. Во время многолетнего противостояния князя Игоря с языческими жрецами некоторые из них вполне могли уйти в древлянскую землю. Известно, например, что после религиозных реформ князя Владимира, язычники во главе со жрецами покинули густонаселенные города среднего Поднепровья и ушли в леса, основав ряд городищ–святилищ.

Показательный также тот факт, что убить князя Игоря древляне решили на «всенародном вече». Таким образом, рядом с князем Малом угадываются и языческие жрецы, традиционно председательствующие на народном собрании вместе с князьями.

Большой интерес представляет и способ казни князя Игоря, описанный в «Истории» Льва Диакона. Согласно данному источнику, византийцы напомнили князю Святославу о гибели его отца, который также осмелился выступить против Византии: «Думаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Игоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору вернулся лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не

упоминаю я уже о его дальнейшей жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» [11, с. 7].

В древности такой способ казни представлял собой одну из форм повешения, то есть позорного вида казни, используемой в качестве наказания предателей или святотатцев. Римский историк Тацит, описывая быт и нравы различных германских племен, сообщает следующее: «Суровость наказания определяется тяжестью преступления: предателей, святотатцев и перебежчиков они вешают на деревьях, трусов, а также тех, кто обесчестил свое тело, – топят в грязи и болоте, забрасывая сверху хворостом» [9, с. 342].

Свидетельство того, что такая практика была характерна не только для германских племен, но и всех индоевропейцев, находим в «Житии Антония, Иоанна и Евстафия Виленских (Литовских)». В этом источнике рассказывается о том, как сыновья литовского князя Ольгерда за принятие христианства были казнены жрецами бога Перуна и повешены на дубе в знак предательства [26, с. 159].

Кроме религиозной политики недовольство русской дружины вполне могло быть вызвано и ее ущемлением в правах по сравнению с варягами–наемниками. Возможно, что Свенельд командовал варяжской частью дружины, а сам Игорь – воинами славянами. Таким образом, упрек русских дружинников: «Отроки Св'ньльжи изод'лися суть оружьемъ и порты, а мы нази» звучит как недовольство засильем варягов в Киеве. О том, что раздражение славян–дружинников имело под собой серьезные основания, свидетельствует текст мирного договора Игоря с византийцами. Среди старших дружинников, поставивших свои подписи на тексте, судя по их норманским именам, не нашлось ни одного русича.

Таким образом, возможно, что события, приведшие к гибели князя Игоря, на самом деле развивались следующим образом – после неудачного похода Игоря на Византию князь, по требованию своей дружины, решил собрать дань в области, где уже успел собрать его воевода Свенельд. В столице древлянской земли – Искоростене местные жители во главе с князем Малом и жрецами собрались на вече, куда пригласили и князя с его дружиной. Кроме обвинения в жадности, упомянутом в «Повести временных лет», прозвучало и обвинение в измене своим обычаям и покровительстве христианам и варягам–иноземцам. За обвинением прозвучал и смертный приговор: казнь через повешение, которое использовали для убийства предателей и святотатцев. После вынесения приговора жрецами от имени языческих богов, большая часть дружины (скорее всего язычники) покинули князя. С Игорем осталась только «малая дружина», которая, вероятно, состояла из христиан. Затем, после короткой схватки, «малая дружина» князя погибла, а сам князь был подвергнут страшной казни.

В поздних источниках, в частности Синописе Ундольского, сообщается о том, что великого киевского князя убили в священной роще, посвященной богу Хорсу: «Князь той земли Малдитто распорядился убить его в священной роще, называемой Хорсово, где и похоронили его. И тако лбину князя Игоря оковавши древляне сребром и позлатиша и тако пияху и веселишася» [20, л. 84–85]. Сигизмунд Герберштейн, посетивший восточнославянские земли в XVI веке и, по его словам, ознакомившийся с некоторыми древними рукописными книгами, также сообщает в своих «Записках о московитских делах», о том, что князя Игоря убили в некоем городе Хоресте [4, с. 158]. Типографская и Ермолинская летопись называют место убийства Игоря Коростенем [18, с. 20], [17, с. 6]. В некоторых восточнославянских письменных источниках древнерусский бог Хорс назван Корсом. Таким образом, возможно, что летописный Искоростень (Коростень) получил свое название от древнерусского бога Хорса и представлял собой во времена князя Игоря городище–святилище.

Факт убийства Игоря в языческом святилище убедительно свидетельствует о причастности к убийству Игоря служителей языческого культа. Согласно данным археологии, в середине X в. в Шумском племенном святилище древлян (на месте, где некогда находился летописный Искоростень) было проведено массовое человеческое жертвоприношение [19, с. 213–237]. Возможно, что в жертву древлянским богам были принесены немногочисленные дружинники Игоря, не покинувшие своего князя в опасности.

Таким образом, можно сделать вывод, что основной причиной гибели князя Игоря стала его политика, направленная на поддержку христианской общины Киева и норманнов–наемников. Восточнославянские служители языческого культа смогли организовать заговор против Игоря и вовлекли в него большую часть его личной дружины. Дружинники заманили великого киевского князя в ловушку, где он и погиб от рук, отчаявшихся от бесконечных грабежей древлян.

Список литературы

1. Беззаконов, С. Н. Еще раз о легендарной эпохе первых договоров Руси / С. Н. Беззаконов // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2017. – Вып. 8. – С. 204–238
2. Боровский, Я. Е. Мифологический мир древних киевлян / Я. Е. Боровский. – К.: Наукова думка, 1982. – 103 с.
3. Бочарников, И. В. У истоков российской государственности. Великий князь киевский Игорь –

первый Рюрикович / И. В. Бочарников // Человеческий капитал. – 2018. – № 9(117). DOI: 10.25629/НС.2018.09.01. – С.9-18.

4. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / Герберштейн Сигизмунд. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 429 с.

5. Губарев, О. Л. «Дондеже солнце сияет и весь мирь стоит» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) / О. Л. Губарев // Valla. – 2017. – №3(3). – С.16-22

6. Жеребкин, М. В. История России. Вызовы эпохи Рюриковичей / М. В. Жеребкин. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2018. – 356 с.

7. Карамзин, Н. И. История государства Российского / Н. И. Карамзин. – СПб.: Изд-во Императорской академии наук, 1818. – Т. 1. – 221 с.

8. Козлов, М. Н. Восточнославянское язычество: от рождения до гибели богов / М. Н. Козлов. – Москва: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2017. – 296 с.

9. Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / Корнелий Тацит // Собрание сочинений. – СПб.: Наука, 1993. – С. 337-356.

10. Королев А. С. Князя «рода русского» второй трети X века / А. С. Королев // Преподаватель XX век. – 2012. – №4. – С.262–271.

11. Лев Диакон. История / Лев Диакон; прим. и пер. К. А. Осиповой. – М.: Наука, 1988. – 239 с.

12. Ляхницкий, В. Н. Путь князя Игоря «из варяг в греки» / В. Н. Ляхницкий // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – №3(15). – С. 62–65.

13. Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–XI ст. / А. П. Новосельцев // Древнерусская держава и ее международное значение. – М.: Наука, 1965. – С. 391-419.

14. Павловский, И. И. Образ князя Игоря Старого в зарубежных источниках X века / И. И. Павловский // Россия и запад: диалог культур. – 2016. – № 12. – С.8-12.

15. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.

16. ПСРЛ. – Т.3.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР. 1950. – 576 с.

17. ПСРЛ Т.23.: Ермолинская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 252 стр.

18. ПСРЛ Т.24.: Летопись по Типографскому списку. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 272 с.

19. Рапов, О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства / О. М. Рапов. – М.: Наука, 1988. – 416 с.

20. Рукописный Синописис XVII столетия Ундольского. – СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1795. – Ч. 1. – 357 с.

21. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1982. – 342 с.

22. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен в восемнадцати книгах / С. М. Соловьев. – Кн. 1. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1–2. – 798 с.

23. Таланин, В. И. У истоков Руси: Очерки истории IX–XI ст. / В. И. Таланин. – Запорожье: Изд-во ЗГИА, 2001. – 343 с.

24. Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. – М.: АСТ, 2003. –Т. 2. – 735 с.

25. Толочко, П. П. Древний Киев / П. П. Толочко. – Киев: Наукова думка, 1989. – 326 с.

26. Толстой, М. В. История русской церкви / М. В. Толстой. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. – 736 с.

27. Филипчук, А. М. Князь Игорь и германцы в «истории» Льва Диакона / А. М. Филипчук // Восточная Европа в древности и средневековье. – 2010. – Т.22. – С.260–265.

Статья поступила в редакцию 20.08.2019

Kozlov, M. N., Shendrikova S. P. On the Causes of the Death of Prince Igor Rurikovich: Facts Against Myths

The main goal of this study is to identify the causes of the death of Prince Igor Rurikovich. Using a number of domestic and foreign sources, the authors were able to refute the hypothesis that prevailed up to our time in historical science that the only reason for the death of Prince Igor was greed. A scrupulous analysis of the monuments of ancient Russian writing, reports of foreign authors and archaeological research data allowed the authors to conclude that Prince Igor died as a result of a conspiracy of not only separatist Drevlians, but also pagan worshipers of Kiev, as well as the Slavic part of the Prince's warriors.

Key words: tribute gathering, Drevlians, Polans, Varangians, pagan worshipers, religious policy, Christian community.

УДК 130.2(470)''19''

В статье проводится анализ подходов в русской философии к проблеме развития культуры начала XX века. Культура определяется как интенсивная система, формы выражения которой многообразны и охватывают различные стороны социальной жизни. Задача культуры – сохранение духовного наследия народа, передача культурного опыта от одного поколения другому. Культура объединяет людей, что позволяет говорить о человечестве как активном субъекте духовного творчества.

Ключевые слова: культура, вера, человек, религия, христианство.

С. В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук.

Севастопольский государственный университет

E-mail: serzh.chugunov.62@mail.ru

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX В.

«Крушением надежд и иллюзий» назвал период начала двадцатого века Семен Людвигович Франк. По его мнению, события этого исторического этапа повлияли на снижение уровня духовного развития, в том числе и культуры. Культура, как считал философ, это сложная система связей, элементы которой представляются в сознании человека как нечто целое, как комплекс достижений. В тоже время, культура как система подвижна и во многом зависима от социальных условий.

Ядро культуры и ее содержание составляет идея человечества как основного творца духовных ценностей. Можно отвергать отдельные моменты в развитии культуры, не принимать и не понимать результаты духовного творчества, но отрицать значение культуры невозможно. Более того, отрицание значения культуры в социальной жизни подчеркивает факт ее существования. Отрицая, как утверждал Франк, люди совершают культурный акт.

Сила человека заключается в возможности противопоставлять две реальности: материальную и духовную. Отдавая предпочтение духовности, личность возвышается над ограниченным миром материальности. В результате социальных потрясений в начале двадцатого века, вера во всемогущество человечества была утрачена. Русский философ отмечал: «Мы замечаем часто ослабление духовной активности при господстве лихорадочно-интенсивной, хозяйственной, технической, политической деятельности, внутреннюю пустоту и нищету среди царства материального богатства и обилия внешних интересов, отсутствие подлинной осмысленности жизни при строгой рациональности ее внешнего устройства и высоком уровне умственного развития» [3, с.143].

Одной из важнейших задач в развитии культуры, философ считал нравственное воспитание личности. Творчески реализуя свое «Я», личность познает многогранность жизни, противоречивость ценностного мира, смысловое содержание понятия «добро». Духовное развитие требует ориентиров, а человечеству не всегда хватает смелости признать тот факт, что путь, который оно выбрало, не верен. Причину Франк видел во влиянии политики. По его мнению, политика не должна диктовать ориентиры для развития культуры, а, наоборот, культура рождает ценности, в том числе и политического характера. Философ предупреждал о возможности негативного влияния на развитие культуры со стороны государства. Государственная система обладает большей устойчивостью, поэтому менее быстро реагирует на изменения в социальной жизни, чем различные сферы культуры. Решение этой проблемы Франк видел в необходимости некоторого ограничения влияния государственного строя на народ как субъект культуры.

Процесс культурного самосознания народа (человечества) – это результат взаимодействия, по меньшей мере, трех факторов. Первый фактор философ назвал «культурной памятью». В ней

воплощается культурное прошлое. «Культурная память» отражает связь поколений и воплощается в исторических традициях, ритуалах, обычаях и т. п. Каждое поколение, принимая это культурное наследие предков, наполняет его новым содержанием, в зависимости от своего видения, постижения значимости этих исторических традиций. Русский философ подчеркивал, что процесс освоения «культурной памяти» должен проходить свободно и не зависеть от социальной ситуации в стране.

Другим фактором, как считал философ, является уровень культурного образования народа. Этот фактор – показатель культурного настоящего и его перспектив развития в будущем. Он фиксирует различие между глубиной и интенсивностью духовной жизни, и экстенсивностью распространения ее результатов. Благодаря действию этого фактора исследователь может объективно фиксировать активность или спад духовной деятельности.

Третий фактор – это вера в объективные ценности и служение им. Франк в этом смысле определял культуру как совокупность осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей. Поэтому культура существует для саморазвития, а не для чьего-либо блага. Философ предостерегал, что недооценка значения этого фактора может привести к господству утилитаризма. Он писал: «Когда у нас говорят о культуре, то разумеют или железные дороги, канализацию или мостовые, или развитие народного образования, или совершенствование политического механизма, и всегда при этом нам преподносят нечто полезное, некоторое средство для осуществления иной цели – именно удовлетворения субъективных жизненных нужд» [4, с.177].

Предназначение культуры заключается в рождении прекрасного. Прекрасное отличается внутренним единством, оно многообразно по своим проявлениям. В тоже время, как подчеркивал русский философ, каждый элемент этого единства обладает собственным значением и ценностью. Загадка прекрасного заключается в возможности выражения связи реального и воображаемого мира. Красота притягивает, ибо душа тянется к ней, наполняясь чувствами и знанием. Но в красоте всегда скрыта тайна, загадка. Не случайно Франк говорил о необходимости воспитания и развития чувственного созерцания красоты, а не рационального анализа ее. Прекрасное, по мнению философа, это «картина», «образ», а не научное понятие, которое необходимо определить.

Важное значение, русский философ предавал религиозной культуре. Благодаря религиозной вере человек постигает истину, что общество как социальное многоединство и общество как духовная жизнь взаимосвязаны и не могут существовать вне этой связи. Основанием этой связи является безграничное духовное начало – Бог. Веруя, человек приоткрывает для себя новый мир, тем самым расширяя возможности духовной активности. Вера – это объединяющее начало, тогда как неверие разрушает духовное единство. Франк, ссылаясь на Гете, утверждал, что все эпохи, в которых господствует вера, являются плодотворными в духовном отношении и представляют ценность для будущих поколений.

Философ отрицательно относился к любым попыткам принижения роли религиозной веры в развитии культуры. Минимум веры достаточен для того, чтобы просто жить, но не для того, чтобы творить. Философ утверждал, что действительная «культурная производительность» невозможна без веры в религиозную любовь. Человек способен на духовный подвиг не ради инстинктов или индивидуальных интересов, а только когда он осознает себя слугой высших сил, носителем божественной любви. Сознвая, личность постигает неразрывную связь между верой в Бога и верой в человечество.

Лев Платонович Карсавин – отечественный философ, представитель философии всеединства считал, что культура является индикатором развития социальных отношений общества, показателем его духовного становления и стремления к общественному благу. Культура – это одно из проявлений «симфонической личности». Понятие «симфоническая личность» позволяло русскому философу сделать вывод, что процесс социального развития представляет собой совокупность постоянных изменений, ведущих к образованию единого всепространственного и всевременного субъекта, каким и является человечество.

Культура – многогранное, социальное явление, поэтому философ подчеркивал двойственность ее определения. С одной стороны, культура – это проявление духовного развития различных социальных групп и слоев. С другой стороны, философ подчеркивал необходимость подхода к культуре как исторической форме проявления духовности у различных народов.

Понятие культура с необходимостью предполагает наличие ее носителя или субъекта. Правда, как отмечал философ, определить его можно только приблизительно. «Так, субъектом античной культуры

(т. е. в конце концов, ею самой – С. Ч.) является человечество, живущее в бассейне Средиземноморья и преимущественно индивидуализировавшееся в греческом и римском народах; субъект европейской культуры – человечество, географически преимущественно сосредоточившееся в Западной Европе и индивидуализировавшееся в европейских народах» [2, с. 232].

По мнению Карсавина, выражением духовного творчества является все человечество, но только в том случае, если примет данный тип культурного наследия. Каждый народ является носителем своего конкретного типа культуры. Философ привел пример, что субъект европейской культуры, не может быть одновременно субъектом другого типа культуры, например, античной. Разные формы культур друг для друга абсолютно недоступны, так как их может отделять большой временной отрезок. В тоже время, философ не отрицал возможности, что народ может стать носителем «пережитков» других типов культур. Народ – это не сумма социальных групп, а организованное конкретное единство, поэтому частные проявления культуры необходимо рассматривать как элементы системы культурного единства. Эта система в конечном результате предполагает наличие особого соборного субъекта, каким может выступать человечество. Поэтому философ утверждает, что все формы культур составляют реальное единство, распределенное в историческом времени и пространстве.

Для исторического процесса характерно сосуществование разных культур, их взаимодействие. Одни культуры погибают, другие стремятся расширить сферу своего действия, «впитывая» в себя элементы иных культур, видоизменяя их. Раскрывая себя, культура утрачивает свое единство, разлагается на элементы и вытесняется новыми типами культурных отношений и связей. Любой момент в развитии культуры, с одной стороны, взаимодействие ее элементов, а, с другой стороны, их освоение, а то и гибель. Особое место занимают культуры, которые философ назвал «завоевательными», к примеру, ислам. Этот тип культур обладает энергией распространения, раскрывая себя в культурах различных народов. Культура может менять своего субъекта в пределах одного времени или территории, например, египетская.

Анализируя исторические формы развития культур, Карсавин пришел к ряду выводов. Во-первых, возникновение нового исторического типа культуры не всегда связано с гибелью предшествующей ей. Во-вторых, один и тот же народ может быть носителем различных исторических форм культур. В-третьих, различные типы культур обладают притягивающим характером, могут расширяться и поглощать в себе другие национальные формы культурного творчества.

Каждая последующая во времени культура может в себе преобразовать предшествующую, а та, в свою очередь, в различных формах проявляться в последующей. Таким образом, подчеркивал Карсавин, культура – это вневременное единство, характеризующее процесс исторического развития. В этом единстве следует различать прошлое или историческую традицию, настоящее и будущее или сферу свободно полагаемых целей. Впрочем, как полагаемые самим субъектом культуры, эти цели определяются его свойствами и тем самым согласуются с исторической традицией. Так сохраняются единство культуры и свобода ее субъекта, ибо, если моменты культуры и распределяются во времени и пространстве, субъект ее не ограничен своим временем и пространством, а содержит их в себе, более того, он выше их.

По определению русского философа, культура состоит из сферы политических отношений, духовного творчества и материального производства. Высшая сфера культуры – государственная. Она олицетворяет единство и органическую целостность культуры, а форма государственности в принципе соответствует наилучшему воплощению «идеи» данной культурно-исторической общности. Религиозное и государственное начала, как считал Карсавин, тесно переплетены. В то же время государство – не цель, а только средство самовыражения культуры. Философ пришел к выводу, что хороша та форма власти, которая способна обеспечивать реализацию ценностных установок культуры, т. е. – «идеократия». Существование культуры как единого целого предполагает иерархическое устройство общества и связующую его идеологию. Новоевропейским идеалам свободы и равенства он противопоставил принципы социального служения и справедливости. Каждый «момент» культуры служит специфической индивидуацией целого и существует лишь постольку, поскольку способен служить другим «моментам», а в конечном итоге, и всему целому. Основание власти отечественный философ видел не в отношениях собственности, а в реализации национально-культурных интересов.

Низшее место, среди сфер культуры, принадлежит материально-культурной сфере. Она наиболее приближена к миру природы, и ее функций заключается в подчинении этого мира высшим культурным

ценностям, т. е. «одухотворению» всего материального. Только через соотнесение духовного начала с материальными благами, оно может получить какую – то хозяйственную ценность.

Культура, как ее определял Иван Александрович Ильин, это интенсивно развивающаяся система, охватывающая различные области социальной жизни. Она аккумулирует в себе все творческие достижения. Поэтому бескультурность или варварство является процессом распада, бесформенного множества и т. п. Центральная функция культуры заключается в объединении людей. Благодаря приобщению к духовному наследию, человек ощущает себя «частицей» исторической эпохи, государства, народа и человечества в целом. Формы проявления культуры многообразны, начиная с простых технических объектов и завершая произведениями искусства, научными и философскими системами. Культура пробуждает разум, волю, мысли человека, помогает концентрации силы и желанию следовать до конца.

Особой функцией культуры является воспитание. Не все люди чувствуют красоту природы, ценят памятники старины, чтят культурное наследие предков. По мнению Ильина, необходимо повышать уровень культурного образования, от которого зависит степень отношения к миру, обществу и к самому себе. В тоже время философ предостерегал от насильственного насаждения государством новых культурных ценностей. В выборе их человек должен иметь свободу, только таким образом рождается эстетический вкус.

Следуя традиции, русский философ различал понятие «культура» и «цивилизация». Культура первична, обладает целенаправленностью, духовна по своей природе. Цивилизация технична, вторична, и проявляется в вещественных и инструментальных формах. Культура обращается к внутреннему миру человека, пробуждая в нем тайные, скрытые силы. Цивилизация затрагивает внешние материальные условия жизни; жилище, хозяйство и т. п. По мнению Ильина, равенства в уровне развития культуры и цивилизации может не быть. Народ может иметь богатые исторические традиции, утонченную культуру, но в цивилизационном отношении проявлять отсталость. С другой стороны, развитая в техническом отношении цивилизация в вопросах духовной культуры может переживать период упадка. Культура обращается к сердцу и чувствам людей, цивилизация способствует развитию силы разума и воли. Цивилизации рождаются и умирают, а культурное наследие прошлого может жить веками.

Любая историческая эпоха вносит в культуру нечто новое. Античность воспевала героев, их мужество и стойкость. Средневековье – любовь к Богу и значение веры. Возрождение – гуманизм и красоту человеческого тела. Новое время – разум. Но во все времена общим для культуры был культ сердца, к сожалению, утраченный.

Ильин, используя форму диалога с ученым, дал краткую характеристику развития кризисных явлений в культуре начала XX века. Если рассматривать развитие культуры через ее области проявления, то можно проследить, как «просыпается» мысль, подчиняя себе воображение и создавая необходимый продукт творческой активности. Например, при создании технических объектов чувства являются помехой, поэтому техника как основа культурных начинаний базируется на математическом расчете и логическом анализе.

Наука это основа современной культуры. Ее открытия опираются на объективные наблюдения и строгую систему доказательств. Научное исследование может быть лишено чувств «симпатии» и «антипатии», волнения и негодования; «сердцу» в науке делать нечего.

Особое место в культуре занимает политика. В ней правит личный, групповой и классовый интерес, идет борьба за власть. Сентиментальность может погубить политика, заставить его совершить ошибку там, где требуется дисциплина и удачная интрига.

Искусство, также лишено чувств. Философ писал: «Сентиментальное искусство отжило свой век; это был век пастушек и романтиков. Ныне царит изобретающее и дерзающее искусство, с его «красочными пятнами», звуковыми пряностями и эффективными изломами» [4, с.739].

Религия, как область культуры, основывается на церковной дисциплине, подавляющей субъективные симпатии. Для того чтобы иметь веру, человек должен захотеть верить и подавить свои сомнения. Так, сделал вывод Ильин, рождается «бессердечная культура», подрывающая основы своего существования. Главная причина «бессердечности культуры» заключается в господстве утверждения, что культура, в частности, западноевропейская сооружена «из камня и льда». Философ подчеркивал: «Здесь религия, искусство и наука (за немногими гениальными исключениями) холодны; а политика,

техника, хозяйство и деловой оборот – жестоки и суровы и вменяют себе эту жестокость в великую заслугу («высший уровень культуры»)» [1, с.741].

Духовность – это данное человеку иное, воспринимаемое им как свое. Нечто должно быть пережито, воспринято, переработано, тогда духовность наполняется смыслом, приобретая истинность существования. Появляются личностные, индивидуальные ценности и мир другого человека воспринимается ни как противоположный, а как со-бытие. Соприсутствие, соединение с другим смыслом, но через личный внутренний мир, через «Я» – вот так проявляет себя духовность. Духовность не может быть чисто разумной, т. е. рационально обоснованным рассуждением, она предполагает и чувственно-эмоциональный уровень – воображение, фантазию.

Духовность человека основана на его внутреннем опыте, позволяющем отличать то, что приятно, истинно, прекрасно, имеет божественное происхождение. Люди, которые отрекаются от Бога, постепенно утрачивают духовность и способность любить. Веруя личность постигает, что жизнь человека есть жизнь, творческий процесс при участии божественных сил, а не быт, не прозябание. Жить значит соединять подлинную ценность с действительной силой духа и творческой активностью. Значение культуры, по мнению Ильина, заключается в наполнении души людей божественным содержанием, поэтому она является настоящим источником жизненных стремлений и убеждений людей. В непонимании этой истины, как считал философ, заключается основная причина бездуховности современного общества. Бог – это источник всего духовного, а, следовательно, и духовной, творческой жизни человека. Вне Бога культура теряет смысл, импульс к развитию, свое значение. Путь к Богу – это путь осознания абсолютных ценностей. Царствие Божие существует в нас – это наша внутренняя свобода, ответственность, внутренний суд совести, а не закон, принуждение, давление. Ильин предупреждал, что результатом безбожия является «антикультура», творчество, лишенное любви. Настоящая культура возможна, только, на основе религиозной веры. Не случайно философ отрицательно относился к любым формам негативного отношения государства к религиозному духовному наследию. Проблема культурного кризиса может быть решена путем возвращения к вечным христианским истинам.

Раскрывая особенность русской культуры, философ определял ее как культуру сердечного тепла, дарующего жизнь русской народной душе. Но это не означает, что русская, православная культура препятствовала развитию культур других народов или враждебно относилась к ним. Ильин подчеркивал, что главная заслуга России заключается в бережном отношении ко всем формам культурного наследия, уважения к достижениям других народов.

Список литературы

1. Ильин, И. А. Почему мы верим в Россию: Сочинения / И. А. Ильин. – М.: Эксмо, 2007. – 912 с.
2. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – М.: АСТ, 2007. – 510 с.
3. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. - Нью-Йорк: Посев, 1988. – 316 с.
4. Франк, С. Л. Избранные произведения / С. Л. Франк. – М.: Правда, 1990. – 608 с.

Статья поступила в редакцию 23.08.2019

Chugunov S. V. *The Problem of Culture in Russian Philosophy of the Early 20th Century*

The article analyzes the approaches of Russian philosophy to the problem of the development of culture of the early 20th century. Culture is defined as an intensive system. Its forms of expression are diverse and encompass various aspects of social life. The task of culture is to preserve the spiritual heritage of people, to transfer cultural experience from one generation to another. Culture unites people, which allows us to talk about humanity as an active subject of spiritual creativity.

Key words: culture, faith, person, religion, Christianity.

В статье осуществляется анализ имманентных учений индуистской йоги, рассматривающих сущность эгоцентрического сознания и страстных состояний. Монистические традиции джняна-йоги и раджа-йоги утверждают, что появление Эго обусловлено незнанием истинного Я человека (Атман, Пуруша). Результатом этого незнания становится ложное самоотождествление человека с телесной оболочкой и привязанность к ограниченной материальной форме. Интеграционная традиция тантра-йоги видит основную причину формирования Эго в нарушении единства духовного (Шива) и материального (Шакти) начал внутри человека. Делается вывод, что страстные состояния являются преобладание потребностей ложного Я-Эго над потребностями истинного Я, которые отличаются неконтролируемостью и впадением в крайности. Основными методами мистической практики являются дисциплинарный аскетизм, психосоматические упражнения и медитативное созерцание.

Ключевые слова: мистика, страсть, эгоцентрическое сознание, просветленное сознание, медитативное созерцание.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

Сайт: zhirtueva.ru

ТРАДИЦИИ ЙОГИ О ПРИРОДЕ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ, СТРАСТЯХ И МЕТОДАХ БОРЬБЫ С НИМИ

Интерес к мистическим учениям на современном этапе развития гуманитарного знания объясняется тем, что с древнейших времен мистика является сущностным ядром религии и основной целью религиозной практики, направленной на воспитание целостной личности.

Неслучайно к исследованию феномена мистики обращались ранее Э. Андерхилл, Н. Бердяев, Д. Голмен, У. Джемс, А. Маслоу, Р. Отто, Ф. Олмонд, У. Стэйс, Е. Торчинов и др. Были сделаны выводы, что мистицизм является сложным и малоисследованным феноменом духовной жизни человечества. До сих пор не существует единого мнения относительно сущности той Абсолютной реальности, единения с которой жаждет мистик. Не решен также вопрос о соотношении идеального и материального в мистическом опыте и т. д. Вместе с тем можно выделить общие, универсальные особенности всех мистических традиций. Например, в них говорится, что основным препятствием на пути к единению с Абсолютом является эгоцентрическое сознание [1, с. 102; 6].

Целью статьи является исследование природы эгоцентрического сознания, страстных состояний и методов борьбы с ними, которые сформировались в мистических традициях индуистской йоги.

Индуизм относится к имманентному типу мистицизма, в котором отсутствует представление о сверхъестественном, надмировом Абсолюте. В большинстве направлений йоги Абсолют воспринимается как безличное Чистое Сознание, лишенное личностных характеристик (исключением может считаться только учение бхакти-йоги).

Учения йоги о природе эгоцентрического сознания и страстных состояний.

Монистическая имманентная традиция джняна-йоги, известная также как адвайта-веданта Шанкары, утверждает существование единой истинной реальности – объективного духовного начала Брахмана, источника добра, любви, истинного знания, мудрости. Субъективное духовное начало, Атман, присущее каждому человеку, тождественно Брахману. Шанкара учил, что «материала проявления, кроме Брахмана, нет иного. Поэтому все проявленное – лишь Брахман, а не иное. Ни субъекта, ни объекта врозь, раз сказано: «Всё – Атман». Если истина известна, не возникнет различень» [10, 45-46].

Атман является истинным «Я» человека. Современный представитель джняна-йоги Шри Рамана Махарши учил, что Атман это истинное и естественное состояние бытия человека, безличное, всеобъемлющее сознание. Только оно есть «Бытием самим Собой» [2, с. 31]. Соответственно, все люди обладают единой сущностью, отличаясь друг от друга лишь телесно.

Основной же ошибкой людей является забвение этой простой истины и ложное самоотождествление со своей физической оболочкой – телом. Так рождается личность и представление об индивидуальном «Я-Эго», разрушающее идею единства человечества.

Если человек признает свою индивидуальность истинным «Я», он формирует *эгоцентрическое сознание*, целью которого становится удовлетворение многочисленных потребностей тела. Сознание Эго способно создавать привязанности к тем или иным аспектам материального мира. Они могут быть направлены на самые различные явления – людей, вещи, мысли, желания. Постепенно привязанности приобретают характер очень сильных влечений – *страстных состояний*, концентрируя всю энергию мыслей и чувств на объекте внимания. Человек способен его даже обожествить. Потеря объекта привязанности оценивается как трагедия и может привести к серьезным психическим заболеваниям.

Именно поэтому Шанкара учил, что только незнание (авидья) принуждает нас отождествлять себя с материальным телом и его чувствами. «Атман – бесчащен, един. Тело много частей включает... Атман – правитель, он изнутри. Тело – вовне, им правят... Атман – из чистого знания. Тело – из плоти нечистой... Атман – и свет и светильник. Тело же тьмою зовется... Атман вечен, как вид Сути. Тело не вечно и не сущно. Их же отождествляют. Есть ли незнание, этого больше?... Решивший “Я – это тело” живет, увы, в заблуждении» [10, 17-23]. Человек, который отождествляет Атман с Телом и ищет спасения в материальном, всю жизнь проживает в незнании и попадает в сансарическое рабство. Авидья, с точки зрения Шанкары, «это не столько воображение, сколько неспособность проводить разграничение (*авивека*) между реальностью и видимостью» [7, с. 527]. Таким образом, Шанкара отождествляет иллюзию-майя и незнание-авидья.

Монистическая имманентная традиция раджа-йоги, известная также как йога Патанджали, или королевская йога, создала учение о материальном (Пракрити) и духовном (Пуруша) началах бытия. Пракрити также реальна и вечна, как Пуруша, но, в отличие от него, выполняет роль творческой силы, порождая Вселенную во всем многообразии ее форм. Пракрити существует в трех разных видах – *гунах* (от санскрит. «качество», «нить»): 1) *самтв*а (качество света и ума); 2) *раджас* (качество энергии и активности ума); 3) *тамас* (качество статической инерции и духовного мрака). Гуны в каждом физическом, биологическом и психическом явлении присутствуют одновременно, но в неравных пропорциях. Из них строятся не только природные явления, но также состояния психической жизни человека. Например, понятием «тамас» обозначают одновременно и «принцип инертности материи», и «затемненное сознание», и «бурю страстей».

На третьем этапе своего становления пракрити формирует *ахамкару* (от санскрит. «ахам» – «Эго») – состояние материи, способной к осознанию. Так возникает *эгоцентрическое сознание (или эгоистическая самость)*, привязанное к ограниченной материальной форме. Но источником чистого (истинного) сознания человека, по-прежнему, остается Пуруша. Поэтому человек всегда имеет два «Я»: затемненное (под влиянием пракрити) и чистое (имманентное Пуруше). Связь Пуруши и пракрити в теле человека происходит с помощью ума или мыслящей субстанции (*буддхи, читта*), относящейся к самой высокоразвитой форме материи. Однако при всей противоречивости оценки взаимоотношений пракрити и пуруши, С. Радхакришнан приходит к выводу, что «удивительный способ, каким они помогают друг другу, показывает, что эти противоположности – в пределах целого. Видимая двойственность опирается на некоторое стоящее над ней единство» [7, с. 166]

Ахамкара всегда троична, так как состоит из комбинации трех гун. Человек сам выбирает то соотношение гун, в котором заинтересован. В том случае, если ум подчиняется Эго, гуны вызывают в мыслящей субстанции различные образы (*вритти*), и, таким образом, возникают модификации, или видоизменения ума в виде мыслей (*читтавритти*). Когда разум полностью попадает в плен органов чувств, человек погружается в бытие становления и распада. Чаще всего его сознание склонно или к чрезмерной активности (раджас) или же пассивности (тамас), создавая страстные состояния. Привязанности к материальному являются причиной страданий человека. Вместе с тем страдания способны побудить ум искать путь к освобождению.

Патанджали называет пять основных препятствий на Пути освобождения, которые вызывают страдания: неведение (*авидья*), эгоизм или ложное самосознание (*асмита*), пристрастие или привязанность (*рага*), отвращение (*двеша*) и привязанность к жизни (*абхинивеша*). По его мнению, «неведение есть источник всех остальных, в каком бы ни были они состоянии, скрытом, ослабленном, подавленном или распространенном. Неведение есть принятие не вечного, нечистого, мучительного и не составляющего настоящего «Я» за вечное, чистое, счастливое, Атман. (Сущее “Я”))». «Ложное самосознание есть отождествление зрящего с орудием зрения. Пристрастие есть устремление сознания

к удовольствию. Отвращение есть реакция на страдания. Привязанность к жизни проникает самую ее природу и присуща даже мудрому» [3, 2:3-9].

Йога Патанджали учит, что ум проходит пять этапов на пути к знанию. На первом уровне ум блуждает от одного объекта к другому – это рассеянное состояние ума; второй уровень соответствует его притупленному состоянию, например, сну; третий уровень – это относительно спокойное состояние. Первые три уровня несовместимы с йогой, так как ум полностью зависит от гун тамас и раджас.

Интеграционное учение индуистского тантризма преодолевает противоречивые взаимоотношения духа и материи, и создает учение о гармоничном союзе Шивы (духа) и Шакти (материи). Шива олицетворяет аспект самоизлучения Абсолютного сознания, а Шакти отождествляется с материей-пракрити. Шакти – это первичная «материальная причина», проявляющаяся в равновесии трех гун, возникающих на втором этапе творения: 1) путь восхождения от Духа к материи (*самтв*), 2) путь восхождения от материи к Духу (*раджас*), 3) плотная завеса Духа (*тамас*). Особенность тантризма заключается в том, что он описывает процесс единения материального и духовного в масштабах макрокосмоса, в котором осуществляется таинство слияния Шивы и Шакти.

Тантра учит, что индивидуальный дух человека (Атман, Шива) локализуется в маковке его черепа, а Шакти отождествляется с материальной энергией, спящей в нижней части позвоночника. У непросветленного человека, находящегося во власти ахамкары, Шива и Шакти разделены, также как и его энергетические центры (*чакры*).

Эгоцентрическое сознание практически полностью порабощает работу низших чакр, отвечающих за удовлетворение инстинктов и получение удовольствия от них. При этом остаются неразвитыми высшие центры, координирующие силу воли, любовь, творчество, мудрость и веру. Поэтому человек оказывается неспособным контролировать свои инстинкты и удовольствия, превращаясь в итоге в их раба. Его психическое состояние характеризуется ненасытностью и отсутствием меры, завистью и чувством неудовлетворенности, пессимизмом. Такой человек постоянно мечется между противоположностями, часто впадая в крайности. Ошо Раджниш писал, что «метаться между крайностями – вот настоящий грех». «Когда бы не склонялся к одной из крайностей, начинается борьба, потому что крайность всегда держит в напряжении... Крайность всегда напряженна, беспокойна, возбуждена». «Не важно, где вы сейчас: противоположное всегда на другой стороне, и вас тянет туда, потому что притягательность усиливается с расстоянием» [6, с. 110, 112]. Понятно, почему страстные состояния непросветленного человека приносят ему столько страданий.

Методы преодоления Эго и его страстных состояний.

Общим для имманентных мистических традиций индуизма является деление мистической практики на два этапа – подготовительный и основной. Подготовительный этап призван создать все условия для реализации основного метода – медитативного созерцания. Традиции индуизма учат, что Атман обладает тремя аспектами – Бытием, Сознанием, Блаженством, которые не существуют по отдельности, но в своем единстве символизируют истинную сущность Атмана. Именно поэтому сознание Атмана и созерцание Атмана способно избавить человека от страстных состояний и связанных с ними страданий.

Бесспорно, в каждой традиции есть свои особенности осуществления двух этапов.

Цель **монистической раджа-йоги** – вернуть читту к ее первоначальному состоянию. В процессе мистической практики должно произойти очищение духа от материи, или, другими словами, отделение Пуруши от пракрити. Предлагаются восемь этапов (аштанга) мистической практики, объединяющие в себе подготовительный и основной этапы. Это самоконтроль (*яма*), соблюдение правил (*нияма*), йогические позы (*асана*), регулирование дыхания (*пранаяма*), отвращение органов чувств от предметов чувств и контроль за органами чувств (*пратьяхара*), сосредоточение внимания на объекте (*дхарана*), созерцание избранного объекта (*дхьяна*) и познание истинной сущности (*самадхи*). Патанджали называет их «суть органами йоги» [3, 2:29].

Пять первых этапов практики призваны подготовить ум к переходу на высшие уровни. Они соответствуют первому, второму и третьему уровням развития сознания. Здесь соединяются дисциплинарный аскетизм и психосоматические упражнения, поскольку важной особенностью раджа-йоги является утверждение, что существует тесная взаимосвязь тела и ума, пракрити и пуруши. Пуруша скрыт под покровами брэнной плоти и беспокойного ума, но тело является «инструментом для выражения духовной жизни» [7, с. 310].

Шестая, седьмая и восьмая аштанга – дхарана, дхьяна и самадхи – относятся к основному этапу практики. Они помогают уму перейти на четвертый и пятый уровни развития. На четвертом уровне ум способен сосредоточиться на одном объекте – предмете размышлений, а на пятом происходит вообще прекращение любой его деятельности (*ниродха*). Во время очищения ума его модификации (*читта вритти*) постепенно замедляются и совсем исчезают на пятом уровне. «Йога-Сутра» утверждает, что «йога есть удержание материи мысли (читта) от облечения в различные образы (вритти). В это время (время сосредоточения) зрящий (Пуруша) покоится в своем собственном (естественном) состоянии. В остальное время (вне сосредоточения) зрящий сливается со своими видоизменениями» [3, 1:2-4].

Дхарана должна сделать ум стойким, научить его концентрироваться на определенном объекте. Патанджали давал рекомендации относительно выбора объектов концентрации: слог Ом или другие мантры, сердце, божество или «озаренная душа», какой-то символ божества. Основным методом очищения ума является *дхьяна*, позволяющая потоку сознания непрерывно течь к объекту созерцания. В обычной жизни такое состояние сохраняется на очень короткое время. В дхьяне медитирующий уже не осознает, что он находится в созерцании. Единственное, что он осознает – это факт своего существования и объект своей медитации, с которым становится единым целым.

Дхьяна своей высшей точки достигает в *самадхе* (от санскрит. «связывать или сводить воедино», «сосредоточение»). Асампраджнята-самадхи является сосредоточением, которое не имеет формы мысли. Ум уже не пытается разграничивать Пурушу и пракрити, проявляя свою истинную природу. Конечно, этого состояния могут достичь лишь немногие, и в нем почти никто не может пребывать длительное время, так как соблазны жизни разрушают его. Поэтому говорят, что конечное освобождение невозможно до тех пор, пока живет тело [7, с. 317-319]. В учении йоги самым важным признается умение перенести глубочайшее спокойствие самадхи в обычную жизнь. Это состояние *сахадж-самадхи*, в котором медитация поддерживается сама собой, и никакая внешняя активность не может ее потревожить. Тело и ум не реагируют на внешние впечатления, и только объект созерцания остается воспринимаемым. Достигшего этого состояния называют *дживан-мукти*.

Монистическая джняна-йога Шанкары делит подготовительный этап на четыре ступени. Первая ступень помогает развить умение отличать (*вивека*) вечное от не вечного и стремится только к первому. На второй ступени достигается внутреннее отстранение (*верака*) от всех желаний и стремлений к наслаждению. Реализовать его представлялось возможным только при условии принятия адептом обета *саньясы* (монашества). Шанкара был уверен, что от монашества невозможно отказаться ни при каких обстоятельствах. Поэтому метод *дисциплинарного аскетизма* стал необходимым условием практики джняна-йоги. Третья ступень предполагала развитие шести совершенств – успокоение ума, контроль над органами чувств, отчужденность, терпение, вера в учение и сосредоточенность. А четвертая ступень должна была помочь развить горячее стремление к освобождению (*мумакшатва*).

Основной этап предполагает прохождение трех ступеней. На первой происходит углубленное изучение веданты под руководством учителя и слушание его наставлений (*шравана*). Вторая ступень предполагает уничтожение любых сомнений и формирование полной уверенности (*макана*) в их истинности. Только после этого ученик переходил к третьей ступени – постоянному созерцанию истины «Я – Брахман». Это разработанный Шанкарой метод медитативного созерцания *нидидхьясана*, который существенно отличается от созерцательных практик других направлений индуизма и буддизма.

Как правило, индийские йоги, также как и буддисты, стремятся к реализации принципа «Быть объекту мной». Они понимают освобождение как состояние *субъективации* сознания, которое более не вырабатывает никакого отношения к объектам. Основными способами достижения этого состояния считается путь анализа состава психики, который называется «полнотой внимания» (*vipassana* и *satipatkhana*). Во время созерцания все субъективные представления, или «картины психики», воспринимаются сознанием как знаки его личных состояний.

По мнению Шанкары, метод «полноты внимания» препятствует осознанию сущности Абсолюта, потому что способствует деятельности разума. Он учил, что обычная йога является совокупностью процедур, которые заняты рефлексией психических состояний человека, а джняна-йога создала комплекс упражнений по самосознанию. Идеал освобождения Шанкара видел в реализации принципа «Быть мне объектом». Происходит *объективация* сознания, которое более не содержит в себе отношения к себе самому как субъекту страдания. Философ писал: «"Я", разумеется, зритель, тело же

зримо, конечно. Ведь говорить: «Тело – мое». Как ему быть субъектом? «Я» измениться не может, тело изменчиво вечно. Это же так очевидно. Как же быть телу субъектом?» [10, 32, 33].

Шанкара учил, что «обычные» объекты являются только отблесками истинной реальности Брахмана, восприятие которых накладывается на высшую реальность. Следовательно, познание Абсолюта становится «снятием» такого наложения. Философ рекомендовал убрать отождествление сознания (Атмана) со страдающим индивидом, и подчеркивал, что освобождение достигается не простым повторением слова «Брахман», а непосредственным ощущением Брахмана. Он советовал: «Сидя в уединенном месте, бесстрастно, вполне владея силами чувств, устремив всю свою душу на Самость и не допуская никакой другой мысли, как только о Вечном» [11, 37]. Тому, кто созерцает, предлагается четко осознавать, кто является источником мыслей – Атман или Я-Тело. И если мысли и чувства порождаются не Атманом, рекомендуется не придавать им значения.

Получается, что между иллюзорным рабством и бытием Абсолюта только один шаг – простой акт отбрасывания всех мыслей Эго, всех представлений о двойственности мира. В конце концов, процесс созерцания завершается состоянием неотделенности сознания от Абсолюта.

Интеграционная традиция индуистского тантризма рассматривает человека как микрокосмическую лабораторию, в которой возможно воссоздать мистический процесс единения Шивы и Шакти. Шакти может долго оставаться скрытой, словно дремлющей в ожидании своего пробуждения. Вплоть до тех пор, пока она не будет пробуждена каким-то событием или духовной практикой. И тогда должен произойти подъем ее энергии вверх по каналу сушумна, через все энергетические центры, чтобы в макушечной чакре произошло слияние духа и материи.

В тантризме предусматривается комплекс самых разнообразных методов активизации чакр, среди которых не только традиционные практики раджа-йоги, но также специфические тантрические практики. Их особенностью является более широкий спектр использования материальных энергий. А это означает, что нижние чакры не рассматриваются как примитивные. Тантрический опыт предполагает тесную связь с *бхукти* (или *бхога*) – чувственным опытом человека и сопровождающими его наслаждениями. Энергия желаний, в том числе и сексуальных, не подавляется, но активно используется для достижения мокши. Как заключает Д. Голмен, «сущность тантрической практики состоит в использовании чувств с целью превзойти чувственное сознание в самадхи» [4, с. 102]. Техническими «инструментами» Тантры являются мантры, янтры и мудры, которые демонстрируют параллелизм слышимого, видимого и ощущаемого. Они показатели взаимосвязи речи (*вача*), ума (*читта*) и тела (*кайя*).

В отличие от других традиций йоги, сакральность материи в тантризме безусловна: она не оставляет никакого места противопоставлению материи и духа [5, с. 31]. Последователи тантризма убеждены, что необходимо отбросить враждебное отношение к противоположностям. По мнению Ошо Раджниша, «возвыситься над земным может только тот, кто в ладу с этим миром, кто не делает выбора между тем или этим». «Потому что, принимая одну из сторон, ты отрицаешь другую – а истина в единстве». Именно поэтому необходимо стремиться к золотой середине [8, с. 110]. Рам Дасс учил, что необходимо уважать все уровни и планы бытия, поскольку «в *быть* входит и высокое и низкое» [9, с. 259].

Тантризм, как и другие направления йоги, утверждает медитативное созерцание основным методом преодоления Эго и его страстей. Отличием тантрической созерцательной практики является ориентация на бытие «здесь и сейчас», когда медитация становится жизнью, и жизнь медитацией. Рам Дасс писал: «Если мы примем знание Бога как постоянное пребывание в медитации, будучи в деятельности весь день, как осознание без выбора, пребывание ясным без всяких суждений, мнений, привязанностей, без нажима и дергания, без того и этого, – мы испытаем, что значит знать Бога и быть в Боге» [9, с. 316].

Выводы

Имманентные мистические традиции, сформировавшиеся на основе индуизма, оценивают эгоцентрическое сознание как серьезное препятствие на пути к просветлению. Существует разное понимание природы Эго и его страстных состояний в монистических и интеграционных традициях. Например, монистические традиции джняна-йоги и раджа-йоги уверены, что появление Эго обусловлено незнанием природы истинного Я человека (Атман, Пуруша). Результатом этого незнания становится ложное самоотождествление человека с телесной оболочкой и привязанность к ограниченной материальной форме. Интеграционная традиция тантризма видит основную причину формирования Эго в нарушении единства духовного (Шива) и материального (Шакти) внутри

человека, в противопоставлении этих начал друг другу. Страстные состояния оцениваются как преобладание потребностей ложного Я-Эго над потребностями истинного Я, которые отличаются неконтролируемостью и впадением в крайности.

Преодоление эгоцентрического сознания и страстей осуществляется в два этапа. Дисциплинарный аскетизм и психосоматические упражнения призваны развить самоконтроль тела, чтобы подготовить его к основному этапу – медитативному созерцанию. Созерцание в монистических традициях направлено на погружение в духовную природу с целью получения знания об истинном Я, которое имманентно Абсолюту (само-исследование, дхьяна). В интеграционной традиции созерцание стремится привести к гармонии духовное и материальное начало, активно используя энергии тела.

Список литературы

1. Андерхилл, Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека / Э. Андерхилл; пер. с англ. Д. Веденова, В. Грачова, М. Добровольского и др. – Киев: «София», Ltd., 2000. – 496 с.
2. Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши / сост. Д. Годман; пер. с англ. О. М. Могилевера. – М.-Тируваннамалай: Изд-во К. Кравчука. – Шри Раманашрам, 2002. – 351 с.
3. Вивекананда, С. Афоризмы Патанджали / С. Вивекананда // Сахаров Б. Открытие третьего глаза. – Киев: «Преса України». – С. 73–147.
4. Голмен, Д. Многообразие медитативного опыта. От Каббалы до трансмедитации / Д. Голмен; пер. с англ. – Киев: «София», 1993. – 137 с.
5. Жиртуева, Н. С. Тантризм в контексте компаративного анализа философско-мистических традиций мира / Н. С. Жиртуева // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 4. – С. 26-36.
6. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / А. Г. Маслоу // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры. – URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/masla01/index.htm> (дата обращения 18.09.2019).
7. Радхакришнан, С. Индийская философия. В 2-х т. Т.2. / Сарвепалли Радхакришнан; [пер. с англ. Н. В. Воробьева, Г. И. Заиченко, С. А. Кучиной и др.]. – М.: МИФ, 1993. – 731 с.
8. Ошо, Р. Горчичное зерно. Комментарии к пятому евангелию от святого Фомы / Р. Ошо; пер. с англ. К. Семенов. – Киев: «София», Ltd, 2002. – 496 с.
9. Центр циклона: Автобиография внутреннего пространства / Дж. Лилли. Зерно на мельницу / Р. Дасс; сост. Ю. Смирнов; пер. И. Старых. – Киев: «София», 1993. – С. 183–319.
10. Шанкара. Незаочное постижение / Шанкара; пер. с санскрит. Д. Б. Зильбермана // Вопросы философии. – 1972. – № 5. – С.125–129.
11. Шри Шанкара Чарья. «Атма Бодха» / Шанкара Чарья // Путь Шивы: антология древнеиндийских классических текстов / сост. К. Г.Стрельцов, Н. П. Русских, пер. с санскрит. Ригин А. – Киев: Б.И., 1994. – С. 166–174.

Статья поступила в редакцию 29.09.2019

Zhirtueva N. S. *Yoga's traditions about the nature of self-centered consciousness, passions and methods of struggle with them*

This paper researches the essence of self-centered consciousness and passionate states in the immanent traditions of Hindu Yoga. According to the monistic tradition of Jnana Yoga and Raja Yoga, the emergence of Ego is due to the lack of understanding of a true Self of man (Atman, Purusha). The result of this ignorance is the false self-identity of a person with the body shell and attachment to a limited material form. According to the integrative tradition of Tantra-Yoga, the destruction of unity of spiritual (Shiva) and material (Shakti) origins is the main reason for the formation of Ego. The conclusion is that passion is dominated by the needs of false Self-Ego, not the needs of true Self, which is uncontrollable and extreme. Disciplinary asceticism, psychosomatic exercises and meditative contemplation are the main methods of mystical practice.

Key words: mysticism, passion, self-centered consciousness, enlightened consciousness, meditative contemplation..

УДК 101.1

В статье рассматриваются теоретические аспекты такого социального феномена как прогресс в контексте базовых положений футурологии и прогностики. Проводится исследование взаимосвязи прогресса с иными социальными институтами. Кроме того, анализируются различные вопросы, связанные с проблемой соотношения феномена прогресса с иными областями человеческого знания. Исследуется значение феномена прогресса в рамках футурологических концепций. Также проводятся сравнительный анализ взглядов учёных–теоретиков в отношении различных социально-философских аспектов.

Ключевые слова: прогресс, идеология, утопия, дистопия, футурология, социальная динамика, аксиология.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук,
Севастопольский государственный университет
tkachenko.rv5150@mail.ru

АНАЛИЗ ИДЕИ ПРОГРЕССА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФУТУРОЛОГИИ

При анализе такого неоднозначного явления как прогресс, необходимо выделить как строго научный (сциентистский), так и ценностный (аксиологический) аспект данного феномена. Любопытно, что данные аспекты имеют сходные, но совсем не идентичные черты. Футурология, в своих сценарных построениях картин вероятностного будущего, стремилась синтезировать эти два подхода, что с неизбежностью отразилось в широчайшем диапазоне футурологических конструкций.

При составлении комплексных прогнозов футурологи не просто стремятся к детальной дискрипции вероятностных событий, но и пытаются проследить тенденции социальных изменений, определить качественный фактор тех или иных социальных интеракций, выявить вероятностные причины.

Типологический анализ современных футурологических подходов может помочь не только выработать более чёткое системное представление о вероятностных проблемах будущего, но и определить магистральные тренды современной социальной философии, а также выработать более корректное отношение к футурологическим прогнозам.

Для выработки адекватного основания при классификации футурологических прогнозов целесообразно сравнивать их через фундаментальные для характеристики вероятностного будущего категории: прогресс, регресс, стагнация, утопия, дистопия, а также проанализировать варианты отношения к будущему с точки зрения идеологии.

Феномен идеологии, её степень влияния (и воздействия) на массовое сознание, на науку и искусство вызывает широчайший спектр оценок. С одной стороны, мы можем встретить оценочные позиции связанные непосредственно с волеизъявлением социально-политической элиты (марксизм, неомарксизм), с другой стороны – выявляющие семантические и коннотативные особенности идеологических конструктов (постмодернизм, постструктурализм).

Термин «идеология» появляется в конце XVIII века в работах Дестюта де Траси. Изначально данный термин означал изучение процесса возникновения и функционирования идей и основ человеческого знания. Идеи трактовались здесь в стиле Кондильяка – как психические феномены, имеющие непосредственную связь с языковыми формами. Согласно де Траси, данное учение должно было выступать в качестве фундирующих принципов, как в науке, так и в социальной жизни. Именно по этой причине де Траси интерпретировал идеологию как систему первооснов права, политики и морали.

С течением времени восприятие данного термина несколько изменилось. Так, термином «идеологи» (причём, с несколько ироническим оттенком), стали называть ряд учёных и политических деятелей (в том числе, самого де Траси, Кабаниса, Вольнея и др.).

Несколько позже идеологическую проблематику разрабатывали гегельянцы, а в работах К. Маркса понятие идеологии получило второе рождение.

По своей сути, абрис такого феномена как идеология прорисовывается ещё в эпоху Возрождения, в модели политического управления Н. Макиавелли. Однако, некоторые исследователи (например, К. Поппер) приходят к мнению, что начала теории идеологии были изложены ещё Платоном в проекте идеального государства. «Идеальное государство, по Платону, не есть простая фантазия, мечта или «идея нашего разума». Учитывая его неизменность, можно утверждать, что оно более реально, чем все загнивающие государства, которые пребывают в текущем состоянии и в любой момент могут исчезнуть» [7, с. 57].

В Средние века доминирование религиозного мировоззрения создаёт специфическую совокупность идей, повлиявшую практически на все аспекты социальной жизни (на политику, право, науку и т.д.).

В период Нового времени критика приоритета религиозного мировоззрения и низложение системы «идолов» в «Новом Органоне» Френсиса Бэкона повлияли на становление метода критического анализа, и вызвали сомнения в истинности теологических представлений. Наука, пытаясь абстрагироваться от теологических доктрин, стала вырабатывать новые модели динамики социума. Именно в данный период возникает идея общества как идеального проекта, который возможно реализовать, устанавливая определённые ориентиры (социальные, политические, правовые) и внедряя их в массовое сознание при помощи просвещения. «Утопические писатели воображали, что объединённые воздействия воспитания и условий жизни переделают человеческую природу по совершенному образцу» [9, с. 175].

Идеи «вечной справедливости», «автономного человека», «прогресса», передавшиеся от Локка к энциклопедистам, закладывают основополагающие принципы первичной идеологической конструкции.

Социальные движения, активно развивавшиеся в конце XVIII – начале XIX веков нуждались в выработке теоретических обоснований их роли и назначения в социуме. Как правило, смысловым стержнем данных движений выступала идея социального переустройства через овладение социальным управлением. Возникновению подобных воззрений в немалой мере способствовали утопии, т.е. работы посвящённые проектам идеального социального устройства. «Каждая стадия исторического бытия обволакивалась представлениями, трансцендировавшими это бытие, однако до тех пор, пока они «органически» (то есть, не оказывая преобразующего воздействия) входили в картину мира, соответствующую данному периоду, они выступали не как утопии, а как идеологии, присущие данной стадии исторического развития» [10, с. 114].

Однако было бы несправедливым считать утопии, оторванным от реальности литературным жанром. Ведь именно в утопиях поднимаются такие немаловажные для социальной жизни вопросы, как проблема прогресса, социальных преобразований или возможности нахождения всеобщего смысла и цели социального бытия.

Идея прогресса, как системы повышения уровня организации, усложнения (и улучшения) социальной системы в качестве смысловой категории тесно переплетается с идеей утопии. Утопия без присутствия в ней идеи прогресса с неизбежностью трансформировалась бы в дистопию – пессимистическую панораму социальной деградации и социального распада. Любопытно, что если дух эпохи Нового времени и Просвещения активно объективировался в утопических воззрениях, в надеждах на лучшее, то XX век активно вырабатывал алармистские концепции дистопического толка. С неизбежностью возникало ощущение, что «будущее помрачнело и поддерживать идеи неограниченного прогресса всё более нелегко. Например, в конце XVIII века и в веке XIX технология вообще ассоциировалась с распространением экономического процветания и с освобождением человечества от беспрестанного тяжёлого физического труда. В течение XX века она уже была неотделима от воздушной войны и атомной бомбы» [9, с. 174 - 175].

Оптимизм эпохи Нового времени и Просвещения, генерируя идею прогресса, попытался предать ей философскую респектабельность и определённую идеологическую направленность.

Развитие технологий и масштабов производства, активный рост городов, формирование новых социальных классов и групп, отмирание старых социальных форм – всё это свидетельствовало о глобальных метаморфозах цивилизации. Эффект сотрясения социальной среды был настолько значителен, что возникла острая необходимость пересмотра устоявшейся системы мировоззрения, создания новой картины мира, в которой присутствовали бы мотивы будущего.

В данном контексте идея прогресса придавала мироощущению ощущение оптимистичности и устремлённости к бесконечно удаляющемуся социальному горизонту. Кроме того, в данной ситуации стал проявляться возросший потенциал не только общества в целом, но и самого человека, что отобразилось в идеях об ином, отдалённом (утопическом) обществе, принципиально отличном от реально существующего. Именно в этом, абсолютно ином обществе, человек полностью сможет реализовать свои потенциальные возможности. Не исключено, что именно в духовной атмосфере эпохи Просвещения аккумулируется представление о возможности самоосуществления человека и данная возможность подкрепляется именно идеей прогресса, при помощи которого и будет построено идеальное общество. «Утопист стремится – и в этом его сила – разбудить способность человека размышлять о плачевном состоянии общества, способность смоделировать новое общество, разбудить веру в силу человеческих рук, воздвигающих его, в возможность общественного устройства, ведущего к совершенству» [10, с. 222].

Активное развитие технологий, ускоренные социальные изменения в значительной мере трансформировали массовое сознание. Именно данные факты способствовали формированию нового представления о социокультурном времени как о дискретном процессе, состоящем из категорий прошлого, настоящего и будущего. В контексте ожидания социальных преобразований будущее

воспринималось уже не в качестве повторения прошлого, а то, что возможно создать, в качестве авансены иной, радикально преобразованной реальности.

Здесь социальные метаморфозы рвут связь с прошлым, Будущее уже не воспринимается как возвращение в утраченное прошлое, в некий «золотой век», но как радикально новая конструкция, которая творится и наделяется идеальными чертами. «Можно сказать, что здесь изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого» [1, с. 76].

Романтический утопизм интерпретирует настоящее в качестве некой складки, временного препятствия для достижения идеального состояния, которое нельзя уничтожить, но можно не замечать.

Несколько иное понимание исторического времени – рассмотрение настоящего в качестве естественного состояния, как необходимого этапа развития цивилизации, возникает вследствие применения к истории концепции прогресса.

Современная футурология и социальная философия (и прежде всего, связанная с аксиологической направленностью) стремится к абсолютизации дискретности исторического времени и абсолютизации роли субъекта. Зачастую, проблема будущего рассматривается в качестве смыслообразующего вектора такого феномена как человек. «Человек – существо способное к предвосхищению; он биологически сформировался с уклоном в грядущее, его настоящее всегда устремлено в будущее, и без надежд, ожиданий, стремлений оно не имеет для него никакого смысла» [4, с. 559]. В данном контексте именно прогресс интерпретируется как система, при помощи которого возможно искусственно создать будущее. «Сторонник социальной инженерии не задает вопросов об исторических тенденциях или о предназначении человека. Он верит, что человек — хозяин своей судьбы и что мы можем влиять на историю или изменять ее в соответствии с нашими целями, подобно тому, как мы уже изменили лицо земли» [7, с. 54]. В качестве инструмента, позволяющим избежать вероятностных кризисных ситуаций, рассматривается идея об «инженерном» решении проблем настоящего, что с неизбежностью, положительно скажется на грядущем. «Человек должен взять на себя сознательный контроль за самой эволюцией. Избегая шока будущего, он должен управлять эволюцией, приспособливая завтра к человеческой потребности. Поднимать бунт против будущего бессмысленно, человек должен предвидеть и создавать будущее» [8, с. 528].

Согласно воззрениям футурологии, в современности социокультурное сознание неизбежно коррелирует с дискретностью «естественного» исторического сознания. В такой ситуации довольно проблематично восстановить прерванную «связь времён», а с другой стороны – адекватно ответить на вызовы настоящего, зачастую не имеющих аналогов в прошлом.

В данном контексте интерпретация исторического времени в качестве континуума и дисконтинуума (благодаря влиянию категорий «прошлое», «настоящее», «будущее»), имеет следующие составляющие: рефлексию от социальной акселерации (в виде представления о дисконтинууме, идеи «стрелы времени» или «витка»); рефлексию от рационализма, как перенос дедуктивного метода в интерпретации исторического времени (гиперболизация роли субъективного сознания); рефлексию в область аксиологии (доминирование идеи ценностей в отношении будущего).

Однако критерий прогресса не может быть воспринят без сравнительного анализа социокультурных ценностей различных исторических периодов. Восприятие и оценка этого неоднозначного явления с неизбежностью несёт на себе отпечаток той или иной эпохи. Так, известный исследователь феномена прогресса Роберт Нисбет в своих сочинениях указывал: «Что такое прогресс: не есть ли он в основе своей моральное и духовное явление, лучшим индикатором которого служит отсутствие материального благосостояния, а не изобилие? На Западе, как в прошлом, так и в настоящем, некоторые утверждают, что это именно так. Или же прогресс неразсторжимо переплетен с навыками и пониманием, имеющими источником накопление знаний, как утверждала целая череда философов в Древней Греции?» [6, с. 33].

Беря в расчёт противоречивость такого явления как прогресс, возможно выделить в процессе социокультурной динамики как собственно исторический аспект, так и собственно прогресс. С одной точки зрения, историю можно рассматривать в качестве некоего объективного процесса, который сам по себе, возможно, не имеет имманентной цели. Справедливости, ради необходимо сказать и о постмодернистской позиции пост-истории, в которой классическое понимание исторического процесса заменяется репрезентационной операциональной копией. Данная репрезентация захватывает практически все сферы современной жизни: политику, социальную проблематику, историю. «Историческая цель вытеснена из нашей жизни гигантской нейтрализацией, получившей название мирного сосуществования в мировом масштабе, и умиротворённой монотонностью в масштабе повседневности, – эта история, изгнанная обществом в состоянии медленного или внезапного оцепенения» [2, с. 62]. Прогресс же, с неизбежностью ассоциируется с социальной деятельностью, с определёнными устремлениями, стремлениями преобразовать мир. Идея о «привнесении» прогресса в историю была характерна уже для ранних утопистов с их доминантной концепцией о «творящем»

просвещении. Истоки этих воззрений обнаруживаются еще в первых утопиях, в частности в «Новой Атлантиде» Френсиса Бэкона [3, с. 110-118]. Так, известный голландский футуролог Фред Полак, анализируя воздействия утопических взглядов на формирование картины мира, писал: «Образы как продукты работы воображения весьма разнообразны: философские и исторические образы, изобилуют готовыми смыслами; типичным примером этических изображений являются харизматические фигуры Сократа и Иисуса; социально-политические образы – это «Государство» Платона или «Идеальный Город»; религиозные образы дают форму и содержание мессианских ожиданий» [5, с. 232.].

Однако по мере эволюции взглядов о грядущем, от утопических воззрений до формирования такого междисциплинарного направления как футурология, возникало всё больше и больше моделей разнообразного вероятностного будущего, в которых минимизировались этико-антропологические аспекты и с неизбежностью доминировали технократические векторы. Это и «информативное общество» (Дж. Гершуни), и «преобразующее общество» (Дж. Дейтор), «общество «третьей волны»» (Э. Тоффлер), «эфемерная цивилизация» (Б. де Жувенель), «постиндустриальное общество» (Д. Белл) и др.

Стоит заметить, что попытки создания многочисленных конструкций «новых обществ и цивилизаций» с неизбежностью сталкиваются с определённой методологической ограниченностью, так как строятся вокруг некоего доминирующего тренда. В качестве такого смыслообразующего направления могут выступать и развитие техники (Э. Тоффлер, С. Лем), и демографические проблемы (Дж. Форрестер, П. Бьюкенен), и политологическая проблематика (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон) и др.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что в социальном бытии концепция истории и концепция прогресса могут быть как тождественны, так и различны. Исторические события в отдельные периоды не всегда могут быть восприняты как прогрессивные, улучшающие состояние социума и человека. Но и собственно идея прогресса не всегда может обладать свойством историчности. Она может быть перенесена из истории, понимаемой как реальность, в область социокультурного сознания, что и рождает ожидание определённой картины будущего как утопического идеала.

Признание или отрицание такого феномена как прогресс в историческом континууме, корреляция прогресса с развитием отдельных феноменов (прежде всего, технократического характера), соотнесение понятия прогресса только с субъектом или только с объектом позволяет современным футурологам выходить за границы строго обозначенной идеологической парадигмы и представлять свой подход либо в качестве сциентистского, либо в качестве аксиологического.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Эпос и роман / М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
3. Бэкон, Ф. Новая Атлантида / Ф. Бэкон. – М.: Алгоритм, 2014. – 304 с.
4. Лем, С. Сумма технологии / С. Лем. – М.: АСТ, 2004. – 668 с.
5. Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики / Под ред. И. В. Бестужева-Лада. – М.: Эксмо, Серия «История XXI века», 2003. – 512 с.
6. Нисбет, Р. Прогресс: история идеи / Р. Нисбет. – М.: ИРИСЭН, Серия «Социология», 2007. – 557 с.
7. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т.1: Чары Платона / К. Поппер. – М.: Феникс, 1992 – 448 с.
8. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2001. – 560 с.
9. Уилсон, Д. История будущего / Д. Уилсон. – М.: АСТ, 2007. – 286 с.
10. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Под ред. В. А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

Статья поступила в редакцию 25.07.2019

Tkachenko, R. V. *The Notion of Progress: an Analysis within the Context of Contemporary Futures Studies*

The article explores theoretical aspects of the social phenomenon of progress within the framework of futures studies and prognoseology. There is an analysis of the interrelation of progress and other social phenomena. Besides, the article addresses a range of issues linked to the problem of progress compatibility with other facets of human knowledge. Also, the meaning of progress is looked upon within the framework of futurist thinking. Another point in question is a comparative analysis of theoretical insights into a variety of social and philosophical problems.

Key words: progress, ideology, utopia, dystopia, futures studies, social dynamics, axiology.

УДК 17:[2-522:82-3/-4]

В статье рассматривается роль «святых мест» в поддержании и развитии духовного наследия этноса. Раскрываются особенности восприятия и воздействия феномена иерофании на индивидуальное сознание. Определяются знаковые составляющие священного пространства в религиозном и светском сознании. Анализируется специфика описания «святых мест» в философской и художественной литературе. Акцент делается на произведениях, написанных в период социальных трансформаций, меняющих ценностные ориентиры общественной ментальности.

Ключевые слова: «святые места», иерофания, религиозные культы, самосознание, паломничество, религиозный туризм

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail:andreyvmironov@gmail.com

РОЛЬ «СВЯТЫХ МЕСТ» В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЭТНОСА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)

Включение в ознакомительные туристические программы посещения мест, играющих знаковую роль в истории мировых религий, стало традицией культурного ритуала XX века. Общество предлагает гражданам ознакомиться с пространством, реликвиями, произведениями искусства, обрядовыми предметами, священными для различных форм духовного опыта, представляющими интерес как для научного осмысления, так и для индивидуальных религиозных переживаний. Основное внимание аудитории направляется на познавательные аспекты, светскую трактовку жизнедеятельности сакральных и харизматических личностей, ознакомительные характеристики данного ландшафта. При этом акценты расставляются на этапах социального освоения территорий, определяется роль «святого места» в политической истории данной нации или этноса, моральное воздействие на нравственное становление населения. Религиозная составляющая для светской публики, как правило, остается за рамками социальной схемы, трансформирующей духовное влияние в исторические значимости. Вместе с тем, ознакомление с культурно-историческими памятниками, музеями-заповедниками, художественно-историческими комплексами вызывают у посетителей эмоции, связанные с поклонением и почитанием «святых мест», переходящие в актуализированную потребность самостоятельного осмысления данного феномена. Независимо от религиозной ориентации граждане признают моральные и общественные заслуги перед обществом создателей мировых религий, деятелей церкви, святых, их деятельное участие в формировании национального самосознания, тем самым обращаются к историческим истокам национального прошлого. Использование различных форм популяризации духовного роста формируют у граждан образную картину представлений об идеальном поведении святых, преодолении индивидуальных слабостей, пробуждают лучшие помыслы. Эстетическое восхищение монументальной росписью, скульптурными группами, архитектурными решениями, гармонией стилистики трансформирует эмоциональную атмосферу в мотивационную составляющую личностного самосовершенствования.

Целью данного исследования является: 1) анализ представлений о роли «святых мест» в светской литературе, имеющей широкий диапазон воздействия, 2) установление соотношения религиозного восприятия и культурных традиций, представленных в определенном жанре искусства, 3) выделение многоуровневого влияния «святых мест» на развитие отдельной личности и гражданского сообщества в целом.

Эта проблема стала предметом особого внимания в гуманитарном знании XX века. Ряд признанных исследователей, таких как В. Богораз [1], К. Леви-Брюль [4], Э. Дюркгейм [2], М. Элиаде обратились в своих произведениях к анализу специфики священного пространства и его значимости для самосознания индивида. Исследования носили в основном описательный характер, в которых рассматривались вопросы антропологии, этнографии, прикладной социологии. Особенный интерес вызвала концепция «священного пространства» в ранних религиозных культах, мифологических преданиях, представленная, как взаимодействие примитивного сознания с природной средой, обеспечивающей существование племенных объединений необходимыми материальными

продуктами. Из чего сложилась традиция почитания определенного географического ареала, связанная с конкретной пользой для подавляющего большинства жителей. Жертвоприношения закрепляли данный ритуал, реализуя убеждение в обратной отдаче и выгоде содеянному. Б. Малиновский, известный этнограф, уделяя внимание психологии народов, находящихся на ранних стадиях развития, выделял роль «священного пространства», отмечая, что достижение реальных целей с помощью сверхъестественного становилось знаковой направленностью примитивного сознания, связанного с конкретными артефактами [5]. В целом первоначальный подход к проблеме был связан с собиранием фактов, поиском аналогичных ситуаций, определением форм почитания, созданием соответствующего понятийного аппарата.

Попытку представить метафизический вариант осмысления проблемы «святых мест» предпринял М. Элиаде в своей книге «Священное и мирское». Он обратил внимание на уникальный характер святости определенного пространства, признанного религиозной системой как уникальное, неповторимое, наполненное особой силой и энергией. Им предложено два понятия: иерофания – «нечто священное, предстающее перед нами» и теофания – «открытое вверх, сообщающееся с небом». По его мнению, они соединяют священное и мирское, становятся олицетворением «нисхождения Неба на землю». Человеку предоставляется возможность соприкосновения с Высшим (на уровне духовной апперцепции). Данный феномен следует рассматривать как дар Бога, как проявление его любви и милости. Человеку, как существу греховному, страстному, исходящему из мирской необходимости в своих поступках, невозможно понять смысловую локацию сакрального местоположения. Святое место истолковывается как явленная Божья Воля. Присутствие Святого Духа, освятившее окружающую природу, наполняет ее силой иного мира. Качественные различия духовных состояний человека при посещении «святых мест» воспринимается как вхождение в особое настроение, связанное с приобщением к иной природе мира. Неслучайно в различных религиозных системах святость пространства имеет и внешние подтверждения: в Иерусалиме в день летнего солнцестояния свет падает перпендикулярно (не отбрасывает тени), столица китайского императора находится в центре мира (стрелка солнечных часов в полдень также не отбрасывает тени), подобная ситуация наблюдается в городе Ширазе в Иране. Астрономические и физические аномалии должны подтверждать исключительность данного пространства. Они являются (в рамках религиозной картины мироздания) значимыми точками Вселенной, которые истолковываются как сосредоточение Божественного и ассоциируются с предсказаниями о грандиозных событиях, способных изменить человеческую историю.

Использование понятия анклав, применяемое в политико-государственных отношениях, отражает противостояние добра и зла, существующего в мире, принимающего характер как универсального, так и личностного восприятия. Территория, окруженная со всех сторон пространством чуждого и враждебного мира, в сознании верующего символизирует исключительность свойств и параметров «святого места». Благодаря им меняется спектр моральных представлений, принятый в обыденном существовании, он преобразуется в новом ракурсе понимания окружающего мира, себя, других, динамики жизненных циклов. Это обуславливает особый отсчет духовного времени и самоидентификации в нем. Исключительность «моста между Небом и землей», точки соединения священного и мирского заполняет сознание, делает его способным к восприятию чуда, постижению благодати, всего, выходящего за рамки земного. «..., где в пространстве проявляется священное, там раскрывается реальное, и Мир начинает существовать» [8, с. 46]. Таким образом, можно говорить об утверждении подлинной реальности в границах религиозного сознания, наполненной идеальным, должным, такой – какой она задумывалась и была воплощена Создателем. Этим качеством «святое место» привлекает паломников, странников, жаждущих прикоснуться к сакральному. В философии подобное явление рассматривается как трансцендентальный феномен, присущий разуму вне материального опыта. «Святость» пространства открывается в вере, мотивирующей человека обратиться к поиску иных основ бытия.

Паломник преодолевает препятствия, сложности, движимый целью оказаться там, где в его представлении явлена иная по своей сущности знаковость мира. Желание приобщения к священным артефактам совпадает с внутренней потребностью укрепления в вере. Странник отправляется в надежде на преобразование своей жизни в соответствии с теми принципами, которые составляют основу его мировоззрения. Воплощена она в определенном месте и требует отрыва от семьи, профессии, социальных обязанностей, от устоявшегося течения жизни. Каждый несет свое покаяние, у каждого свой жизненный путь, но именно там, по мнению верующего, стираются земные различия:

имущественные, общественные, расовые, национальные, политические, потому что все пришли за одним – быть ближе к Богу. «Святыя места» защищены от людских соблазнов. Обычные человеческие пороки: ложь, корысть, зависть остаются вне его, так как не совпадают с ценностным стремлением к другой модели существования. Жажда верующего стать лучше (в зависимости от моральной направленности вероисповедания) предполагает отказ от соблазнов, которые осуждаются конкретной религиозной системой. Данные усилия нуждаются в эмоциональном отклике, который он и находит в данном пространстве. Его чаяния пребывают под покровительством Высшего, питаются его силой и мощью, получают поддержку, когда сталкиваются с непреодолимыми препятствиями. Паломничество к «святым местам» начинается с нравственного очищения. Благая жизнь во время странничества – это условие, которое принимается добровольно и регулируется внутренней потребностью отправиться к святыне. Борьба с собственными слабостями и недостатками возвышает паломника, укрепляет дух, закаляет тело. Новые места, новые знакомства, встречи должны придать уверенность в правильности сделанного выбора. Свобода от привычного образа жизни предоставляет сознанию возможности нового мироощущения.

Различия в мотивации посещения «святых мест» тождественны приоритетам, определяющим первенство священного и мирского начала в ценностной модели человека. Они определяют специфику чувств и побуждений, инициирующих данный поступок. Однако, соединение этих положений в «святом месте» предполагает возможность осуществления желаний и потребностей, отвечающих целостности бытия. Ожидание указаний и способов в разрешении нравственных противоречий, избавление от зла и агрессии, проявлении способностей к добру и милосердию – как особой милости Божьей. Земные интересы связаны с просьбами об исцелении, решении житейских неурядиц, устранении социальных споров и конфликтов. Человек оказывается в «святом месте» как существо раздвоенное, мятущееся, выбирающее. Ему тяжело порвать с миром. Груз забот и ответственности неизменно присутствует в его жизни. Но именно здесь он надеется получить, с Божьей помощью, просветление, в котором заложена рекомендация правильных действий.

Особенности теологических и светских интерпретаций в понимании иерофании раскрываются при анализе литературных произведений, посвященных данной проблематике. Тема «святых мест» всегда привлекала писателей и находила отображение на страницах книг и журналов. В русской литературе эта тенденция усиливается в силу духовных традиций православия и получает широкое распространение. Интересно обратиться к произведениям, написанным в конце XIX – начале XX века, и рассмотреть личные впечатления писателей, творчество которых совпадает со временем духовного кризиса русского общества. Данный хронологический отрезок вбирает социальные потрясения, распространение атеизма в культурно-образованной среде, рост мессианских настроений, превалирование буржуазного духа. Литература в России формировала социальное мировоззрение, выступала в качестве судьи и обвинителя в общественных процессах, определяла индивидуальные ценности, доминантой которых являлось воспитание гражданской позиции. Духовность, по мнению писателей и поэтов, должна преобразить мир, служить делу построения справедливого общества. Автор понимает невозможность представить весь литературный диапазон, касающийся темы «святых мест», паломничества, странников, монастырских укладов, религиозного поклонения. Выбор произведений И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, В. В. Розанова обусловлен следующими причинами: 1) в начале XX века они зарекомендовали себя уже известными писателями и публицистами, 2) вели активную переписку с читателями и пытались решить религиозные проблемы на личностном уровне.

Среди публицистических статей и заметок замечательного русского мыслителя В. В. Розанова можно выделить произведение «По тихим обителям», написанное по следам путешествия в Серафимо-Дивеевский и Понетаевский женские монастыри, и Саровскую обитель. Непростые отношения автора и Православной церкви заставляют прочитать с особым вниманием эти дорожные заметки, посвященные местам, где жил и творил святой, чудотворец Серафим Саровский. На Руси «святыя места», как правило, персонифицированы. Духовные подвиги великих постников, молчальников, сподвижников, становились причиной паломничества. В процессе становления культа святого община последователей разрасталась, основывался монастырь, хранивший бесценные реликвии и само пространство приобретало в глазах верующих сакральное значение. Уникальность жизни святого отражается на окружающем, отсюда и вера в исцеление, которое может там состояться. «Слепые, больные, калеки, паралитики идут и несут свою надежду» [6, с.385]. В. В. Розанов отмечает границу между миром и монастырем, разделяющую светское и религиозное. Содержание духовной сущности, сконцентрированной в определенном месте, преобразует пространство. «И среди этой буквально

пустыни, культурной и исторической, горит яркая точка истории, цивилизации, духа...» [6, с. 385]. Восприятие времени утрачивает обычный отчет. Саровская обитель хранила и хранит не только предания о жизни святого Серафима, в ней пытались на протяжении веков сохранить атмосферу, явленную его подвигом. Изображение сцены кормления дикого медведя на иконах и фресках стало основанием запрета на охоту в монастырских владениях. Аспект иерофании не предусматривает изменения в структурном преобразовании пространства. Это не музей под открытым небом. Путь, которым проходил человек, сумевший подчинить низшее высшему, должен стать дорогой для сотен тысяч, желающих следовать тому, чему он учил, воспринимая даже самые малые детали как исключительное. Возможно только «то самое, подлинное». Паломник преодолевает трудности, чтобы увидеть это место, прикоснуться к святости через материальное – землю, воду, воздух, предметы быта, поклониться тем иконам, перед которыми молился святой и тем самым вобрать в себя частицу его духа.

Автор статьи «По тихим обителям» не пытается составить путеводитель, его интересует в большей степени эмоциональное состояние – как свое собственное, так и тех, кто оказался рядом. Восторг, умиление, благоговение сплетаются воедино и создают неповторимую атмосферу счастья. Курсистки, отставные генералы, помещики средней руки, шахтер, крестьяне, мещане из дальних городов не совпадают между собой по социальным, материальным, образовательным критериям, но переживают общее воодушевление. Из чего Розанов делает вывод об иной шкале ценностей, которыми паломники руководствуются при посещении «святых мест». Он не делает акцента на внешней привлекательности, достаточно скуп при описании пейзажей, но его покоряет естественность и простота ландшафта, совпадающая с переживаемыми чувствами странников. Осознание ответственности за слова, поступки, мысли как монахов, так и мирян опирается на «особость» этого пространственно-временного периода их жизни.

Ощущение уединенности, как отмечает Розанов, это чувство, которое охватывает большинство паломников. В «святых местах» люди перестают мешать друг другу: происходит процесс самоконцентрации, приобретающий характер рефлексии, обращенной к анализу собственного прошлого, настоящего и будущего. Разворачивающаяся картина «святого места» приобретает иное звучание, душа освобождается от мелочного и вздорного, выдвигая главное, невидимое в обыденности существования. Результатом становится понимание необходимости нравственного исправления. Оставаясь один на один с собой, невозможно перенести пороки и недостатки на других, окружение, обстоятельства, как и невозможно солгать даже себе самому в «святом месте». Образ святого, освятившего эту землю, является мотивацией к самосовершенствованию. В наблюдениях Розанова отмечается, что многие плачут, но слезы чистые, нет обиды, боли, беспомощности, упадка, душа очищается через них, уходят тоска и печаль, а приходит тихая радость. Тишина – одно из отличий «святых мест», не нужно обращать на себя внимание громким голосом, заявлять о себе, чтобы не разрушить эту атмосферу и свое состояние. «Здесь все тихо» [6, с. 401]. Уважение к святому, чужому и собственному миру определяет слова, жесты, мимику. Каждый пришел сюда со своим: надеждой, отчаянием, жизненным тупиком, мирской трагедией и уходит с верой в лучшее, упоая на помощь святого, чудотворца Серафима Саровского, унося впечатления и пережитое в «святом месте». Скептицизм, свойственный В. В. Розанову, рассеивается от столкновения с монастырской жизнью. «И так хорошо было кругом, что хотелось бы поселиться здесь и прожить месяцы» [2, с. 409].

Очерк И. С. Шмелева «Старый Валаам» – один из первых опытов литературного творчества известного писателя. Важной его особенностью является, то, что автор посетил эти места будучи студентом. Вольнодумство, свойственное этой социальной группе и в какой-то степени самому литератору, сталкивается с другим миром, знакомым ему по пренебрежительным отзывам в передовых газетах. Его охватывает подлинное удивление при столкновении с другой средой: «Я вижу слезы, блистающие глаза, новые лица, просветленные. Стискивает в груди восторгом. Какая сила, какой разливающий восторг... Все грешные, все одиноки, все притекаем, все приклоняемся...» [7, с. 399]. Пять центров паломничества, «святые места» России: Троице-Сергиевская лавра, Оптиная пустынь, Саров, Соловки, Валаам. На голых скалах, окруженные Ладожским озером, острова стали обителью для сотен монахов и привлекают своей уникальностью странников и желающих поклониться силе Веры. И. С. Шмелев воспроизводит свои душеспасительные беседы с монахами. В них нет и намека на превосходство духовного над мирским. Разница в образовании стирается перед умудренностью: много паломников – много житейских историй. «Святое место» преобразует человека, позволяет ему услышать нужное, сообразное данному пространству.

Можно выделить главы, посвященные подвижникам Веры. Церковь всегда нуждалась в них, а верующие получали воочию подтверждение моральных заповедей. Пример, дарованный Валаамом, учит каждого здесь побывавшего смирению и терпению. Почему удалось преобразить это место, построить храмы, дороги, прорубить в скалах водопровод, вырастить деревья, не выживающие на Севере? Послушание и отсечение воли, собравшихся в этом месте монахов стали основанием духовных подвигов, преобразовавших дикую природу. И природа покорила их труду и усердию. Схимники, удалившиеся в скиты, оставившие мир, нашли душевный покой в этих местах. И. С. Шмелев приводит часто слышанное сравнение Валаама с крепостью, которую пытаются победить порок и искушение. «Святое место» должно себя защитить подвигом не ратным, а духовным, противопоставить греховному высоте человеческую, уповающую на помощь Бога. Таким образом, личность и пространство сливаются воедино. Традиция переходит от одного поколения монахов к другому, в качестве преданий и легенд, которые помогают укрепить себя, решиться на подвиг Веры. Территория разделяется не географическими особенностями, а именами и деятельностью. Скиты создаются подвижниками, способными увлечь других. Даже при строгом монастырском уставе остается возможность найти и возложить на себя еще более суровые испытания, которые таковыми им и не казались. Любовь к Богу преодолевает общепринятые представления о трудностях. «Святое место» и становится таковым благодаря сверхусилиям, выражающимся в духовном и физическом труде. Знакомства со схимниками повергают И. С. Шмелева в изумление простотой размышлений о смерти, обязанностях православного христианина, кротостью и смирением. Спустя сорок лет в Париже он вспоминает эти встречи, укрепившие волю и ставшие опорой в особо тяжелые минуты жизни. Получается, что посещение «святого места» и беседы с теми, кто утверждает его славу и хранит святость ценой отказа от мира, определяют не только оценку прошлого, но и проецируют будущее.

«Жизнь здесь какая-то иная, чем там, в миру. Зло как бы отступило, притупилось. И зло, и страх. Зверь не боится человека, и человек тут тоже другим становится» [2, с. 455]. Можно говорить о чуде, и для посетителей «святого места» окружающее становится новой страницей жизни, определяющей новый духовный опыт. Ожидаемое просветление приходит в виде преображений в душе. Чудо совершается внутри человека. Выход за обыденные пределы – общая черта описаний «святых мест», месторасположение их не столь и важно. Иная ипостась бытия, созданная не природой, а человеком, поставившим цель – быть ближе к Богу и сумевшему благодаря труду, смиренному, подлинной любовью к ближнему эту цель воплотить.

Путевые заметки Б. К. Зайцева «Афон» посвящены его недолгому пребыванию в «святом месте» для всех последователей православия. Более 1000 лет существует оно на одном из полуостровов во Фракии. Монастыри, монахи, пещеры, никаких населенных пунктов, женщины не имеют права появляться на этой территории. Афон считается земным уделом Богоматери. Общее для всех рассматриваемых произведений – удивление. «Все необычно в этом новом мире» [4, с. 203]. Независимо от того, где находится «святое место», в России или Греции, на севере или на юге, как различаются монастырские уставы, цели живущих и приходящих сюда на время совпадают. Не праздное любопытство, а вхождение, примеривание на себя тех духовных усилий, которые из века в век складывались великими подвижниками. Труд самовоспитания, самоисправления, борьбы с соблазнами становится обязанностью каждого, независимо от рода занятий. Это не внешнее принуждение, а естественная потребность. Осознание особого предназначения Афона не покидает паломника ни на минуту. Отсюда потребность соответствовать в меру своих сил. Б. К. Зайцев отмечает, что здесь меняется строй мыслей. Вопросы и проблемы, которые волновали раньше – здесь исчезают.

Б. К. Зайцев выделяет особой главой повествование о святых Афона. Это тоже общая черта повествований о святых местах. Главное отличие от многочисленных житий русской литературы: жизнь святого ощутима через соприкосновение с окружающим. Дела запечатлены в преданиях, которые монахи передают паломникам, таким образом, время отступает, перестает быть преградой, соединяя прошлое и настоящее. Ощущение сопричастности через воду, землю, деревья, возраст которых исчисляется сотнями лет, лицезрение природных жилищ развеивает легенду, превращая ее в осязаемую реальность. Такова история о святом Петре Афонском, жившем в пещере (во времена, когда там побывал Б. К. Зайцев, жить в ней было запрещено даже тем, кто хотел повторить подвиг – из-за холода монахи погибали). «Это была жизнь классического пустытника Фиванды. Безмолвие и одиночество, пещера, полная демонов, сражения с ними и победа, молитва... Так прожито пятьдесят три года» [4, с. 262]. Строитель Афона святой Афанасий, одолевший сопротивляющуюся природу – дороги, пристани, соборы, водовод – везде принимал личное участие, подносил плиты, рыл землю,

передвигал тяжести изо дня с день. Воспевавший Богородицу Иоанн Кукузель, отказавшийся от славы и ставший простым пастухом – эти и многие другие образы через живые впечатления возвращают ушедшее, которое становится лично сопричастным судьбе и жизни писателя.

На Афоне пустынники не отказываются встречаться с паломниками. Судьбы ставших монахами впечатляют разнообразием. Извилисты жизненные дороги, приведшие к добровольно взятым на себя испытаниям. Но Б. К. Зайцев подчеркивает внимание, проявляемое к мирским посетителям: просьбы о советах монахов не раздражают, не вызывают отторжения. Осознавая слабость человеческой натуры, они стремятся помочь в меру своих сил. Высота овладения страстями позволяет увидеть проблему в ином свете и советы пустынников тем ценны, что каждый из них сам испытал силу земных страстей, но нашел силы отрешиться от мира. Их идеал – малозаметная скромная жизнь, поэтому здесь нет горя, нет сильных радостей, а есть подготовка к вечности. То же они предлагают и тем, кто пришел к ним.

Тема «святых мест» занимает особое место в русской литературе. Независимо от политических и религиозных взглядов писатели отмечают общее: «святое место» изменяет духовный облик человека, формирует новую шкалу ценностей, заставляет увидеть себя в ином ракурсе. Отрешенность от земных установок, возникающая в процессе знакомства со священным пространством, мотивирует паломников пересмотреть свои представления о мире. Приобщение к «святому месту» возвышает человека, указывая на его слабости, стимулирует желание их преодолеть, определяет стремление к духовному труду и самосовершенствованию.

Список литературы

1. Богораз, В. Г. Чукчи. Религия / В. Г. Богораз. – М.: Либроком, 2011. – 208 с.
2. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм. – М.: Дело. – 2018. – 736 с.
3. Зайцев, Б. К. Сочинения. Т. 2 / Б. К. Зайцев. – Москва: изд-во ТЕРРА, 1993. – 588 с.
4. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М.: Академический проект, 2015. – 430 с.
5. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. – М.: Академический проект, 2015. – 298 с.
6. Розанов, В. В. Сочинения. Т.1 / В. В. Розанов. – М.: Правда, 1990. – 634 с.
7. Шмелев, И. С. Светлая страница / И. С. Шмелев. – Калуга: Институт усовершенствования учителей, 1995. – 648 с.
8. Элиаде, М. Священное и мирское. / М. Элиаде. – М.: Московского университета, 1994. – 144 с.

Статья поступила в редакцию 23.06.2019

Mironov, A.V. *The Role of "Holy Places" in the Spiritual Culture of an Ethnic Group (on the Material of Works of Russian Writers of the Late 19th - Early 20th Centuries)*

The article deals with the role of "Holy places" in the maintenance and development of the spiritual heritage of an ethnic group. The peculiarities of perception and impact of the phenomenon of hierophany on the individual consciousness are revealed. The symbolic components of the sacred space in the religious and secular consciousness are determined. The specificity of the description of "Holy places" in philosophical and fiction literature is analyzed. The emphasis is on the works written in the period of social transformations that change the value orientations of social mentality.

Key words: "Holy places", hierophany, religious cults, self-consciousness, pilgrimage, religious tourism

УДК [316.77+323.2]:004

В статье анализируются процессы формирования сетевого общества. Подчеркивается, что сетевизация обуславливает изменение традиционных форм взаимодействия, каналов и механизмов интеракции во всех сферах общества, включая политическую. Отмечается рост возможностей и появление новых форм политической мобилизации в сетевом обществе. Акцент делается на трансформацию принципов организации социума: постепенный уход от иерархической структуры, не только расширяет возможности личности, позволяя ей участвовать в процессах управления, а и продуцирует ряд угроз потенциально обусловленных самой морфологией сетевого общества.

Ключевые слова: информационно-коммуникационная революция, сетевизация общества, политические коммуникации, смартфон, роевой интеллект, демократия.

Л. Н. Гарас, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: garas_ln@mail.ru

СЕТЕВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ

Современные инновации в научно-технической сфере и конвергентные технологии обусловили масштабность глобальных трансформаций характеризующихся с одной стороны, сложностью и поливариантностью, а с другой – неоднозначностью порождаемых эффектов. Стремительность изменения «знакового мира», такого привычного и понятного для человека продуцирует риски и неопределенность, формулируя перед ним новые вызовы.

Своеобразным императивом и доминирующим принципом существования общества сегодня выступает сетевая организация, а интернет, который «... был рожден в результате кажущегося невероятным пересечения интересов большой науки, военных исследований и либертарианской культуры» [6, с. 31], становится неотъемлемой атрибутикой современной жизни, определяющей ее облик развития в целом. Всепроникающий характер глобальной сети – «галактика Интернет» – коррелирует с расширением коммуникативных возможностей личности, появлением принципиально иных способов «связанности» и превращением виртуальной операциональной среды в инфраструктуру практически любой социальной деятельности [9]. Так, интернет, по мнению испанского социолога и исследователя проблем урбанистики Мануэля Кастельса, нивелируя территориальную удаленность, границы и темпоральный аспект (временной лаг), обусловил процесс интеракции многих людей со многими другими в общемировом масштабе. Таким образом современная «информационная» эпоха способствует оформлению общества интерактивных, мобильных, динамично изменяющиеся сетевых структур, проникающих во все сферы человеческой жизни: в экономике распространяются сетевые предприятия, получает развитие сетевая структура электронных государственных услуг, мир охвачен Интернетом – единой информационной сетью. В данном вопросе Кастельсу вторит британский социолог Джон Урри [10, с. 217], подчеркивая, что именно конвергенция информационно-коммуникационных технологий и социальной эволюции стали основой изменения социальной структуры социума, т. е. сегодня сети, пронизывая все сферы общества, становятся его «нервной системой» [12]. Такое изменение общества, его морфологии и системы коммуникаций неизбежно приводит к трансформации ключевого института регулирования социальных, политических и иных отношений – государства и всей политической сферы в целом.

В данной статье мы рассмотрим процессы формирования сетевого общества в эпоху информационно-коммуникационной революции, а также проанализируем специфику сетевизации политической сферы и возможности политической мобилизации граждан.

Следует отметить, что научный интерес к проблематике трансформации современного общества стал появляться со второй половины XX в., когда актуализацию получают теории постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, В. Л. Иноземцев и др.), информационного общества (Й. Масуда, Р. Катц, А. И. Ракитов, А. Д. Урсул, С. Э. Зуев, И. В. Алексеева др.), общества знания (П. Дракер, Н. В. Басов, А. В. Чугунов и др.). Особо следует выделить работы современных исследователей, посвященные проблематике сетевого общества и сетевых форм коммуникаций М. Кастельса и Я. Ван Дейка. И хотя понятие «социальная сеть» начинает применяться в социально-гуманитарном знании намного ранее в трудах социологов, социальных психологов (Д. Морено, Т. Ньюкомб и др.) и социальных антропологов (Дж. Барнс, А. Радклифф-Браун и др.), тем не менее, именно появление интернета и стремительное внедрение информационно-коммуникационных технологий привнесли новые эффекты в жизнь общества.

Представ общим паттерном для всех видов жизни, сеть выступает в качестве уникальной модели организации индивидуальной и коллективной жизни. Конечно, сеть не является изобретением современного общества, тем не менее, именно в эпоху современности она получает иное «прочтение». Кастельс, называя новый тип общества «информациональным», подчеркивает, что оно стало возможным благодаря особой роли информации, которая, приобретая статус одновременно и объекта производства, и источника производительности, и ресурса власти, становится ядром новой системы «информационного капитализма». По мнению испанского социолога, именно глубокие общественные изменения, а не компьютерные технологии, повлекли за собой стремительное развитие техники и кардинальным образом изменили само общество. Конечно, данные процессы глубоко взаимосвязаны: значительный рост объемов информации и повышение ее ценности сформировали новый тип общественного сознания, преобразовали культурную сферу и существенно повлияли на появление идей, создав тем самым предпосылки для глобальной трансформации и развития средств интенсивной обработки информации. Базируясь на информационно-коммуникационных технологиях, сети обеспечивают организационную основу для преобразования социально-пространственных производственных отношений в потоки информации и власти, которые обуславливают гибкую систему производства и управления.

Следует отметить, что «сеть» у Кастельса выступает как некое единство, состоящее из совокупности взаимосвязанных узлов [5, с. 37], характеризующихся различной степенью важности. Данный аспект коррелирует не столько с наличием каких-либо особенных качеств узла, а сколько со способностью поглощения более значимой информации, высокой эффективностью ее обработки и степенью взаимодействия с другими узлами сети. Вследствие этого речь можно вести о наличии узлов с различной степенью значимости, которая определяется способностью вносить лепту в эффективную деятельность сети по достижению ее целей, продиктованных ее интересами и ценностями. Отстаивая свои ценности и интересы во взаимодействии с другими, акторы фактически стоят у истоков создания и программирования сетей [5, с. 37]. В случае малопродуктивности узла, сеть способна к трансформационным подвижкам, а именно: она может элиминировать некоторые узлы и вовлечь новых акторов. Сети характеризуются способностью к перенастройке в условиях изменяющейся среды при сохранении целей, поиску новых связей, изменению размера, могут работать в широком диапазоне конфигурации, противостоять атакам на их узлы и коды, потому что коды сети содержатся в нескольких узлах, способных воспроизводить инструкции и находить новые способы выполнения. Именно такая специфика сетей как гибкость, масштабируемость и живучесть являют свою полезность в формирующихся новых технико-экономических условиях.

Предлагая по сути коммуникативную модель сетевого общества, М. Кастельс утверждает, что его основой выступает социальная реальность, обнаруживающая себя как «пространство потоков», представляющих движение информации и реализацию интересов посредством глобального множества интеракций в функциональных макросетях. В «пространстве потоков» отдельные места приобретают значение и функции в зависимости от их роли относительно центральной точки в тех сетях, которым они принадлежат [5, с. 52]. «Пространство потоков» предполагает взаимодействие между местами локализации действий, сетей материальной коммуникации, а также контента и геометрии потоков информации, в рамках которых осуществляется конкретная деятельность в соответствии с функцией и значением.

Базируясь на многоканальности, активном участии, горизонтальных связях, диалоговой модели, высокой уплотненности путей транспортировки информации, сетевые структуры обладают сущностным приоритетом перед иерархическими формами. Сети характеризуются подвижностью и большими адаптивными возможностями к изменяющимся внешним условиям. По определению Кастельса, сети не имеют единого центра и характеризуются бинарной логикой (включение / исключение), децентрализованной структурой и моделями принятия решений. Так, системообразующим источником репродуцирования всех социальных институтов становится сетевая коммуникация, которая обуславливает формат как социальных, так и политических отношений.

Анализируя, специфику сетевой логики, Мануэль Кастельс, уделяет особое внимание такому политическому институту как государство и вопросам трансформации властных отношений в сетевом обществе. Социолог, смещая фокус с традиционного институционального подхода к государству на сетевую, предполагает, что государство в новом типе общества исполняет совершенно иную роль: оно не выступает инициатором накопления и реструктуризации, а становится координирующим узлом сложных общественных процессов [11, с. 14].

В некотором роде перекликаются с позицией Кастельса представления немецкого социолога и политического философа Ульриха Бека, который говорит о появлении принципиально нового феномена для публичной сферы – «распаде политики» [2, с. 281-288], связанном с изменением природы властных отношений. На смену властного доминирования государств и централизованных правительств, монополии государства на установление границ идентичности приходит коммуникативная власть многообразных сообществ, сетей и индивидов, обладающих значимыми рефлексивными способностями. Происходит смена режима управления, обусловленная расширением круга акторов, то есть помимо государства сегодня таковыми могут выступать отдельные личности, религиозные объединения, корпорации и т. д. Базовые политические стратегии в сетевом обществе аккумулируются в средствах массовой информации, а властные отношения зависят от умелого управления процессами коммуникации.

Конечно, в условиях доэлектронной коммуникационной технологии иерархическая организация не просто довлела над горизонтальной, а и обеспечивала высокую эффективность вертикальной структуры власти. Так, иерархическое управление, осуществляясь сверху вниз, предполагало подчинение нижестоящих уровней вышестоящим, что обуславливало вопросы компетенции и информированности, которые в свою очередь возрастали вместе с повышением уровня в иерархической структуре. Однако сегодня по сути зарождается новый формат политического взаимодействия, проявляющийся в возрастающей роли сетевых ресурсов власти; оформлении сетевых структур гражданского общества, а также сетевого управления и электронного правления [7].

Сеть как организационная структура предполагает связь большинства звеньев друг с другом, однако не обязательным является полное вхождение всех элементов более низкого уровня в вышестоящий. Речь стоит вести о разноуровневой конвергенции элементов. Сети, проходя через все уровни и соединяя их между собой, пронизывают структурные отношения [4, с. 34]. Поэтому в сетевом обществе, вопрос о власти в его традиционной формулировке, возможно, не имеет смысла, так как актуализируется вопрос о новых формах доминирования и контроля. Так, шведские медиа-исследователи Александр Бард и Ян Зондерквист акцентируют внимание на том, что СМИ не просто подготовили почву для утверждения новой властной структуры общества, а обусловили сам механизм трансформации распределения власти. Курируя политическую арену, СМИ, обеспечили переход к новому «правлящему» классу – нетократии [1, с. 32].

А. Бард и Я. Зондерквист особо подчеркивают, что в сетевом обществе ключевым в возможности / невозможности влиять на сущностные политические решения является включенность в «нужную сеть». Именно нетократы способны к стремительному переформатированию среды обитания в необходимом для себя контексте, поэтому процесс принятия ключевых решений носит внутригрупповой закрытый характер, а все «недовольные» просто удаляются из сети. Отсюда следует тезис о кризисе демократии [3, с. 14], которая остается только в качестве ностальгической диковинки.

Однако, построение информационных интеракций на основе Web 2.0 ключевым образом изменяет роль пользователей интернета, которые, ввиду размывания дихотомии субъекта и объекта, из пассивного наблюдателя переходят в разряд активных создателей. На фоне распространения новых технологий и доминантности принципа «один человек сети – один голос», нельзя не признать, что

сегодня граждане получают более широкий круг возможностей для участия в социально-политических процессах, так как сетевые структуры обладают преимуществами в сравнении с иерархическими. Не смотря на затруднительность координационных моментов, сети обладают высоким уровнем подвижности, адаптивности, транспарентности и контроля над действиями власти на разных уровнях. Юзеры инкорпорированы одновременно в многоуровневую коммуникацию, а именно: производят контент, наблюдают за деятельностью публичных субъектов, активно осуществляют обратную связь и участвуют в жизни тематических сообществ разного плана.

Новые средства коммуникации позволяют с помощью социальных сетей, мессенджеров и т. п. обеспечить согласованность действий людей для достижения определенных целей по всему миру [8, с. 8]. При этом совершенно незнакомые [8, с. 4] люди могут действовать совместно новыми способами и в ситуациях, в которых коллективные действия раньше были невозможны. В классических интерпретациях данного феномена (Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, Г. Тард и др.) внимание акцентировалось преимущественно на подчеркнуто негативном характере толпы, которая мыслилась как исключительно опасный для общества «враг», пассивным объектом, нередко – объектом манипулирования и / или управления и ассоциировалась с обезличенностью, глупостью, невежеством, эмоциональностью и стадностью.

Сегодня происходит трансформация представлений о толпе, «превращение» ее в «умную». Так, в книге «Умная толпа: новая социальная революция» американского социолога Говарда Рейнгольда поднимается вопрос «субъектности» толпы, описывается способность людей к самоорганизации. В противовес классическим представлениям о толпе, он считает, что личность в «умной толпе» («smartmob») сохраняет все присущие ей социальные характеристики: осознанность, осмысленность действий и ответственность за поступки. Феномен «smartmob», то есть самоструктурирующаяся социальная коммуникация, направленная на организацию посредством эффективного использования высоких технологий, позволяет людям с легкостью объединяться в разнообразные группы, и, координируя свои планы латентно, практически молниеносно выступать в интересах заинтересованных акторов, мобилизуя большое количество людей офлайн. Сотрудничество, как тип социальной интеракции, благодаря имеющимся у людей гаджетам, обеспечивающим связь и вычисления, Г. Рейнгольд называет роевым. Особо следует отметить, что в настоящее время в науке широкое применение находят алгоритмы, основанные на природных системах, в частности алгоритмы роевого интеллекта. По мнению американских исследователей – аналитиков корпорации RAND – Джона Аркилья и Дэвида Ронфелдта, роевая тактика представляет собой способ организации единомышленников в небольшие сетевые группы для реализации конкретных социальных или политических целей. Данные группы становятся эффективными и социально активными структурами из-за возможности быстрого возникновения, ускользания и исчезновения. Спусковым механизмом формирования такого рода общностей становятся новые медиа [8, с. 10].

Тем не менее, расширяющиеся возможности включенности индивида в публичное пространство и автономная «маршрутизация» его коммуникаций, с одной стороны, выступают орудиями «массового заражения», существенно облегчая и ускоряя процесс политической коммуникации и мобилизации, а с другой - создают угрозу усиления власти маргинальных групп. Роевые и сетевые стратегии могут выступать формой организации и одновременно проявления протестных событий.

Таким образом, оформление сетевого общества связано с внедрением новых информационных технологий, которые обусловили сущностную трансформацию принципов интеракций и вектора – в сторону расширения горизонтальных связей. Процессы сетевизации охватили все сферы общества, включая политическую. Происходит реконфигурация организации властных отношений, претерпевают изменения традиционные политические институты, такие как государство и партии, трансформируются принципы управления. В сетевом обществе наблюдается продуцирование новых форм политической мобилизации граждан. Сети сегодня прочно вписываются в пространство, порожаемое информационно-коммуникационной революцией. Они становятся неотъемлемым атрибутом повседневной жизни личности и довлеющей моделью социально-политической организации. Однако, процессы сетевизации носят двойственный характер, с одной стороны, расширяются возможности участия граждан в политической жизни, а с другой – возникает опасность манипулирования сознанием населения и нивелирования ценностей и практик демократии.

Список литературы

1. Бард, А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист / Пер. со швед. языка. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. Гарас, Л. Н. «Человек информационный» как антропологическая основа для политического манипулирования? / Л. Н. Гарас // Социум и власть. – 2018. – № 5 (73). – С. 7-17.
4. Добринская, Д. Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети / Д. Е. Добринская // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2016. – № 22(3). – С. 21-38.
5. Кастельс, М. Власть коммуникации: учеб. пособие / М. Кастельс / Пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд., доп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
6. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
7. Мирошниченко, И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики / И. В. Мирошниченко. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. – 295 с.
8. Рэйнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. / Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.
9. Савицкая, Т. Культура электронной эры / Т. Савицкая. – URL: <https://pda.litres.ru/tatyana-savickaya/kultura-elektronnoy-ery/chitat-onlayn/page-6> (дата обращения: 20.09.2019).
10. Урри, Дж. Мобильности / Дж. Урри // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 5 (111). – С. 197-252.
11. Carnoy, M. Globalization, the knowledge society, and the Network State: Poulantzas at the millennium Poulantzas at the millennium / M. Carnoy, M. Castells // Global Networks: A Journal of Transnational Affairs. – January 2001. – Volume1, Issue1. – P. 1-18.
12. Dijk, Jan A.G.M., van. The Network Society: Social Aspects of New Media / Jan van Dijk / 2nd ed. 2006. 304 p. – URL: http://www.forschungsnetzwerk.at/downloadpub/The_Network_Society-Jan_van_Dijk.pdf (дата обращения: 12.09.2019).

Статья поступила в редакцию 25.09.2019

Garas, L. N. *Networking of Society in Political Projection*

The article analyzes the processes of formation of a network society. It is emphasized that networking causes a change in traditional forms of interaction, channels and mechanisms of interaction in all spheres of society, including political sphere. There is an increase in opportunities and emergence of new forms of political mobilization in the network society. Attention is focused on the fact that the transformation of the principles of the organization of society - a gradual departure from the hierarchical structure - not only expands the capabilities of the individual allowing to participate in the management processes, but also produces a number of threats due to the morphology of a network society.

Keywords: information and communication revolution, social networking, political communications, smartmob, swarm intelligence, democracy

УДК 321.01: 303.052

В статье анализируется развитие системной методологии в политической науке. Осуществляется дифференциация методов системной методологии таких, как системный подход и системный анализ. Акцентируется внимание на поэтапной процедуре системного анализа как наиболее трудоемкой методологии. Автор приходит к выводу, что в перспективе применение системного анализа к политическим явлениям способно дать широкие возможности в исследовании как международных отношений и внешней политики, так и явлений внутренней политики и политических процессов мезоуровня.

Ключевые слова: системная методология, системный анализ, системный подход, политическая система, декомпозиция, анализ, синтез

Е. Н. Максимова, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: astarta_05@mail.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОЦЕДУРНЫЙ АСПЕКТ

На протяжении многих десятилетий в науке сохраняется интерес к системной методологии. Многие достижения естественных и технических наук представляют собой исследования, основывающиеся на системном подходе. В обществоведческих науках также используется системная методология, однако она вошла в арсенал данных наук несколько позднее и имеет специфическую область применения. Политическая наука не является исключением в ряду обществоведческих наук и, соответственно, имеет свою историю и особенности применения системной методологии. Цель статьи – проанализировать развитие системной методологии в политической науке с точки зрения ее процедуры.

Политология получила импульс к развитию позднее других обществоведческих наук и оформилась в самостоятельную ветвь знания, с собственным объектом, предметом и задачами изучения, только в 1948 г. За период своего существования, составившего более 70 лет в рамках западной науки, и около 25 лет – в отечественной науке, накоплен значительный массив исследований, базирующихся на системной методологии. Обратимся к классическому этапу становления системной парадигмы в западной политической науке, представителями которой являются Д. Истон, Г. Алмонд и К. Дойч.

Д. Истон считается автором концепта «политическая система». Предпринимая попытку представить политику в качестве системного явления, ученый, с одной стороны, рассматривает систему с точки зрения кибернетического подхода, восходящего к работам Н. Винера. С другой – на воззрения Д. Истона оказали влияние идеи американского социолога Т. Парсонса, исследовавшего механизмы воздействия социальной системы на поведение человека. Сам Т. Парсонс не акцентировал внимание на политической сфере, но выделил общие функциональные требования, обеспечивающие существование системы. Таким образом, система должна адаптироваться к внешнему окружению; обладать способностью к целеполаганию и определять пути достижения целей; обеспечивать интеграцию путем формирования нормативных образцов для упорядочивания процессов в системе; сохранять и транслировать нормативные образцы для сохранения идентичности системы.

Перечисленные функциональные требования справедливы и в отношении политической системы как общественного феномена. Однако Д. Истон акцентировал внимание на вопросах взаимодействия политической системы с внешней средой. Рассматривая политическую систему как механизм формирования и функционирования власти в обществе по поводу распределения ценностей и ресурсов, Д. Истон определил границы политической системы через понятия «вход» и «выход». Ограничивая политическую систему двумя указанными каналами, Д. Истон писал о влиянии окружения на функционирование политической системы. «Окружение политической системы может быть интрасоциетальным и эктрасоциетальным. Интрасоциетальные системы включают такие множества типов поведения, отношений, идей, как экономика, культура, социальная структура, межличностные отношения. Они являются функциональными сегментами общества, компонентом которого является и сама политическая система. В данном конкретном обществе системы, отличные от политической, выступают источником множества влияний, которые в совокупности определяют условия действия политической системы. ... Другая часть окружения политической системы эктрасоциетальная, включает все системы, являющиеся внешними по отношению к данному обществу. Они выступают функциональными компонентами международного сообщества, суперсистемы, элементами которой можно считать конкретные общества. Межнациональная система культуры – пример эктрасоциетальной системы. Оба эти класса систем – интра- и эктрасоциетальные, – которые мы рассматриваем как внешние по отношению к политической системе, образуют полное окружение политической системы»[3].

Особое внимание Д. Истон уделяет «входу» и «выходу» системы, при этом рассматривает ее функционирование по принципу «черного ящика». Следует отметить, что и Г. Алмонда, и К. Дойч использовали данный принцип при построении своих моделей, тем не менее модель Д. Истона лучшим образом описывает процесс функционирования политической системы и механизмы распределения власти. Согласно Д. Истону, механизм функционирования политической системы работает следующим образом: на «вход» политической системы поступают «требования», основным содержанием которых являются распределение ресурсов и организация доступа к ним. Политические институты частично или полностью удовлетворяют поступающие импульсы, вследствие чего на «выходе» системы появляются «решения и действия властей», которые носят обязательный характер для всех членов общества. Если требования граждан к политической системе удовлетворяются, включается «обратная связь» - на «вход» политической системы поступает импульс «поддержка». Таким образом происходит легитимация политической системы. Возможна и обратная ситуация, когда «требования» не воспринимаются политическими институтами, а проводимый политический курс не получает поддержки со стороны общества. В результате слабой «поддержки», «требования» к системе усиливаются. Функционирование политической системы в таком режиме может явиться причиной изменения ее качественной определенности, а в критических ситуациях и причиной распада.

Описание политической системы в виде «черного ящика» позволяет абстрагироваться от структуры самой системы и обратить внимание на характер функционирования политической системы, исходя из взаимосвязи ее «входа» и «выхода». При определении стабильности политической системы представляется значимым учет характера «обратной связи». Обратная связь может носить отрицательный или положительный характер. Положительная обратная связь усиливает входной импульс, увеличивая нагрузку на систему, и тем самым дестабилизирует ее. Отрицательная обратная связь, наоборот, снижает напряжение на «входе» системы и привносит стабилизационный потенциал в систему.

Модель политической системы Д. Истона, основанная на кибернетическом принципе, стала примером применения системного подхода к объяснению политики. Таким образом, данная модель, имеющая высокий уровень абстрактности, выполняет объяснительную функцию, но не может выступать в качестве самостоятельной методологической основы для детального изучения структур и свойств политической системы. По мнению автора, осуществить исследование политических объектов с системных позиций позволяет такой междисциплинарный подход как системный анализ.

Следует отметить, что системный подход и системный анализ не идентичны. Специфика системного подхода определяется его ориентацией на раскрытие целостности объекта и механизмов, которые ее обеспечивают, на выявление разнообразных типов связей сложного объекта и сведения их в единую теоретическую картину. Основными принципами системного подхода являются:

- изучение феномена целостности и установления состава целого, его элементов;
- исследование закономерностей соединения элементов в систему, т.е. структура объекта, которая составляет ядро системного подхода;
- изучение функций системы и ее составляющих в тесной связи с изучением структуры, т.е. структурно-функциональный анализ системы;
- исследование генезиса системы, ее границ и связей с другими системами. [4, с.134].

В отличие от системного подхода методологию системного анализа обозначить однозначно достаточно сложно. Выделяют два подхода к объяснению системного анализа. С одной стороны, это подход, основанный на использовании математического аппарата; с другой – подход, основу которого составляет логика системного анализа. Исторически первым считается математический подход, акцентирующий внимание на описании сложной системы с помощью математических уравнений. Однако проблематика социальных и политических наук часто связана с неопределенностями, что делает невозможным осуществление формализации, необходимой в процессе использования математических методов. Для исследования объектов сложно поддающихся формализации возможно использование логики системного анализа. В этом контексте системный анализ определяется как процедура разделения исследовательского процесса на подпроцессы, сложной проблемы – на подпроблемы и этапы, для которых возможно подобрать методы исследования. При этом основное внимание концентрируется на методах такого разделения. Системный анализ рассматривается как методология определения и упорядочения проблемы, которую предстоит решить. Таким образом, логический системный анализ может дополняться многими другими методами и при этом значительно отличаться от математической разновидности системного анализа.

На данный момент не существует какого-либо унифицированного варианта методики системного анализа. Как правило, методики системного анализа адаптированы к тому или иному предмету исследования и отличаются по форме. Можно утверждать, что общей чертой таких методик является их трудоемкость и сложность.

Итак, по одной из методик системного анализа, его реализация предполагается в несколько этапов, а именно в три: первый – декомпозиция системы, второй – анализ; третий – синтез. Реализация каждого этапа предполагает последовательное решение исследовательских задач. Этап декомпозиции начинается с определения и декомпозиции общей цели исследования и основной функции системы

через ограничение траектории в пространстве состояний системы. Если речь идет об исследовании политических объектов, так или иначе исходной точкой декомпозиции будет политическая система, например, конкретная национальная система (российская, американская, китайская и т. п.) и ее основная функция, связанная с предметом исследования.

Следующая задача связана с выделением системы из среды. Любая система образует особое единство со средой. Под средой понимается совокупность всех объектов, изменение свойств которых влияет на систему, а также тех объектов чьи свойства меняются в результате поведения системы. Необходимо определить границы системы: где система, а где «несистема»? Как правило, любая исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка. Элементы любой исследуемой системы, в свою очередь, обычно выступают как системы более низкого порядка. Так, любая политическая система имеет органические связи с обществом, которое может быть рассмотрено в качестве системы более высокого порядка по отношению к политической системе. Если исследовательские цели лежат в плоскости международных отношений, то логичным представляется поиск систем международных отношений, в которые непосредственно вписана конкретная исследуемая политическая система.

После определения границ системы, следует описание факторов, способных оказывать влияние на исследуемый объект. В случае политической системы в качестве факторов выступают остальные подсистемы общества: экономическая, социальная и духовная. При изучении проблематики международных отношений факторами являются как отдельные государства с национальными интересами, так и блоки государств, интеграционные объединения, стремящиеся к достижению коллективных целей.

Следующее требование к декомпозиции системы предполагает описание тенденций развития, различного рода неопределенностей. Это говорит о необходимости учета текущего состояния системы, стадии развития, степени устойчивости и стабильности. Политические системы могут находиться в состоянии устойчивого развития, кризисного функционирования, стабилизации, либо дестабилизации. Каждое из перечисленных обстоятельств определенным образом влияет на появление неопределенностей в процессе функционирования политической системы. Уровень неопределенностей возрастает в условиях дестабилизации и кризисного функционирования политической системы, поскольку управляемость системы снижается, для изменения траектории развития системы бывает достаточно «малых» воздействий, что требует особого учета в исследовании.

Далее следует описание системы в качестве «черного ящика». Данный термин используется в естественных и технических науках для обозначения системы, механизм работы которой очень сложен, неизвестен или неважен в рамках данной задачи. Такие системы обычно имеют «вход» для ввода информации и «выход» для отображения результатов работы. Состояние выходов обычно функционально зависит от состояния входов. Описание политической системы в качестве «черного ящика» было осуществлено в работах первых теоретиков политической системы и рассмотрено нами выше. Таким образом, решение данной задачи системного анализа то же что и один из вариантов реализации системного подхода.

Завершающей задачей первого этапа системного анализа выступают функциональная (по функциям), компонентная (по виду элементов) и структурная (по виду отношений между элементами) декомпозиции системы. Для выполнения декомпозиции необходимо иметь представление о порядке структурных компонентов и функциях системы. Применительно к политической системе принято выделять в качестве структурных компонентов: институциональную подсистему, представленную государством и общественно-политическими организациями; нормативно-регулятивную подсистему, которая находит проявление в совокупности различных социальных норм, направленных на регламентацию политической жизни; подсистему политического сознания и политической культуры, которая опосредует процессы создания и воспроизводства всех остальных компонентов, и, кроме того, коммуникативную подсистему, которая осуществляет «двойную» функцию: «внутреннюю» связь между элементами и «внешнюю» – взаимодействие политической системы с другими подсистемами [1, с.45-46]. Как видим, каждый из структурных компонентов системы выполняет определенную функцию, либо набор функций и, тем самым оказывает влияние на качество политической системы. В зависимости от объекта исследования и задач, которые ставит перед собой исследователь, перечень компонентов и функций систем может видоизменяться.

Второй этап системного анализа предполагает выполнение аналитических процедур. Содержание этапа анализа может включать различную совокупность процедур, поскольку их отбор зависит от типа анализируемой системы. Исследование политического объекта требует на данном этапе определения его места и функциональной роли в рассматриваемой политической системе: осуществляется уточнение характеристик, их классификация с точки зрения управляемости / неуправляемости. Если, к примеру, исследуется протестное политическое участие, то необходимо определить его место в рамках подсистем политической системы, а также функции (дисфункции), которые прослеживаются в конкретные периоды времени; выделить его управляемые и неуправляемые характеристики.

На аналитическом этапе следующей ступенью является осуществление морфологического анализа, представляющего собой метод систематизации перебора вариантов всех теоретически

возможных решений, основанный на анализе структуры исследуемого объекта. Осуществляя морфологический анализ вышеуказанного примера, необходимо определить каким образом протестное политическое участие будет влиять на подсистемы политической системы, и их функциональные характеристики; какие потенциальные угрозы несет целостности системы?

Современный морфологический анализ применяется при прогнозировании сложных процессов для получения комплексной картины будущего развития и представляется наиболее рациональным при решении задач, которым невозможно или затруднительно дать точное математическое описание, т. е. невозможно количественно измерить и оценить объект исследования[2].

При исследовании объектов, поддающихся математическому описанию, может быть осуществлена еще одна аналитическая процедура – анализ эффективности (по результативности, ресурсоемкости, оперативности). Он включает выбор шкалы измерения, формирование показателей эффективности, обоснование и формирование критериев эффективности. Независимо от количества применяемых аналитических процедур, этап анализа должен завершиться формулированием новых характеристик изучаемого объекта.

Определение главных характеристик изучаемого объекта позволяет перейти к последнему этапу системного анализа, суть которого заключается в синтезе новой системы с заданными параметрами. Если на аналитическом этапе были получены представления об изучаемом объекте, то требование этапа синтеза предполагает создание новой системы с учетом новых знаний об объекте. Для реализации этапа синтеза в системном анализе необходимо последовательно решить следующие задачи: синтезировать параметры нестабильной политической системы; разработать модель новой системы; оценить варианты синтезированной системы.

Подводя итог, можно сделать ряд обобщений в отношении перспектив системной методологии в политической науке.

1. Основу системной методологии составляет принцип рассмотрения объектов как целостных образований с определенными типами связей внутри. Существуют вариации методики системного исследования, и в этом отношении следует различать системный подход и системный анализ. Системный подход применяется достаточно часто в самых различных сферах науки, его методика относительно проста. Системный анализ имеет более трудоемкую методику и включает в себя системный подход как составную часть.

2. В политической науке использование системной методологии восходит к работам американских политологов (Д. Истона, Г. Алмонда, К. Дойча), которые непосредственно основывались на системном подходе. С помощью системного подхода можно определить системообразующий принцип, уточнить системные связи, что и было сделано Д. Истоном. В рамках политических исследований более широкие возможности предоставляет системный анализ, с помощью которого могут быть исследованы самые разнообразные политические объекты, являющиеся элементами системы. Системный анализ применим как к международным отношениям и внешней политике, так и к явлениям внутренней политики и политическим процессам мезоуровня.

Список литературы

1. Грачев, М. Н. Актуальные проблемы политической науки / М. Н. Грачев, Ю. В. Ирхин. – М.: Экономическая демократия, 1996. – 188 с.
2. Кузьбожев, Э. Н. Применение морфологического анализа для развития региональных исследований / Э. Н. Кузьбожев, О. А. Сухорукова, М. Г. Клевцова, Т. Н. Бабич // Экономический анализ: теория и практика. – 2007. – №10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-morfologicheskogo-analiza-dlya-razvitiya-regionalnyh-issledovaniy> (дата обращения: 02.09.2019).
3. Семигин, Г. Ю. Антология мировой политической мысли. Д. Истон / Г. Ю. Семигин. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/38.php (дата обращения: 25.08.2019)
4. Старш, О. Г. Системология / О. Г. Старш. – К., 2005. – 232 с.

Статья поступила в редакцию 14.09.2019

Maksimova, E. N. Development of System Methodology in Political Science: Procedural Aspect

The article analyzes the development of system methodology in political science. Differentiation of methods of system methodology such as system approach and system analysis is carried out. Attention is focused on the step-by-step procedure of system analysis as the most time-consuming methodology. The author comes to the conclusion that in the future the application of system analysis to political phenomena can provide ample opportunities in the study of both international relations and foreign policy, as well as the phenomena of domestic politics and political processes at the meso-level.

Key words: system methodology, system analysis, system approach, political system, decomposition, analysis, synthesis

УДК 930.1:[94(292.471):321.01(470)]

В статье представлен генезис Севастополя с момента основания до настоящего времени. Изначально роль и место Севастополя в пространстве России определялись жизненной необходимостью выхода через Чёрное море и его пролива в коммуникации Мирового океана. Необъятные жизненные пространства и неисчислимые богатства недр России диктовали условия развития Российской государственности через вступление в мировой рынок торговли. Эти условия настоятельно требовали выхода России в систему коммуникации Мирового океана не только на Севере и Дальнем Востоке, но и на Юге. И этот «выход» надо было надёжно закрепить. Так и возникла идея Севастополя как Форпоста защиты южных рубежей России, города Славы, военно-морской базы.

Ключевые слова: история, российская государственность, геополитика, объективные условия, субъективный фактор, народ, население, военно-морской флот.

А. А. Чемшит, профессор, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

СЕВАСТОПОЛЬ – ФОРПОСТ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ

В своём становлении и развитии российская государственность опиралась на геополитическую концепцию XVIII века – «Кто владеет морем, тот владеет сушей». России, располагавшей северным и дальневосточным выходом в Мировой океан, явно недоставало ещё одного выхода в морские коммуникации через Черное море. Это был бы кратчайший путь к установлению доброжелательных социально-экономических и политических отношений с Африкой, Индией и Индонезией, путь к перспективному освоению Антарктиды. На этом пути стояли недружественные Крым и Турция, за спиной которых торчали «уши» Англии с претензией на статус метрополии во всем геополитическом пространстве мира.

Чтобы не уйти в декларативную публицистику, автор в исследовательской методологии востребует философию истории, истоки которой уходят в наследие Вольтера, Г. Болингброка, Р. Дж. Коллингвуда. Это наследие можно рассматривать как независимое критическое мышление о мире, ибо история – это всегда проблема, у истоков которой стоят люди. От их усилий зависит причина проблемы, её становление, развитие, а также возможность её решения. Не случайно Болингброк рассматривает историю как школу жизни. История должна учить людей, как решать ту или иную проблему с учетом опыта прошлых поколений. Если люди игнорируют этот опыт, то наступает расплата. В этом случае история проучивает тех, кто не посчитал нужным рассматривать её в качестве учебника жизни. Политик и мыслитель Генри Сент-Джон Болингброк, стоявший между двумя эпохами в истории Англии, не понаслышке знал о возможностях истории влиять на выбор ближайшего будущего. Он полагал, что история в ипостаси науки должна ориентироваться не на частные цели, а решать задачи, затрагивающие интересы всего человечества, ибо история – это та философия, которая наставляет нас, как себя вести в частной и общественной жизни. Прошлое – всего лишь средство познать себя, и это эффективное средство, если оно не становится инструментом сомнительной политики [1].

Р.Дж. Коллингвуд, не довольствуясь декларативными заявлениями Болингброка и Вольтера, рассматривает историю как реальность событий и как особую мысль об этих событиях, принципиально отличную от естественнонаучной мысли. Коллингвуд – гегельянец, но его гегельянство исключает догматику абсолютного идеализма. Философия истории размышляет над собственным опытом исторического исследования. Это опыт не восприятия реальности, а опыт мысли с ориентиром на уяснение и преодоление многоликости того иррационализма, который довольствуется правдой восприятия (представления), не претендуя на претензию открытия истины той сущности, которая скрыта за ее проявлением. «Чистый опыт» исторической реальности без её философской интерпретации – это всего лишь демонстрация неисторического подхода к анализу прошлого. Философская интерпретация предполагает необходимость «смотреть в глубину прошлого, видеть единство и противостояние противоположностей, где все одноразово и устремлено в свою собственную противоположность» (Гераклит). Поэтому история – это процесс, рассматривающий явления прошлого в их становлении и развитии.

Поскольку Д. Р. Коллингвуд – последователь Гегеля, истоки которого уходят в философию Платона, то для него исторический процесс (историческое бытие) совпадает с историческим сознанием, отражающим процесс человеческих действий. Историческое событие – это факт состоявшегося прошлого. Его можно воспроизвести, но лишь тогда, когда историк владеет совершенной методологией и чувством ответственности за каждое слово-образ реальности прошлого. Только в этом случае знание о прошлом обретает конкретный характер. Это уже не романтика, а историческая правда, в которой оживает прошлое. Историческая реконструкция – это завершающая фаза пройденной истории с претензией на тот конец, который в эстафете поколений заявляет, как своё особое начало, соответствие переживаемому периоду. Другими словами, нет абсолютного завершения исторической реконструкции, а есть лишь промежуточный отчёт, где история заявляет о себе в ипостаси самопознания. Такой подход приближает исследователя к пониманию того «как и почему происходили те или другие события», не ограничиваясь игрой воображения и того представления, которое довольствуется только своей правдой [6].

Взяв за основу методологию исследовательской практики, предложенную Вольтером, Г. Болингброком и Р. Дж. Коллингвудом, автор заявленной статьи осуществил попытку уяснить роль и место Севастополя в развитии российской государственности и защиты южных рубежей России.

Черное море издавна называлось русским морем, о чем свидетельствуют: летопись Нестора («еже море словеть Руськое»), а также греческие и арабские источники [7, с. 7].

Сегодня трудно установить истину и определить имя того, кому принадлежит стратегическая идея создания форпоста на юге России. Севастополь был вызван к жизни железной необходимостью наличия ещё одного выхода в коммуникации Мирового океана как геополитического пространства и закрепление этого выхода в статусе форпоста южной границы. Стратегическая идея рождала и соответствующую тактику её осуществления. Похоже, что эта тактика учитывала опыт освоения Крыма в V-VI веках н. э. эллинами из Гераклеи Понтийской и с острова Делос. Эллины заложили город-полис, который позже назовут Херсонесом Таврическим. Этот город стал основанием пути через Борисфен-Днепр на то место, где будет заложен Киев как отправная точка отсчета истории Киевской Руси и её развертывания в сторону Севера и Востока.

История – это всегда проблема, альфой и омегой которой выступает человек – конкретная личность, неповторимая индивидуальность, возникшая в ответ на объективную необходимость. История не приемлет сослагательного наклонения. Было то, что было. Остается только гадать на кофейной гуще о возможном развитии российской государственности, если бы вместо князя Владимира о себе в системе общественных координат заявил другой человек.

Население Херсонеса довольно быстро возросло до отметки 10 тыс. человек. Для справки – по переписи 1939 г. население Севастополя составляло 112 тыс. человек.

Российскому государству предстояло пройти длинный путь с Юга на Север и с Севера на Юг, чтобы в 1783 г. присоединить Крым к Российской империи манифестом Екатерины II и подтвердить слова Экклезиаста: «Всему своё время и время всякой вещи под небом; время убивать и время врачевать, время разрушать и время строить, время разбрасывать камни и время собирать камни».

В VI-VIII в. до н. э. территорию Крымского полуострова населяли племена тавров, горных людей, и киммерийцев, осваивающих черноморское юго-восточное побережье. Позже их сменили скифы. В VI в. до н. э. появились первые колонии греков. В I тыс. н. э. разные фрагменты полуострова оказывались под влиянием Рима, Скифского государства, Германских племен, Византии, Хазарского каганата. В восточной части Крыма сложилось Тмутараканское княжество, входившее в состав Киевской Руси.

В 988 г. киевский князь Владимир захватил Херсонес несмотря на то, что херсонеситы клялись землёй и солнцем защищать каждую пядь своей территории. В X-XI в. Крым завоевали печенег, а затем половцы. В XII в. в Крыму появились венецианские купцы, которых позже потеснили генуэзцы. В 1239 г. степным Крымом завладели монголы, включив его в состав Золотой Орды, а в 1441 г. на полуострове образовалось Крымское ханство, которое в 1475 г. стало протекторатом Османской империи

Жизнь в Крыму, в основном, обеспечивалась за счёт набегов на окраину российских земель. На Крым, этот лакомый кусок земли, зарились Австро-Венгрия и Польша. Свои планы вынашивали Англия и Франция. Страдала только Россия, которую беспокоили набеги кочевников. Сложилась довольно непростая геополитическая ситуация, нашедшая своё образное отражение в известной басне И. А. Крылова: мужик кричит своему приятелю о том, что поймал медведя, а на предложение того тащить зверя из норы отвечает, что сделал бы это с большим удовольствием, но медведь его «не пускает»... На пути выхода России в Черное море и Средиземноморье скрестились интересы целого

ряда стран, но «игра стоила свеч». Это понимал и Пётр Первый, совершив первый шаг выхода на южные коммуникации Мирового океана через Азов. Российский император совершил три похода на Юг. 20 октября 1696 г. Боярская Дума постановила: «Морским судам быть...», но только в XVIII в. черноморская проблема была решена. В 1768 г. Турция объявила войну России, но потерпела сокрушительное поражение. В ходе войны Россия разгромила турок и на море, и на суше. По условиям Кучук-Кайнарджийского договора (1774 г.) Османская империя отказалась от прежних претензий на полуостров. Крым обрел независимость от Турции. Значение этого события отметил государственный Г. А. Потемкин: «Кто владеет Крымом, тот владеет и Черным морем». В 1778 г. главнокомандующим русскими войсками в Крыму, на Кубани и Днепре был назначен Александр Васильевич Суворов.

Крымскотатарская знать обратилась к российской императрице с просьбой взять Крым под свою защиту. 19 апреля 1783 г. Крымский полуостров официально был признан частью (фрагментом) территории России. 14 июня 1783 г. на берегах Ахтиарской бухты по предложению А. В. Суворова была заложена база дислокации будущего Черноморского флота. Туда были переведены часть Азовской и Днепропетровской флотилии. Это и были истоки Черноморского флота. На берегах Ахтиарской бухты уже было 400 домов, а в бухте базировались 46 кораблей. Крым посетила Екатерина II. Ее сопровождали иностранные послы. В феврале 1784 г. императрица, с подачи Григория Потемкина, назвала освоение Ахтиарской бухты Севастополем – городом славы России [3, с. 70]. Данный вояж можно рассматривать как заключительный акт в осуществлении задуманной цели. Материализация идеи третьего выхода в коммуникации мирового океана обрела легитимный характер. Севастополь заявил о себе в статусе форпоста южных рубежей России.

Подстрекаемая Англией и Францией, опасавшимися роста могущества России на юге, Турция объявила в августе 1787 г. войну России. Молодой Черноморский флот под командованием Федора Федоровича Ушакова нанес вдвое большему турецкому флоту ряд жестоких поражений. Это были первые страницы славы русского флота на Черном море. Севастополь превращался в надежного стража южных границ государства. Из Крыма успешно контролировались основные черноморские коммуникации, в том числе выходы Дуная, Днестра и Днепра.

Ф. Ушаков уже в звании адмирала продолжал уничтожать неприятеля стремительным натиском. Это был повод назвать его «морским Суворовым». Преуспел Ф. Ф. Ушаков и в строительстве города. В 1804 г. Севастополь официально объявляется главным военным портом Черноморского флота, а в 1809 г. – военной крепостью. По данным 1827 г., в Севастополе насчитывалось 41155 жителей, матросов и солдат. Город рос и развивался, а вместе с ним укреплялся и Черноморский флот. В эстафете его героев вслед за Ф. Ф. Ушаковым появились новые имена: М. П. Лазарев, П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомин и много других, внесших свой вклад в славу Севастополя и его Черноморского флота [4].

Севастополь как военно-морская база отличился, обеспечив успех в ходе русско-турецких войн 1806-1812 и 1828-1829 годов. В 1853 г. армия и флот в очередной войне с Османской империей демонстрировали ту мощь, которой опасалась Англия и Франция. Уже в сентябре их союзные войска высадили в районе Евпатории десант. Началась 349-дневная осада Севастополя, вошедшая в историю как «Первая оборона». Уровень военного противостояния, а значит, и степень стратегического значения морской крепости демонстрируют следующие цифры. Черноморский флот состоял из 14 парусных линкоров, 11 парусных и 11 паровых фрегатов и корветов, 24,5 тыс. личного состава экипажей и гарнизона города, 9 батальонов, насчитывавших 7 тыс. человек. Против него Франция, Англия, Турция и Сардиния первоначально выставили огромные силы: флот из 34 линкоров и 35 фрегатов и 67-тысячную армию. Город держался так долго благодаря беспримерному мужеству солдат, матросов, ополченцев-горожан, таланту флотоводцев. Оба руководителя обороны – вице-адмиралы В. А. Корнилов и П. С. Нахимов – получили смертельные ранения, до конца исполнив свой долг. Бои за Севастополь завершились на 350-й день обороны, когда его защитники, по приказу генерала М. Д. Горчакова, оставили южную часть города и перешли на северную сторону. Союзники так и не добились его капитуляции. Потери севастопольцев составили свыше 100 тыс., а нападавшие оставили на подступах к Севастополю 71 тыс. своих солдат и офицеров [8].

Только в 1870 г., после отмены кабальных условий Парижского мира, усилиями российской дипломатии во главе с «железным» канцлером Горчаковым начался процесс восстановления Севастополя, возрождения южных рубежей российского Отечества. По словам российского дипломата и поэта Ф. И. Тютчева, А. М. Горчаков восстановил справедливость. Отстояв интересы России, он преодолел нерешительность, а иногда и предательство самодержавия. К сожалению, затишье длилось недолго. Начало XX в. сопряжено с обострением ситуации в геополитическом пространстве. Вечная соперница России – Англия – подталкивает к войне страну восходящего солнца. Жаждет ослабления

восточного соседа Германия. С вождением через океан смотрят на Россию Соединенные Штаты Америки.

Поражение в надвигающейся войне обернулось «первой пробой пера» – революцией 1905 г.; подготовкой вышеназванных государств к очередному переделу мира, где России была уготована участь «разменной монеты». Первая мировая война взломала мощь российской государственности, рухнула система общественных координат. О себе заявили революция и гражданская война от Запада до Востока, от Севера до Юга.

После неудачной попытки татар захватить власть в Крыму 16 декабря 1917 г. в Севастополе было установлена власть рабочих и солдатских советов. С 1921 по 1946 годы Крым входил в состав РСФСР как Автономная республика, а с 1946 по 1954 годы – в состав РСФСР уже как Крымская область. Затем указом Президиумом Верховного Совета СССР область была передана Украине.

Перестройка-«катастрофка» наложила свою печать и на крымский вопрос. По результатам референдума 12 февраля 1991 г. Крым был преобразован в Крымскую АР в составе УССР. Приняв свою Конституцию в 1992 г., полуостров стал Республикой Крым, а в 1994 г. – Автономной Республикой Крым. 11 марта 2014 г. Верховный Совет Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет приняли декларации о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя. 18 марта 2014 г. был подписан межгосударственный договор о принятии в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополь.

Судьба Севастополя никогда не была безоблачной, но особо тяжелые испытания выпадали в годы войны[5]. В разрушенном городе после 349-дневной осады в 1855 г. оставалось несколько сотен жителей. Фашисты в 1941 г. подвергли город бомбардировке и массированным артобстрелам. Вторая оборона Севастополя, продолжавшаяся 250 дней, стала одним из значительных событий Великой Отечественной войны. Для нацистской армии Севастополь и Крым, в целом, имели важное стратегическое значение. Кроме использования их как военных баз, контроль над этими территориями обеспечил бы путь к нефтеносным районам Кавказа. Защитники главной базы Черноморского флота сорвали планы немецкого командования по продвижению на Кавказ, тем самым оказали существенное влияние на ход войны. Таким образом удалось сковать значительные силы Вермахта, обескровить в оборонительных боях несколько воинских соединений. Под стенами города гитлеровская армия потеряла убитыми и ранеными около 300 тыс. солдат и офицеров.

Только 9 мая 1944 г. практически разрушенный Севастополь был освобожден. В нем оставалось всего лишь 3 тыс. человек. Но Севастополь оказался подобен птице Феникс, которая каждый раз возрождается из своего пепла. Усилиями всего Советского Союза отстроенный заново город заявил о себе как город Славы, как надежный оплот южных рубежей Отечества [2].

В 1954 г. Н. С. Хрущев, якобы из экономических соображений, принял решение о передаче Крыма в состав УССР. О Севастополе «забыли», и только в Конституции УССР 1978 г. он был обозначен как город республиканского подчинения. В ответ на государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. севастопольцы выступили за возвращение своего города в лоно России. По итогам референдума 16 марта 2014 г. Севастополь обрел статус отдельного субъекта Российской Федерации.

За последние 5 лет после 2014 г. Севастополь «повзрослел и возмужал». Он превратился в подлинный форпост южных границ России, но не освободился от проблем роста. Между законодательной и исполнительной властью пока еще нет коллегиального согласия. При отсутствии добротной концепции развития, а ее надо всенародно обсудить и принять через проведение референдума, продолжаются споры вокруг проекта генерального плана развития города. Одни настаивают на том, что Севастополь – это военно-морская база, располагающая своей промышленностью, другие придерживаются мнения, что этот город, осуществляя функции военно-морской базы, должен также стать центром туризма и отдыха. Мнений много, а единства явно не хватает.

Есть проблемы и по духовному воспитанию личного состава Черноморского флота. Отсутствие идеологии в Конституции Российской Федерации ослабляет и делает двусмысленным статус политработника на Флоте. Продолжаются дискуссии по поводу его восполнения, а время общества потребления делает свое дело, формируя ценностные ориентиры эгоиста-потребителя. Растет число неблагополучных подростков, взламывающих эстафету поколений.

Особняком в Севастополе находятся исторический заповедник «Херсонес Таврический» и Владимирский собор. И тот, и другой сосед выясняют отношения по поводу возвращения надуманных и реальных форм собственности вместо того, чтобы вступить в дружественный диалог и сообща реализовать на территории заповедника модель «Южного (Крымского) Афона». Южный Афон мог бы стать фактором осуществления нравственного мировоззрения взрослых и детей. Гуманистические

ценности Нравственного закона покоятся на парных категориях «добра и зла», «прекрасного и безобразного». Эти категории исключают этнические и конфессиональные акценты. Обеспечивая каждому индивиду помощь в решении вопроса о смысле жизни, эти категории заявляют о себе как компас воспитания, просвещения и обучения. Славу Севастополю делают люди, опираясь на взаимную веру, надежду и любовь. Без этих людей блекнет и сила, и надежда, а город может потерять свое лицо и свое предназначение. Севастополь – не сборная «солянка» службы и торговли, туризма и развлечения. Это, в первую очередь, форпост защиты южных рубежей России, проводник, связующий православную «Византию» и Россию, историческая память и надежда на ее поколенческую пролонгацию. Вся история Севастополя, в особенности ожесточенные бои как в Крымскую, так и в Великую Отечественную войну, свидетельствует, что город всегда имел ключевое геополитическое значение. Вне всяких сомнений, геополитические преимущества Севастополя определяются, как минимум, двумя факторами.

Во-первых, побережье в районе Севастополя является уникальным благодаря численности (свыше 30) удобных, хорошо защищённых незамерзающих бухт. Извилистые берега самой большой – Севастопольской – бухты более чем на 8 км уходят в глубь полуострова. Скалистые мысы выступают природными цитаделями. Наличие в Севастополе удобных бухт создаёт благоприятные условия для использования их как баз военно-морского и торгового флота.

Во-вторых, с точки зрения географического расположения Севастополь занимает центральную позицию относительно акватории Черного моря. Эта географическая особенность расположения города дает возможность контролировать значительную часть черноморского бассейна, предоставляет внешнеполитические преимущества государству, владеющему Севастополем [9, с. 691-692].

Возвращение Крыма и Севастополя в родную гавань, в состав России – торжество исторической справедливости. Одновременно акт воссоединения Севастополя с Россией накладывает на руководство страны дополнительную ответственность за отыскание оптимального решения вопроса о месте и роли этого региона в контексте общенациональных приоритетов.

Список литературы

1. Болингброк, Г. Письма об изучении и пользе истории / Г. Болингброк. – М.: Наука, 1978. – 359 с.
2. Ванеев, Г. И. Севастополь 1941-1942. Хроника героической обороны. В 2-х кн. / Г. И. Ванеев. – Киев: «Украина», 1995. – 285 с.
3. Головачев, В. История Севастополя как русского флота / В. Головачев. – СПб, 1872. – 260 с.
4. Зверев, Б. И. Страницы русской морской летописи / Б. И. Зверев. – М.: Просвещение РСФСР, 1960. – 271 с.
5. История города-героя Севастополя. – Киев.: АН УССР, 1968. – 339 с.
6. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории / Р. Дж. Коллингвуд. – М.: Наука, 1980. – 458 с.
7. Семин, Г. Н. Город-герой Севастополь / Г. Н. Семин. – Симферополь, 1958. – 253 с.
8. Тарле, Е. В. Город русской славы / Е. В. Тарле. – М.: Изд-во Мин. Обороны СССР, 1954. – 214 с.
9. Чемшит, А. А. Севастополь // Геополитика: энциклопедия / под. ред. Е. Н. Сулимы. – Киев: Знание Украины, 2012. – С. 691-692.

Статья поступила в редакцию 25.09.2019

Chemshit, A. A. Sevastopol – the Outpost of the Southern Borders of Russia

The article presents the genesis of Sevastopol from its foundation to the present. Initially, the role and place of Sevastopol in the Russian space was determined by the vital necessity of the Black Sea and its strait as an exit to the World Ocean. The immense living space and the innumerable riches of Russia's subsoil dictated the conditions for the development of Russian statehood through the integration into the world trade market. These conditions strongly demanded that Russia enter the communication system of the World Ocean not only in the north and the Far East, but also in the south. And this "exit" had to be securely fixed. This is how the idea of Sevastopol emerged as an Outpost for the protection of the southern borders of Russia, the city of Glory, and a naval base.

Key words: history, Russian statehood, geopolitics, objective conditions, subjective factor, people, population, navy.

УДК 821.161.1-4Тют:321.01(470+571)

Анализируется «учение об империи» Ф. Тютчева. Доказывается двойственность учения Ф. Тютчева, согласно которому, с одной сторон, предусматривается основанная на христианских ценностях модель империи, с добровольным принципом интеграции периферий на основе совпадения интересов России и славянского мира; с другой – обосновывается неизбежность использования различных политических методов для осуществления исторической миссии России.

Ключевые слова: российская имперская идея, империя, имперский дискурс, «учение об империи»

Е. В. Скребец, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: l_skrebec@mail.ru

ИМПЕРСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В КОНЦЕПЦИИ Ф. ТЮТЧЕВА

Имперская идея наиболее ярко и радикально представлена в публицистике русского мыслителя, известного поэта Ф. Тютчева, считавшего империю определяющим принципом российской государственности. Ф. Тютчев является идеологом одного из наиболее смелых проектов создания великой православной империи – наследницы Византии. Будущее России в его концепции связывается с самобытностью христианской цивилизации, не столько славянской, сколько базирующейся на примате Церкви, не подменявшей Бога человеком и признающей власть исходящей от Бога, на «высшем сознании».

Геополитический проект Ф. Тютчева основан на представлении России «Второй Европой», равноценной Западной и являющейся ее духовным конкурентом, отличающейся своим потенциалом, воплощенным в славянском единстве. Это превосходство, согласно мнению Тютчева, должно привести к противостоянию и неизбежному конфликту между «Восточной Империей» и Западным миром, которому свойственна антиславянская, антиправославная политика и страх перед развивающимся и усиливающимся перспективным славянским миром. Ф. Тютчев ассоциировал всю европейскую историю с борьбой Западной и Восточной империй, ведущей свое начало от эпохи распада Рима под ударами варваров. Именно как христианская империя, Россия, по мнению Ф. Тютчева, является центром притяжения для всех восточных христианских народностей. Необходимостью для развития духовных основ славянского единения, поддержания высокой нравственности, культуры и просвещения он считал объединение славян под верховодством России как идейного центра. В письме от 3 мая 1867 г. он утверждал, что Россия имеет «историческое право» на защиту «несчастных народностей, которые в глазах Запада непростительно повинны в том, что тяготеют к нам» [11, с. 215]. Народы, расположенные на территориях между двумя Европами, согласно его концепции, как славянские, так и неславянские, рано или поздно будут вынуждены выбирать, к какой из империй присоединиться.

Имперообразующим принципом в его проекте выступает не племенной вопрос, а христианская традиция, ее сакральный смысл: «Россия гораздо более православная, нежели славянская и, как православная, она является залогохранительницей Империи» [7, с. 222]. Этнический принцип имперостроительства Тютчев считал второстепенным, дополнительным и критиковал исключительно славянский подход к проектам собирания и развития империи, сводя его значение до одного из средств имперостроительства. В апреле 1848 г. он написал в статье «Россия и революция», что «Россия прежде всего христианская империя; русский народ – христианин не только в силу православия своих убеждений», а «в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы» [9, с. 183]. Определяя основания своего проекта имперостроительства, Тютчев практически игнорировал географические и исторические особенности России.

Подчеркивая принципиальные отличия Восточной Империи от Западной, Ф. Тютчев верил в глубокое единство славян. Славянское историческое единство, согласно концепции Ф. Тютчева, должно привести к созданию Восточноевропейского союза при условии интенсивной геополитической экспансии России, которую мыслитель оправдывает и считает органической и закономерной. Историю России, начиная с XVI в. Ф. Тютчев называет историей естественного и закономерного единения славянских народов, которое должно завершиться формированием могущественной «Восточной Империи» из всех не романо-германских народов, исходя из общности духовно-нравственного начала. Процесс исторического развития России Ф. Тютчев разделяет на этапы формирования империи

Востока; критериями для деления являются ее территориальные приобретения. «Стало понятным», – пишет Тютчев, – «что пресловутые завоевания и насилия были самым органическим и самым законным делом, какие только совершались в Истории, что просто состоялось гигантское воссоединение» [8, с. 382].

В статье «Россия и революция» Тютчев выделяет две силы «современного мира»: революционную Европу и консервативную Россию. Современная Ф. Тютчеву Россия, согласно его концепции, должна, составив «Восточную Империю», превзойти Запад и получить политическое доминирование на континенте. «Восточная Империя», как преемница Западной, имеет право включить в свой состав все территории, не относящиеся к коренному Западу, так как она является законной, прямой преемницей верховной власти Цезарей, упорядочиваемой, сдерживаемой и освящаемой Христианством. Ф. Тютчев доказывал наследственный характер прав России на христианскую, европейскую культуру, считая, что российский империализм ведет свою родословную от Константинополя и Римской империи. Право на имперское развитие России он связывал с ее византийским наследием: «Законная Империя осталась привязанной к наследию Константина» [7, с. 222].

Россия рассматривается русским мыслителем не только как самостоятельная и могучая политическая единица, к которой примыкают иные православные народы, но единственная носительница православия. Согласно концепции Ф. Тютчева, Россия должна «органически» включить в империю все не романо-германские народы, так как Запад искажает их национальный характер и духовные основы. Он называл западную цивилизацию результатом деятельности Западной Церкви и в своей работе «Россия и Германия» констатировал: «В течение многих веков Западная Европа самонадеянно полагала, что нет, да и не может быть никакой другой Европы кроме нее... Но признать, что за этими крайними пределами лежит другая Европа – Восточная Европа, законная сестра христианского Запада, как и он христианская, правда не феодальная и не иерархичная, но благодаря этому более глубоко христианская; что там лежит иной мир, единый в своей основе, крепко соединенный в своих частях, живущий собственной органической, самобытной жизнью, – вот чего не мог признать Запад, в чем сомневаются еще и в наши дни очень многие...» [8, с. 381-382]. Этими факторами Тютчев доказывал духовное равенство Восточной и Западной Европы и обосновывал потенциальную антизападную направленность будущего союза славян.

История Запада, несмотря на «римский вопрос» и разделение церквей, также рассматривается Ф. Тютчевым через «принцип империи». Имперский фактор определяется им как центральный при анализе революционных событий (например, революционной империи Наполеона). Происхождение идеи империи в целом он связывает с Западным миром, однако называет «душой Запада» империю как узурпацию власти, отступление от христианской идеи. В отличие от империи Востока, империя Запада представляется ее подделкой, жалким подобием, искажающим христианство. Попытки воплотить идею империи в Западном мире Ф. Тютчев считает обреченными на неудачу в связи с его насильственным и противоестественным, «незаконным» характером. Если Россию Тютчев называет христианской империей, а русский народ – христианским, то революция, по его мнению, – это враг христианства: антихристианское настроение он считал «душой революции, ее отличительным характером» [10, с. 295]. С 1815 г., как утверждал Ф. Тютчев, «империя Запада уже не на Западе. Империя полностью ушла оттуда и сосредоточилась там, где во все века существовала законная традиция Империи» – в России [7, с. 225]. Согласно концепции Тютчева, Запад представляет собой только половину «великого исторического целого», второй половиной которого является «Восточная Империя», обладающая значительным потенциалом и призванная реорганизовать всю Европу по инициативе и под руководством России. Ф. Тютчев писал о Германии и Италии как о будущих имперских провинциях России (после длительных междоусобных войн на Западе).

Геополитический проект устройства России как православной империи, занимающей весь Евразийский континент, содержится в черновиках статьи Ф. Тютчева «Россия и Запад». Окончательным его вариантом, по мнению Ф. Тютчева, должна стать Россия, «органически» подчинившая себе все исторически принадлежащие ей территории и объединившая все славянские народы. «Сперва по славянскому следу поглощались онемеченные славянские земли Восточной Германии «до Эльбы» и Австрия... Далее, «поглощение Австрии» трактовалось... и в качестве подступа к подчинению Россией по австро-имперскому следу всей Германии и Италии, «двух земель Империи». Вероятно, в проект входила вслед за «возвращением» Константинополя также оккупация ближневосточных земель Порты – до Нила и Евфрата. И, наконец, важнейшей частью утверждения «другой Европы» становилось подчинение папства, а через него учинение контроля над большей частью западного человечества» [13, с. 93]. России в концепции Тютчева отводится роль окончательного оформителя Империи, которая охватит всю ойкумену, без чего православная империя

будет неполной, незаконченной, не способной к существованию. Эти идеи близки концепции русского философа В. Соловьева, доказывавшего, что «Россия, как страна по преимуществу христианская, призвана внутренне обновить и внешним образом объединить все человечество» [6, с. 105].

Россию будущего Тютчев представляет как империю Востока и заключает: «Империя Востока: это Россия в окончательном виде» [7, с. 222-223]. Восточную Европу Ф. Тютчев называет «на три четверти установившейся» и обязанной получить Константинополь, который он считает последним и самым существенным дополнением естественного хода событий. Именно Константинополь, согласно его концепции, историческим провидением предназначен «Восточной империи», России как естественной наследнице Византии, где он должен стать столицей. Необходимость его вхождения в состав всеславянского государства объяснялась Ф. Тютчевым установлением верховенства «Восточной Империи» над Западным миром. Органическим продолжением этого процесса Тютчев утверждает подчинение Восточному объединению латинства и Рима, который, по мнению автора, также может использоваться «Восточной Империей» в качестве одной из столиц союза.

Судьбу православия Ф. Тютчев ставил в зависимость от судьбы Русской империи в своей версии развития имперского надконфессионального христианства. В заметке Тютчева от 9 сентября 1849 г. речь идет о двух фактах, которые были бы способны «в положенное время заключить на Западе революционное междоусобие трех последних столетий и открыть в Европе новую эру». Этими двумя факторами у Тютчева названы: 1) окончательное образование великой православной Империи, законной Империи Востока, одним словом, России будущего, осуществленное поглощением Австрии и возвращением Константинополя; 2) воссоединение двух церквей – восточной и западной. Согласно идее Тютчева, эти два факта составляют один: «православный император в Константинополе... православный папа в Риме, подданный императора» [5, с. 196].

Возможность дальнейшего существования России Ф. Тютчев связывал с созданием «Империи Востока» и эволюционным перерастанием России в границах имперского периода в сверхдержаву, включающую все народы Восточной Европы и всю территорию Евразии. Как утверждал Тютчев, «если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы» [7, с. 223]. В случае провала осуществления континентального проекта объединения славянских и иных нероманских и негерманских народов, Россия не сможет продолжить свое существование, приходит к выводу Ф. Тютчев. По Тютчеву, как полагал Г. Флоровский, империя является «историческим пределом, к которому Россия стремится. И если его не достигнет, то и погибнет» [12, с. 350].

В концепции Ф. Тютчева нашла свое развитие идея «Translatio Imperii»: «Что же такое Империя?», – писал Тютчев, – «Учение об Империи. Империя не умирает. Она передается. Реальность этой передачи. 4 прошедших Империи. 5-я окончательная» [7, с. 222]. Определяющей характеристикой России, согласно концепции Тютчева, является временный, переходный характер ее существования до формирования «Восточной Империи». Российскую империю он представляет в образе спасительного библейского Ноева ковчега и считает долгом России присоединить земли, заселенные угнетенными христианами, к территории империи; он отрицает спасение вне России. По мнению Тютчева, Россия провиденциально призвана продемонстрировать всем иным народам основанные на христианстве, правильные и нормальные формы государственного строительства, путем объединения в империю на добровольных началах славянских племен. Империя, согласно концепции Ф. Тютчева, может быть в мире только одна, она неделима, и, следовательно, идея «Восточной Империи» оправдывает процесс колонизации и легитимирует существующие и будущие территориальные приобретения России. Противоречивость концепции Ф. Тютчева заключается в том, что с одной стороны – он писал, что «империя предполагает законность», с другой – «Восточная Империя», по его словам, в качестве преемницы Западной Европы, может использовать любые доступные ей средства для осуществления исторической миссии [7, с. 220].

Современные исследователи концепции «Восточной Империи» утверждают, что Ф. Тютчев уже при жизни увидел крушение своей идеи. Еще Вл. Соловьев утверждал, что «вера Тютчева в Россию высказывалась в пророчествах более определенных. Сущность их в том, что Россия сделается всемирною христианскою монархией... Одно время условием для этого великого события он считал соединение Восточной церкви с Западною через соглашение царя с папой, но потом отказался от этой мысли, находя, что папство несовместимо со свободой совести, то есть с самою существенною принадлежностью христианства» [6, с. 120]. Отечественный исследователь В. Кантор отмечает, что «сразу после смерти Николая I, разочарованный во всей его показно имперской, а на самом деле антиимперской политике, Тютчев на какой-то момент отчаивается в возможности России осуществить великую идею всемирной империи, в том числе и потому, что государственные деятели, да и народ потерял чувство избранности, столь важное для создания империи» [2, с. 284].

В работах современных ученых встречаются разные, подчас взаимоисключающие, взгляды на концепцию «Восточной империи». В. Отрошенко, например, характеризует имперскую концепцию Тютчева как азиатскую. Он пишет, что Ф. Тютчев «подобно новому Чингисхану создает в середине XIX в. в своем политическом трактате «Россия и Запад», написанном по-французски, самую радикальную и поистине монгольскую «доктрину Империи» («doctrine de l'Empire»)), которая предполагает расширение российского пространства до невероятных размеров. По его мнению, в проекте Тютчева предполагалось создание как всемирной «Универсальной Монархии» («la Monarchie Universelle»), так «окончательной Империи, находящейся под управлением русского царя и обладающей пространствами, которые далеко превосходят историческую монголосферу». Эта сверхимперия, занимающая почти все Северное полушарие Земли, трактуется поэтом как наследница всех империй мира – Ассирийской, Персидской, Македонской, Римской и является единственной законной носительницей самого принципа империи. Однако, как комментирует это убеждение В. Отрошенко, Тютчев был славянофилом, потому «не мог допустить и мысли о том, что «принцип империи» Россия унаследовала от Монголии» [4].

Современный культуролог из Санкт-Петербурга А. Казин отмечает провиденциальный характер исторической концепции писателя: «Как дипломат и политик, – пишет он, – Федор Тютчев предсказал Первую мировую войну и натиск революции в самой России. Историческою и геополитическою мечтой («альтернативой») Тютчева было построение великой греко-российско-славянской Восточной империи со столицей в Царьграде (Константинополе), то есть возвращение Третьего Рима к своему первоистоку». Исследователь поясняет, что «Законную Империю (в противовес незаконной революции) Тютчев понимал именно как Православное Царство во главе с помазанником Божиим, то есть как Удерживающее начало мира – удерживающее его от окончательного броска в бездну (2 Фес. 2: 7). В этом, по убеждению А. Казина, состоит основное отличие тютчевской историософии от классического славянофильства, для которого ключевым словом было «община»» [1, с. 289].

В. Цымбурский указывал на геополитическую ориентированность концепции Ф. Тютчева – «первой по времени известной декларации российского панконтинентализма, далеко вышедшего за рамки будь то «славянофильские» или «панславистские»» [13, с. 88]. Концепцию Тютчева В. Цымбурский характеризовал как развертывание «панславистской» «России-2» в панконтинентальную «Россию-3», «Россию будущего» [13, с. 93].

Подводя итог можно отметить, что согласно концепции Ф. Тютчева, только имперский принцип наднационального блага демонстрирует способность объединять народы. Преимуществами России как собирательницы империи, согласно его учению, является религиозная основа межнациональной связи между ее частями, базирование на христианской идее, а не целесообразность политического расчета и расширения, свойственная Западу. Могущественнейшая Восточная империя, сформированная Россией, должна спасти Западную Европу и весь мир с помощью православия, сделав их православными. В концепции Ф. Тютчева, с одной стороны – предусматривается основанная на христианских ценностях модель империи, с добровольным принципом интеграции периферий на основе совпадения интересов России и славянского мира, с другой – обосновывается неизбежность использования разных политических методов для осуществления исторической миссии России. Именно последние позиции концепции Ф. Тютчева чаще всего подвергаются критике, поскольку современные российские политологи признают, что насилие над христианскими народами разрушает идеальную структуру империи (как оплота Благочестия), оставляя лишь «голый этатизм» [3, с. 402].

Список литературы

1. Казин, А. Л. Формула России (К двухсотлетию со дня рождения Федора Тютчева) / А. Л. Казин // Всероссийский сбор. – 2003. – № 3. – С. 289-292.
2. Кантор, В. К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России / В. К. Кантор. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 544 с.
3. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 448 с.
4. Отрошенко, В. Писатель и пространство / В. Отрошенко // Октябрь. – 2004. – № 12. – С. 173-179. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2004/12/otr14.html> (дата обращения: 10.12.2018).
5. Пигарев К. В. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. – Литературное наследство. – Вып. 19-21 / К. В. Пигарев. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935. – С. 177-218.
6. Соловьев, В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева // Литературная критика / В. С. Соловьев; [сост. и коммент. д-р ист. наук Н. И. Цимбаева, В. И. Фатющенко; редкол.: д-р филол. наук Н. Н. Скотов и др.; вступ. ст. Н. И. Цимбаева] / В. С. Соловьев. – М.: Современник, 1990. – С. 105-121.

7. Тютчев, Ф. И. Незавершенный трактат Россия и Запад // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. В 2 кн. / Ф. И. Тютчев. – М.: Наука, 1988. – Кн. 1. – 1988. – С. 183-230.
8. Тютчев, Ф. Россия и Германия // Полн. собр. соч. в стихах и прозе / сост., пред., статьи, прим. В. Кожина / Ф. И. Тютчев. – М.: Вече, 2000. – 496 с.
9. Тютчев, Ф. И. Россия и Запад: Книга пророчеств: ст., стихи / Ф. И. Тютчев; ил. Ф. Домогацкого. – М.: Правосл. Свято-Тихон. богосл. ин-т, 1999. – 202 с.
10. Тютчев, Ф. И. Россия и революция // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений / Под ред. П. В. Быкова / Ф. И. Тютчев. – СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркс, 1913. – 468 с.
11. Тютчев, Ф. И. Сочинения: В 2-х т. / Ф. И. Тютчев; общ. ред. К. В. Пигарева. – М.: Правда, 1980. – Т.2. Письма. – 1980. – 351 с.
12. Флоровский, Г. В. Тютчев и Владимир Соловьев (Главы из книги) // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли / Г. В. Флоровский. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.
13. Цымбурский, В. Тютчев как геополитик / В. Цымбурский // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 86-98.

Статья поступила в редакцию 23.07.2019

Skrebets, E.V. *Imperial Development of Russia in the Concept of F. Tyutchev*

«The doctrine of the Empire» by F. Tyutchev is analyzed. The duality of the concept of F. Tyutchev is demonstrated. According to this duality, on the one hand, Christian values empire model is provided, with the voluntary principle of integration of peripheries on the basis of coincidence of interests of Russia and the Slavic world. On the other hand, the inevitability of using various political methods for the implementation of the historical mission of Russia is substantiated.

Key words: Russian imperial idea, empire, imperial discourse, «The doctrine of the Empire».

РЕЦЕНЗИЯ

* * *

УДК 94(497.1)“1945/1964”(049.32)

В 2016 г. Владимир Унковский-Корица, историк сербского происхождения, опубликовал исследование по истории Югославии 1945-1964 гг. В рецензии рассматриваются теоретические принципы книги и их применение к ряду конкретных проблем югославской истории, выделены основные достоинства и недостатки работы, подвергнута анализу источниковая база, дана краткая характеристика содержания.

Ключевые слова: Югославия, рабочий класс, историография, политическая борьба, экономическая политика.

Ю. В. Шахин, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: y-v-shahin@yandex.ru

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РАБОЧИЙ КЛАСС И ГОСУДАРСТВО В ЮГОСЛАВИИ

(Рецензия на монографию: Unkovski-Korica, V. The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment / V. Unkovski-Korica. – L. – N.-Y.: I. B. Tauris & Co. Ltd, 2016. – X, 294 p.)

В 2016 г. в Великобритании вышла книга Владимира Унковского-Корицы «Экономическая борьба за власть в Титовской Югославии от Второй мировой войны до неприсоединения» [8]. Оказалось, что автор занимается тем же периодом югославской истории, что и рецензент, опирается на похожие источники и руководствуется той же методологией. При этом он принадлежит к иной историографической традиции и вообще не использовал научную литературу на русском языке. В этой связи интересно проследить и сравнить, как развивалась его мысль, и к каким выводам он приходит.

Унковский-Корица выделил два источника своего теоретического вдохновения. Первым является работа Тони Клиффа «Государственный капитализм в России» [1]. В свое время она сильно повлияла на рецензента, чего не скажешь о разбираемой книге: влияние Клиффа проявляется там разве что в признании конфликтных отношений между бюрократией и рабочими. Второй теоретический источник – обстоятельное исследование Сьюзан Вудвард «Социалистическая безработица» [9]. С ним рецензент познакомился намного позже, чем проделал собственный научный анализ югославской истории, а вот у Унковского-Корицы влияние Вудвард прослеживается очень сильно, как в многочисленных деталях, так и в теоретических принципах. Он берет на вооружение две ключевые идеи этого труда. Во-первых, Вудвард считает, что в Югославии государство «периодически реорганизовывало общество для регулирования проблемы капитала». Во-вторых, на экономические процессы в Югославии влияло ее международное положение, что проявилось в изменении трудовых отношений. Сама Вудвард не марксист, но два указанных фактора вполне вписываются в марксистский подход.

Автор часто ссылается на Вудвард и подчеркивает ее правоту по ряду конкретных наблюдений, но его исследование все-таки имеет самостоятельный характер. В отличие от Вудвард он поставил цель изучить отношения между государством и обществом, а точнее между «партией-государством» и рабочим классом, указывая на их конфликтность [8, р. 5]. Лишь в конце книги он осторожно поясняет, что имелась в виду классовая борьба [8, р. 221], а так он использует разнообразные эвфемизмы – «давление сверху», «сопротивление на цеховом уровне», «конфликтные отношения»... Видимо, идеологическая цензура в Великобритании свирепствует сильнее, чем на постсоветском пространстве: автору этих строк не составило труда издать монографию, где развитие Югославии второй половины 1940-х – начала 1960-х гг. объясняется через призму классовых конфликтов между партийно-государственной бюрократией (государственной буржуазией), с одной стороны, и рабочими и крестьянами – с другой [2]. Поскольку Унковский-Корица не пояснил, какие классы противоборствовали в Югославии, и в частности не раскрыл социальную природу партийно-государственной бюрократии в обществах советского типа, его социальный анализ оказался обеднен, а криптомарксистская методологическая основа понятна лишь посвященным.

Именно наличие классового конфликта дало Унковскому-Корице основание назвать свою работу «Экономическая борьба за власть»: «...Отношения в промышленности и между государством и

обществом оставались в своей основе конфликтными, и рабочие боролись за контроль над процессом труда и его плодами. Давление снизу должным образом воздействовало на местность, где велась политическая борьба» [8, р. 6]. Правда, из книги так и не удастся выяснить, что такое сама эта экономическая борьба за власть, и как рабочие боролись за контроль над процессом труда и его плодами. Если, что и можно там увидеть, то отдельные штрихи к их борьбе за экономические интересы.

Структурно книга состоит из введения, четырех разделов и заключения. Каждый раздел охватывает примерно равные промежутки времени по 4-6 лет. Их выделение автор связывает с ключевыми изменениями в международном положении Югославии и одновременно в ее внутреннем развитии. Первый период – 1944-1948 гг., второй – 1948-1953 гг., третий – 1953-1957 гг., четвертый – 1958-1964 гг. Впрочем, в последнем случае фактический материал исчерпывается началом 1963 г. Во всех разделах, кроме четвертого, в начале дается характеристика международных процессов, в которые была вовлечена Югославия, а потом анализ внутреннего развития. Подобная последовательность вполне соответствует исследовательской позиции автора. Так в заключении он отмечает, что изучал различные эшелоны «партии-государства» как приводные ремни для давления мировой экономики на рабочее место [8, р. 221].

Первый раздел начинается не только с международной обстановки, но и с истории Коммунистической партии Югославии. Унковский-Корица отмечает, что после прихода к власти роль партии изменилась и стала двойственной. С одной стороны, она опиралась на рабочий класс, а с другой – стала ядром новых правящих кадров и побуждала его к выполнению стоящих перед государством задач, которые могли не совпадать с его интересами. А сам рабочий класс был немногочисленным, свежерекрутированным из других слоев и раздробленным [8, р. 24-25]. Автор описывает изначальные социальные условия, в которых формировалась внутренняя политика КПЮ, показывает различные позиции в среде рабочих и крестьян, разные взгляды на экономическую политику в партийном руководстве, упоминает вскользь бюрократизацию, но не акцентирует ее социальных последствий. В целом, в этом разделе он скорее вводит читателя в курс дела, рисуя общую картину, и с точки зрения специалиста не сообщает ничего принципиально нового.

Новизна появляется во втором разделе уже при оценке советско-югославского конфликта. Унковский-Корица считает, что он был вызван не только внешнеполитическими разногласиями, но и различным пониманием целей экономического развития, а в эскалации конфликта сыграл роль не только Советский Союз, но и Югославия, а также Тито лично [8, р. 68]. Для выходца из бывшей Югославии это практически разрыв шаблона, поскольку местная историографическая традиция десятилетиями указывала на одностороннюю вину СССР. Затем автор анализирует развитие экономических проблем в годы первой пятилетки и причины изменений в экономической политике. Здесь он заявляет о несогласии с Вудвард, которая полагала, что применение внеэкономических мобилизационных методов было вызвано внешними обстоятельствами, и становится на нашу точку зрения, исходящую из того, что международные отношения лишь усугубили уже существующие проблемы. Даже перечень внутренних противоречий у него похожий, хотя к нашим исследованиям он не обращался. Унковский-Корица пишет о противоречиях между городом и деревней, между производительностью труда и ростом занятости, о социальных противоречиях в отношениях КПЮ с рабочими и крестьянами и даже о том, что они стали центральными при разработке югославской теории социализма [8, р. 62, 69, 70]. Налицо такое свойство научного знания, как воспроизводимость. Все-таки неправы те, кто отрицает объективный характер исторического знания, а истории отказывает в статусе науки...

Одна из ключевых проблем в истории послевоенной Югославии – возникновение «самоуправленческого социализма». Здесь наши позиции расходятся. Объясняя его появление, рецензент искал внутренние причины, а к внешним факторам прибегал лишь тогда, когда внутренних оказывалось недостаточно. На наш взгляд, введение производственного самоуправления – это классовая уступка партийно-государственной бюрократии, осуществленная для сохранения господства над рабочим классом в условиях внешнеполитической угрозы, экономического кризиса и обострения классовых конфликтов в городе и деревне. Однако форму этой уступки предопределило идеологическое противостояние в условиях советско-югославского конфликта. Поэтому уступка оказалась избыточной – она заходила гораздо дальше, чем нужно было, чтобы просто сохранить лояльность рабочих. В результате они получили то, чего даже не думали требовать.

Унковский-Корица тоже признаёт, что рабочие самоуправления не требовали и были к нему изначально равнодушны, а в остальном смотрит на эти вопросы совсем по-другому. Он считает внешние причины появления «самоуправленческого социализма» решающими. Советско-югославский конфликт якобы лишь усилил легитимность КПЮ, и реформы проводились не столько для укрепления

ее власти, сколько для укрепления внешнеполитического положения [8, р. 105]. Он вообще не предполагает, что господство бюрократии над рабочим классом в 1950 г. пошатнулось. Зато партийные лидеры с первых же дней рассматривали самоуправление как пропагандистский инструмент во внешней политике и ничего не говорили о нем как средстве установить контроль над выходящими из подчинения рабочими.

В пользу своей концепции Унковский-Корица может привести один веский аргумент: на наш взгляд обострение классовой борьбы началось в 1950 г., а он показывает, что усилия по разработке производственного самоуправления начали прилагаться с августа 1949 г. Этот аргумент не только его исследовательская заслуга. Выискивая истоки самоуправления, он обнародовал данные О. Милосавлевич, которая еще в 1980-е гг. написала по этому поводу диссертацию, она проследила выработку первых законопроектов о самоуправлении и влияние профсоюзов на этот процесс. Ее неопубликованная рукопись давно лежала мертвым грузом в библиотеке философского факультета в Белграде (в свое время мне с ней, к сожалению, ознакомиться не удалось), и, наконец, ее данные стали достоянием научной общественности благодаря рецензируемой книге.

Хотя разработка производственного самоуправления предшествует обострению классовой борьбы, переходить на точку зрения Унковского-Корицы пока преждевременно. Ведь одно дело законопроекты и экспериментальные рабочие советы, а другое – системное внедрение производственного самоуправления, и в этом случае последовательность событий иная. Классовая борьба в городе согласно нашим выводам обостряется весной 1950 г., а системное введение самоуправления, как известно, начинается летом. Впрочем, на сегодняшний день динамика классовой борьбы рабочих исследована слабо. Вопрос нуждается в уточнении, и выводы могут быть пересмотрены. Унковский-Корица имел больше возможностей для его исследования, чем рецензент. Однако по сравнению с нашими исследованиями эта тема освещена у него поверхностно. Это характерно как для кризиса 1950-1952 гг., так и для кризиса 1955-1956 г. А при анализе забастовочного движения, начавшегося в 1958 г., он почти не идет дальше Н. Ёванова [4], хотя доступная источниковая база по сравнению с концом 1970-х гг. сейчас расширилась.

После введения самоуправления в начале 1950-х гг. рабочий класс у Унковского-Корицы исчезает как самостоятельный объект анализа. Ничего не говорится об изменениях в его социокультурном облике, а упоминания о его активности и настроениях служат простым фоном для внутренней борьбы высшего партийного руководства, на которую смещается всё внимание исследователя. Правда, может показаться, что это не так, ведь он продолжает рассматривать деятельность профсоюзов – в четвертом разделе внимание к ним существенно возрастает. Но здесь нужно пояснить, как видит Унковский-Корица профсоюзы в югославском обществе.

В ходе чтения книги возникает впечатление двойственного характера профсоюзов, по крайней мере, на уровне «первичек» – это поле борьбы между рабочим классом и партийно-государственной бюрократией за инструменты реализации собственных интересов. В зависимости от соотношения сил им пользовалась то одна, то другая сторона. Но сам Унковский-Корица с такой трактовкой не согласен и в заключении специально излагает свое понимание роли профсоюзов в югославском обществе. Они не были двуликим Янусом, поскольку являлись лишь автономным продолжением «партии-государства» и не были свободным союзом, представляющим рабочее движение. Но у них были свои собственные бюрократические интересы, поэтому они иногда бросали вызов политике «партии-государства» [8, р. 225].

После 1950 г. из рассмотрения Унковского-Корицы также исчезают крестьяне и сельское хозяйство. Конечно, после начала американской продовольственной помощи влияние деревни на внутреннее развитие ослабло – у партийно-государственной бюрократии появился дополнительный источник решения продовольственных и сырьевых проблем, и она могла маневрировать, опираясь то на внешние, то на внутренние ресурсы, но полностью абстрагироваться от села нельзя – там проживало больше половины населения страны.

Таким образом, в третьем и четвертом разделах борьба за «экономическую власть» оказывается исключительно борьбой внутри партийно-государственной бюрократии. В ее изучение Унковский-Корица внес заметный вклад. Он провел самостоятельное и в самом деле первое системное исследование ее внутренних конфликтов в период 1958-1963 гг. Он проследил разделение партийных руководителей на реформаторов и консерваторов, сгруппировав их по персоналиям, предельно ясно определил позицию Тито (глава Югославии выступал за продолжение рыночных реформ при сохранении политического контроля) и тем самым в новом свете представил его отношения с Карделем и Ранковичем в первой половине 1960-х гг. Унковский-Корица выявил ориентацию рыночников на квалифицированных рабочих в противовес низкоквалифицированным и выдвинул интересное

утверждение, что этот курс усиливал не только социальное, но и территориальное неравенство и тем самым ослаблял единство Югославии.

Сам автор в заключении полагает, что имеет еще одно достижение: из книги становится видна связь между мировой политэкономией, домашними классовыми антагонизмами и манипуляцией идеологическими нарративами со стороны республиканских элит, чтобы направить недовольство с классового в национальном направлении [8, р. 221]. Увы, последняя часть утверждения не верна: из его работы не видно, как республики манипулируют национализмом в своих интересах – исторической науке еще только предстоит решить эту проблему.

Важным достоинством исследования внутрипартийной борьбы, да и всей работы в целом, является объективность. Когда читаешь труды современных югославянских историков, очень легко определить их национальность или гражданство, исходя из оценки тех или иных событий югославского прошлого. Между тем, в случае Унковского-Корицы это невозможно. Предшествующие рецензенты уже отмечали беспристрастный характер его работы [5, s. 137]. По мнению И. Станича это объясняется возрастом – автор принадлежит к молодому поколению исследователей. На наш взгляд, дело не только в этом, но и в политических убеждениях Унковского-Корицы – судя по его общественно-политической деятельности, он сторонник классового подхода. Конфликты в высшем партийном руководстве конца 1950-х – начала 1960-х гг., как давно замечено, являются истоком тех политических процессов, которые привели к кровавому распаду Югославии, но именно потому, что Унковский-Корица не ставит национальное во главу угла, он оказывается способен судить о них без гнева и пристрастия. Это именно тот случай, когда партийность служит залогом объективности, хотя господствующие сейчас взгляды на методологию истории и пытаются их противопоставить.

Отдельной характеристики заслуживают историография и источниковая база книги. Будучи сербо-английским исследователем ее автор имел возможность охватить новейшие труды, как на английском, так и на сербскохорватском языке, и в этом большое достоинство произведения. Однако англоязычные исследования количественно преобладают, а некоторые полезные работы на сербскохорватском языке в списке литературы отсутствуют. Например, учитывая пристальное внимание к профсоюзной теме, странно, что из поля зрения автора выпал обзор истории белградских профсоюзов [3].

С первоисточниками Унковский-Корица работал добросовестно. Помимо традиционного использования партийных фондов он широко опирался на архивные документы профсоюзного происхождения, которые слабо изучались предшественниками, и в их привлечении его несомненная заслуга. Кроме того, он широко охватил мемуары. Заметно меньше он прибегал к помощи законодательства и особенно официальной статистики, хотя экономические процессы требуют ее широкого применения. Также непонятна тяга автора к использованию архивных документов при наличии их научных публикаций. Например, стенограмма расширенного заседания Исполкома ЦК СКЮ в марте 1962 г. и ряд сопутствующих ей источников были изданы Архивом Югославии еще в 1998 г. [7], но Унковский-Корица предпочел изучать их по подлинникам. То же самое касается заседаний Хозяйственного Совета ФНРЮ. Среди множества ссылок на его заседания в рецензируемой работе мне удалось найти лишь три неопубликованных документа, которые не включены в четырехтомное издание Архива Югославии [6]. Что любопытно, автор один раз ссылается на это печатное издание, но явно не держал его в руках. Ссылка сделана без указания тома, а авторы предисловия представлены как авторы книги [8, р. 244].

В работе содержатся мелкие фактические ошибки и неточности: Молотов в 1948 г. назван народным комиссаром [8, р. 60], а должен быть министром, упомянута югославская конституция 1948 г. [8, р. 105], а должна быть 1946 г., словенский литератор Пирьевец назван Ёже [8, р. 189], а на самом деле он был Душан. Но все эти мелкие недостатки блекнут перед одним существенным: книга опубликована на английском языке, и потому подавляющее большинство жителей бывшей Югославии лишено возможности уточнить картину своего собственного прошлого через чтение этого объективного, интересного и полезного исследования.

Список литературы

1. Клифф, Т. Государственный капитализм в России / Т. Клифф. – М.: Б.и., 1991. – 287 с.
2. Синдикат Београда, 1945-1998. – Београд: Веће Савеза самосталних синдиката Београда, 1999. – 535 с.
3. Шахин, Ю. В. Югославия на пути модернизации / Ю. В. Шахин. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Jovanov, N. Radnički štrajkovi u SFRJ od 1958. do 1969. Godine / N. Jovanov. – Beograd: Trajna radna zajednica pisaca Zapis, 1979. – 230 s.

5. Stanić, I. Prikaz: Unkovski-Korica V. The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment / I. Stanić // Politička misao. – 2018. – № 1. – S.134-137.
6. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine / priredio M.Zečević. – Beograd: Arhiv Jugoslavije, 1998. – 311 s.
7. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ: 1944-1953. – Beograd: Arhiv Jugoslavije, 1995. – Knj.1. – XV,909 s; Knj.2. – 734 s; Knj.3. – 783 s; Knj.4. – 823 s.
8. Unkovski-Korica, V. The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment / V. Unkovski-Korica. – L. – N.-Y.: I. B. Tauris & Co. Ltd, 2016. – X, 294 p.
9. Woodward, S. J. Socialist Unemployment: the political economy of Yugoslavia, 1945-1990 / S. J. Woodward. – Princeton, NJ: Princeton University press, 1995. – XVI, 443 p.

Статья поступила в редакцию 10.07.2019

Shakhin Y.V. A New View at the Working Class and State in Yugoslavia (Rev.: Unkovski-Korica, V. *The economic struggle for power in Tito's Yugoslavia from World War II to non-alignment* / V. Unkovski-Korica. – L. – N.-Y., 2016. – X, 294 p.)

In 2016, Vladimir Unkovski-Korica, a historian of Serbian origin, published a study on the history of Yugoslavia in 1945-1964. The review examines the theoretical principles of the book and their application to a number of specific problems of the history of Yugoslavia, highlights the main advantages and disadvantages of the book, analyzes the source basis, gives a brief description of the content of the book.

Key words: Yugoslavia, working class, historiography, political struggle, economic policy.

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов
Выпуск 14
2019

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *А. А. Ковалевский*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13,
каб. 3.7 E-mail: iorbook@sevsu.ru
URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=58369

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна

Подписано в печать 15.10.2019. Формат 60×84/8. Заказ № 51/19.
Усл. печ. л. 7,75. Уч.-изд. л. 7,6. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7